

Викинг Ивар. Романтическая история, основанная на подлинных фактах третьего и четвертого веков

Поль Б. Дю Шайю

Ivar The Viking

A Romantic History
Based Upon Authentic Facts Of The
Third And Fourth Centuries

by

Paul Du Chaillu

The Project Gutenberg eBook of Ivar the Viking.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Ivar the Viking

Автор: Paul B. Du Chaillu

Составитель: У. Э. Гладстон

Дата выхода: 22 марта 2018 [eBook #56810]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено readbueno, Barry Abrahamsen, и Online Distributed Proofreading Team на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/American Libraries.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK IVAR THE VIKING ***

Изображение обложки было создано переводчиком и является общественным достоянием.

ВИКИНГ ИВАР

ИВАР ВИКИНГ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ, ОСНОВАННАЯ НА ПОДЛИННЫХ ФАКТАХ ТРЕТЬЕГО И ЧЕТВЕРТОГО ВЕКОВ

ПОЛЬ ДЮ ШАЙЮ, АВТОР КНИГ "ЭПОХА ВИКИНГОВ", "СТРАНА ПОЛУНОЧНОГО СОЛНЦА", "ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭКВАТОРИАЛЬНОЙ АФРИКЕ", "ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ АШАНГО" И ДР.

ЛОНДОН

ДЖОН МЮРРЕЙ АЛБЕМАРЛ СТРИТ

1893

ДЖОРДЖУ У. ЧИЛДСУ

Мой дорогой Чайлдс: Прошли годы нашей нерушимой дружбы, продолжавшейся более четверти века, и воспоминания о всех ваших любезностях за это время живо встают перед моим мысленным взором. Много раз ваш дом в Филадельфии, на берегу моря или в

Вуттоне был моим домом, и многие из счастливых дней моей жизни были проведены с вами и вашей доброй женой. Три года назад я лежал на больничной койке в вашем доме, и все, что могли сделать нежный уход, мастерство врача и любящие руки в ту зиму, было сделано для меня, и за все это я обязан вам и миссис Чайлдс. Теперь двадцать миль ходьбы день за днем не утомляют меня. Частично "Ивар-викинг" был написан после моего выздоровления под тенью деревьев Вуттона и в окружении благоухания его цветов. Вам, мой дорогой старый друг, я посвящаю эту книгу в знак уважения к вашему благородному характеру и в знак благодарности за все, что вы для меня сделали.

ПОЛЬ ДЮ ШАЙЮ.

Нью-Йорк, сентябрь 1893 года.

ВВЕДЕНИЕ

История "Ивара Викинга" отражает реальную жизнь норвежских вождей, правивших в описываемый период, а также рассказывает об обычаях, религии, быте и образе мыслей, преобладавших среди людей. Моя цель при написании этой истории - дать представление в популярной форме о жизни этих ранних предков англоязычных народов, чья власть находилась на островах, расположенных в бассейне Балтики и странах, известных сегодня как Скандинавия.

Читатель этого тома получит верное представление о цивилизации норманнов того периода, людей, которые пришли к воротам Рима и поселились в Британии, Галлии, Германской империи, на берегах Средиземного моря и в других странах.

Я начинаю историю моего героя с его рождения, сопровождаемого характерными церемониями; затем я рассказываю о его воспитании, образовании, совершеннолети, о наставлениях мудрости, которым он обучается, о его приемных братьях, о священном обряде приемного братства, о его военных походах и торговых путешествиях, о смерти и похоронах его отца, о его воцарении и других столь же типичных для викинг-событиях.

В повествовании я рассказываю о жилищах людей, о том, как они жили, об их "байсах", или бургах, о различных сословиях, составляющих общество, о пирах, о храмах, о богослужении, религиозных церемониях и жертвоприношениях, о похоронах, об амазонках, об атлетических играх, о женщинах и девах, о любви, о поединках и спорте, об одежде, о мужчинах и женщинах, о браках. Одним словом, книга представляет собой жизнеподобную картину того времени. Время, которое я выбрал, - это эпоха, когда норманны наиболее уверенно и стремительно расшатывали могущество Рима и занимались колонизацией в самых широких масштабах.

Нет ни одного предмета, ни одной драгоценности, ни норвежской, ни римской, ни греческой, ни одной упомянутой монеты, которые не были бы найдены в нынешней Скандинавии и не встречаются сегодня в ее музеях, причем зачастую в большом количестве.

Описания обычаев, вплетенные в повествование, почерпнуты из подлинных записей, саг, свидетельств захоронений и древностей в целом. Более полно, научно и технически обоснованно они описаны в моей работе "Эпоха викинг-ов", опубликованной три года назад.

Описания нарядов женщин были самым тщательным образом взяты из саг, а также из рукояток трех ключей, показанных в "Эпохе викингов", где представлены три женщины в полном облачении. Материалы и драгоценности, которыми я их украсил, были найдены в их могилах. Наряды мужчин взяты из одежды, оружия и украшений того раннего периода, найденных в могилах и болотах, а также из описаний в сагах.

Книга "Эпоха викингов" едва успела выйти в Англии, как из многих уголков этой консервативной страны поднялась буря протестов и негативной критики; ведь именно там наиболее укоренилась старая вера в англо-саксонское происхождение современных англоговорящих народов, ставшая для многих англичан фактически религией.

Я вполне ожидал противодействия новым взглядам, которые я излагал. Разве мои прежние рассказы об африканских путешествиях не были восприняты с недоверием? Разве не смеялись люди, когда я рассказывал, что видел расу пигмеев и бывал в их деревнях? Разве они не сомневались в моих описаниях великого экваториального леса, горилл, каннибалов и т. д.? Я был раньше времени. Я был слишком молод, и все эти обстоятельства были против меня. Но затем, как и в случае с "Эпохой викингов", я нашел горячих сторонников и защитников в самой Англии.

Я понимал, что с моей стороны было смело нападать на саксонского идола, которому так долго поклонялись англичане, и пытаться разрушить веру, в которую верили они и их отцы. Неужели славное англосаксонское имя, которое народ так долго выкрикивал даже в Америке, должно было быть низвергнуто? Что же тогда станет с крепкими качествами, которые, как утверждается, унаследованы от так называемой англосаксонской расы? Качества есть, только название "англосаксы" следует заменить на "норвежцы".

Ничто, кроме абсолютной убежденности, не заставило меня пойти на этот смелый шаг. Я никогда не был удовлетворен утверждениями историков и не видел в их трудах никаких доказательств для тех выводов, к которым они пришли в отношении названия "англосаксы" и того, кто был завоевателями и поселенцами Британии.

Путешествуя по Норсельским землям, северной части которых я дал название "Страна полуночного солнца", и это название с тех пор стало общепринятым, я убедился, что завоевателями Британии были норвежцы; посетив их музеи, где хранились предметы норвежской старины, я увидел, что эти предметы были такими же, как те, которые в Англии антиквары называют англскими, англосаксонскими, англо-римскими, а во Франции - франкскими. Эти факты заставили меня задуматься, и в итоге я написал книгу "Эпоха викингов".

Как только я представил публике собранные мною доказательства, многие голоса поднялись и воскликнули: "Горе тому, кто пытается развеять наши убеждения и разрушить нашу веру!" Мир полон подобных примеров отношения к новым идеям. Как я мог избежать враждебности, когда объявил, что древности, называемые в Англии археологами и другими и классифицируемые в музеях как англеские, англосаксонские, англо-римские, являются норвежскими, следовательно, предки англоязычных людей происходят из бассейна Балтики и нынешней Скандинавии, и что только там можно увидеть древности самой воинственной и мореходной расы периода так называемых *саксонских* морских экспедиций?

Многие применяют название "англосаксы" к людям, поселившимся в Британии, не зная почему, разве что их учили этому со школьных и студенческих лет, или потому, что так считает большинство. Я утверждаю, что прежняя Англия, которую принято относить к южной части полуострова Ютландия, является мифической; что таких древностей, на которые указывает Англ, там не обнаружено; что слово "eng" (шведское äng) является общепринятым названием по всей Скандинавии; что "Англия" или "земля äng" по сей день является названием плоской, травянистой земли, данным норвежцами, как это было в прежние времена. Вероятно, норвежцы, увидев плоские берега Британии на берегу Северного моря, назвали ее "Англией", или Страной лугов, а людей со временем стали называть луговиками, как мы говорим "горцы", говоря о людях, населяющих горные районы.

Некоторые из моих критиков подняли вопрос о языке. Причина, по которой они со мной не согласились, заключалась в том, что в английском языке есть определенный артикль "the", а в исландских сагах его нет; это, по их мнению, было самым веским доказательством того, что ранний английский народ не был норвежским. С таким же успехом можно было бы утверждать, что французский язык не произошел в значительной степени от латинского, поскольку в нем есть определенный артикль, а в латинском его нет. Кто может сказать, когда именно в этих языках был исключен или добавлен определенный артикль?

Я не ожидал, что появление книги "Эпоха викингов" обратит к моим взглядам людей, которые всю жизнь пытались доказать или сохранить веру в англосаксонский миф и верили в разрозненные, противоречивые и зачастую непонятные труды Беды и Ненния или в более ранние английские хроники, авторство которых невозможно проследить. Но меня часто удивляло, почему никто не сравнивает тщательно норвежскую археологию того периода с британской, которая утверждается как англосаксонская, как ранние поселенцы Британии; и единственная причина, которую я смог обнаружить, чтобы кто-то называл эти древности такими именами, - это слепая уверенность в том, что эти поселенцы были теми, за кого их выдавали историки.

Те, кто придерживается англосаксонской веры, указывают то тут, то там на несколько могил в древней Фрисландии, похожих на те, что найдены в Англии, как на доказательство того, что ранние поселенцы Британии не были выходцами с Балтики. Как будто возможно, чтобы никто из этих норманнов, посещавших Фрисландию еще во времена Тацита, не мог не умереть там в течение нескольких веков! Они также забывают, что римляне никогда не упоминали жителей этой страны как мореплавателей. Напротив, преследовавшие их морские племена "жили на самых северных берегах моря - в самом океане". Древности, оставленные этими мореходными племенами, должны пролить свет на эту тему.

С таким же успехом через тысячу лет можно будет утверждать, что люди английского происхождения, живущие сейчас у мыса Доброй Надежды, были теми, кто властвовал над Индией, потому что они были ближе к ней, чем Англия, или что одинокие могилы или маленькие английские кладбища, найденные между Англией и Индией, принадлежали тем, кто управлял Индией. Немного больше исследований доказали бы им, что великий центр власти находился в Англии. Из археологии мы узнаем, где находились Египет, Греция, Рим и многие другие павшие империи. По оставленным следам мы можем узнать, где властвовали норманны, и что нигде они не держались так прочно, как в Британии.

На мой взгляд, противоречие представляется весьма очевидным. В книге "Эпоха викингов" я утверждал и буду утверждать, пока мне не докажут, что я ошибаюсь, что: Именно в бассейне

Балтики и в Норсэльландах мы видим неопровержимые доказательства того, кем были мореплаватели, которых римляне называли сначала суэонами, а затем саксами, о чем свидетельствуют десятки тысяч до сих пор существующих могил того периода; что эти могилы и их древности те же самые и того же типа, что и могилы аналогичного периода в Англии; что в этих норвежских могилах найдено множество римских монет из золота и серебра, а также множество римских и греческих предметов, показывающих, что этот мореходный народ имел сношения с Римом, Грецией и Средиземноморьем. А разве монеты времен Римской империи, когда патрицианские семьи Рима чеканили свои собственные деньги, не рассказывают о том, как ранние норманны вышли в Средиземноморье? Разве не встречаются на его берегах норвежские могилы рядом с могилами этрусков?

Я также утверждаю, что ни в устье Эльбы, ни где-либо еще за пределами Норсэльских земель мы не видим останков плотного, воинственного и морского населения - населения, которое оставило следов в количестве своих могил гораздо больше, чем сам Рим.

Как могло воинство, ошибочно названное поздними римлянами саксами, которое в течение четырех столетий до самого падения империи опустошало Европу, не оставить таких следов? Их население должно было быть очень плотным, чтобы они могли посылать такие огромные флоты для борьбы и завоевания римлян. Как получилось, что саксы, которых мы знаем как саксов, не были мореходным народом во времена Карла Великого, как мы знаем, что они им не были? Просто потому, что они никогда им не были. Как получилось, что во времена Карла Великого, напротив, суэоны, которые, должно быть, были саксами поздних римлян, вызывали у него ужас как могущественные на море, как их описывает Тацит?

Разве расы, исчезнувшие в Америке или в других местах, не оставили следов, и мы должны сделать исключение для так называемых саксов римлян? Это противоречило бы всем имеющимся у нас доказательствам.

Именно сравнение могил и древностей Норсэльских островов и Англии доказывает, что ранние поселенцы Британии были норманнами. В этом томе описана сцена, как Ивар отправляется навестить своих сородичей на берегах реки Кэм в Англии, потому что там находится кладбище, чьи древности свидетельствуют о его норвежском происхождении, а захороненные вместе с ними римские монеты Траяна 98-117 гг. н. э.; Адриана 117-138 гг.; Фаустины, жены Антонина Пия 138-161 гг.; Марка Аврелия 161-180 гг.

Что за предметы были найдены на этом кладбище и описаны в прекрасной работе почтенного Р. К. Невилла "Саксонские похороны, иллюстрированные украшениями и оружием, обнаруженными на кладбище близ Литтл-Уилбрахама, Кембриджшир", напечатанной в 1852 году? Мечи, топоры, умбоны, урны с обожженными костями, деревянные ведра с бронзовыми обручами, бронзовые пинцеты, железные наконечники копий и стрел, ушные ковырялки, железные ножи, железные ножницы, броши, стеклянные бусы и другие материалы, обожженные при кремации.

Приведу слова самого мистера Невилла: "То, что такое большое количество урн, содержащих человеческие останки, было обнаружено вместе со скелетами, является весьма удовлетворительным подтверждением сосуществования этих двух способов захоронения. Мой опыт позволяет мне с уверенностью утверждать, что обнаруженные сейчас урны полностью отличаются от всех [римских], с которыми я сталкивался ранее, и очень похожи на те, что обычно встречаются в англосаксонских захоронениях и т. д."

Если читатель откроет книгу "Эпоха викингов" и просмотрит триста шестьдесят иллюстраций, он увидит те же предметы, что описаны и проиллюстрированы мистером Невиллом, и те же описания могил.

Пришло время полностью отбросить или пересмотреть взгляды антикваров и историков старой школы, а старую Англию, которая, по распространенным представлениям, существовала в южной части полуострова Ютландия и занимала территорию в несколько квадратных миль, считать мифом, не имеющим реальности, кроме как в мозгу ее изобретателей. Когда я говорю, что древности, найденные в Англии, те же и того же типа, что и в Норсельских землях, я называю это фактом, а не теорией; и когда я говорю также, что они не найдены в Саксонских землях, я называю это фактом, а не теорией. Когда я говорю, что древности, найденные в Англии, не найдены в так называемой ранней Англии историка, я называю это фактом, а не теорией; и если я ошибаюсь, это легко опровергнуть.

Но позвольте мне добавить, что после появления "Эпохи викингов" в Англии далеко не все были настроены против меня. Я нашел там много приверженцев моих взглядов, а некоторые даже дошли до того, что написали мне, что после публикации работы и после того, как увидели ее иллюстрации, они не верят, что Стоунхендж был друидическим, а просто имел норвежское происхождение, поскольку в окрестностях было много могил, содержащих останки викингов.

Римские записи верны. Ни одна страна, кроме островов Балтики и Скандинавии, не соответствует их описанию. Именно там мы находим большое количество римских предметов. Там найдены монеты со времен основания империи - Августа 29 г. до н. э. - 14 г. н. э., Тиберия 14-37 гг, Тиберия 14-37, Клавдия 41-54; затем в большем количестве монеты Нерона 54-68, Вителлия 69, Веспасиана 69-79, Тита 79-81; в еще большем количестве монеты Траяна 98-117, Антонина Пия 138-161, Фаустины Старшей, жены Антонина Пия, Марка Аврелия 161-180, Фаустины, его жены, Коммода 180-192; затем в уменьшающемся количестве монеты последующих императоров. Рядом с этими монетами и другими римскими предметами лежат норвежские предметы, и эти норвежские предметы, как я уже говорил, похожи на те, что были найдены в Англии соответствующего периода. Способ захоронения также идентичен в обеих странах. Эти факты ясно говорят о том, кем были люди, поселившиеся в Британии до и после эпохи Ивара Викинга и римской оккупации.

Пока в Англии шли споры, я, зная восприимчивый и беспристрастный ум мистера Гладстона, неоднократно бывая в прошлые годы адресатом его любезного гостеприимства и помня его интерес к моим африканским путешествиям, позволил себе обратиться к нему с просьбой высказать свое мнение по поводу занятой мною позиции. Мистер Гладстон, который в то время находился в Оксфорде с целью прочесть лекцию о Гомере, ответил в тот же день. Я прилагаю его письмо:

Дорогой мистер Дю Шайю:

Вы оказали мне большую честь, обратившись ко мне, но я боюсь, что ваше обращение адресовано человеку предвзятому и невежественному.

Я склоняюсь на вашу сторону. Но я еще не смог, хотя и очень хотел, изучить аргументы на вашей стороне, как они того заслуживают, и аргументы ваших противников.

Я человек только *шотландской* крови, наполовину горный, наполовину низменный, живущий недалеко от границы. Одна из ветвей моей семьи обосновалась в Скандинавии в первой половине, кажется, семнадцатого века.

Когда я бывал в Норвегии, или Дании, или среди скандинавов, я чувствовал что-то вроде крика природы изнутри, утверждающего (достоверно или нет) мою близость к ним. В Норвегии я никогда не чувствовал себя как в чужой стране; и это, как я узнал, очень распространенное явление среди британских путешественников.

Любовь к свободе в сочетании с устоявшимся порядком, которая, как мы надеемся, характерна для этой страны, по моему мнению, в значительной степени присуща Норвегии и Дании. Я не говорил о Швеции, просто потому, что не был там.

Этнография северной и островной Шотландии, вплоть до острова Мэн, и история, похоже, показывают очень широкую и прочную связь.

И все же я не могу назвать это более чем слабыми обобщениями. Я искренне надеюсь, что, когда я стану немного свободнее, я смогу по-настоящему разобраться в этом вопросе.

Я думаю, что аргументы, предложенные нашим рыболовецким населением, и *любопытное* упорство, с которым в некоторых районах сохранились скандинавские термины, являются очень весомыми.

С уважением,

У. Э. Гладстон.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА.	СТРАНИЦА
I Хьорвард и Готланд	1
II Земля викингов и викинги	11
III Хьорвард обращается к оракулу	18
IV Рождение и прогноз жизни Ивара	25
V Воспитание Ивара	31
VI Ивар достигает совершеннолетия	47
VII Первая экспедиция Ивара	54
VIII Жертвоприношение на Йоль	80
IX Победа Ивара над римлянами	91
X Визит Ивара в Британию	99
XI Дочери Рана	108
XII Романтические приключения Сигурда	116
XIII Путешествие на Каспий	130
XIV Горящее путешествие Хаки в Валгаллу	139
XV Смерть и сожжение Хьорварда	147
XVI Хельги и валькирии	158

XVII	Наследственный пир Хьёрварда	167
XVIII	Ивар отказывается от возмещения Старкада	176
XIX	Убийство Старкада	182
XX	Заседание Вещи	197
XXI	Визит Ивара к Ингви	202
XXII	Поэты и чемпионы Ингви	214
XXIII	Три прекрасные дочери Ингви	221
XXIV	Гости херсира из Свитхёда	229
XXV	Начало атлетических игр	234
XXVI	Великие подвиги Ивара и Хьялмара	241
XXVII	Приемные братья влюбляются	260
XXVIII	Обручение Ивара и Рендалин	268
XXIX	Поединок Ивара с Кетилем	275
XXX	Смерть Хьялмара и Астрид	287
XXXI	Свадьба Ивара и Рандалин	298

Feb. 6. 90

Dear Mr. Du Chaillu

You have done me
great honour by accepting
of me but I fear that your
opponent is to a person prepos-
sessed and ignorant.

My propositions are on your
side. But I have not yet been
able, although very desirous to
examine the argument on your
side as it deserves, nor that

of your adventures

I am a man of Scottish blood
only, half Highland, and
half lowland, near the Border.
A branch of my family settled
in Scandinavia, in the first-
half I think of the twentieth
century.

When I have been in Norway,
or Denmark, or among Scandi-
navians, I have felt something
like a cry of Nature from
within asserting (credibly or
otherwise) my nearness to

them. In Norway I never
felt-as if in a foreign
country: and this I have
learned is a very common
experience with British tra-
vellers.

The love of freedom in combi-
nation with settled order,
which we hope is characteris-
tic of this country, is I appreh-
end markedly character-
istic of Norway, & of Den-
mark. I have not spoken
of Sweden, simply because I

have not been there.

The ethnography and history of northern and midland Scotland, ^{down even to the Isle of Mann,} and the history, seem to show a very broad and durable connection.

I will I cannot call these more than faint generalities. I earnestly hope when I am a little more free than I may be able to get some real hold of the subject.

I think a good deal of the argument suggested by our fishing population, and by the curious persistence with which in some districts Scandinavian denominations have been preserved.

Yours faithfully

W. G. L. S. S. S.

ГЛАВА I

ХЬОРВАРД И ГОТЛАНД

Моряк, плывущий по Балтике, оглядя берега Готланда, видит на одном из мысов этого острова несколько больших каирнов и курганов, возвышающихся над морем и окружающей их страной. Этот мыс был местом захоронения семьи великих викингов и правителей, которые властвовали над всем островом за несколько веков до и после нашей эры. Среди наиболее заметных каирнов два, на которые обращает внимание незнакомец, - это каирны Хьорварда и его сына Ивара, героя настоящего повествования.

События, о которых я собираюсь рассказать, относятся к ним и к тому, что произошло при их жизни, в конце третьего - начале четвертого века, между 270 и 320 годами нашей эры, или около шестнадцатисот лет назад.

Хьорвард, "широко распространяющийся", названный так из-за обширных морских походов, которые он совершал, был одним из самых знаменитых викингов своего времени. Во всех своих походах он был успешен и всегда побеждал в сражениях. Римские флоты никогда не осмеливались нападать на него, когда он со своими многочисленными кораблями плавал вдоль берегов их обширной империи, чтобы вести войну с различными странами, над которыми они властвовали.

Предки Хьорварда, рядом с которыми он сейчас похоронен, были такими же великими воинами и мореходами, как и он сам. Они плавали от Балтики до Каспийского моря, по нынешнему Финскому заливу, а также на запад, вдоль побережья Фрисландии, Галлии, Британии и до Средиземного моря. Корабли, которые они использовали в своих речных походах или на побережье в летние месяцы, не были похожи на корабли римлян и вызывали у них восхищение. Еще в первом веке римляне боялись этих людей севера из-за огромных флотов, которыми они обладали, и считали их обитателями самых северных берегов моря, в самом океане. Они называли их суэонами; о своей стране они знали только то, что рассказывали им эти суэоны, ведь Балтика была для римлян неизвестным морем.

Хьорвард был высокого рода, ибо происходил от Одина и принадлежал к той ветви рода Одина, которая называлась Инглингар и правила Свитхёдом, королевством, охватывавшим большую часть нынешней Швеции.

Сигрлин, его жена, была очень красивой женщиной и обладала всеми достоинствами, присущими женщинам ее высокого положения. Она также принадлежала к роду Одина; была прямым потомком Скъёльда (норвежское слово, означающее "щит"), одного из сыновей Одина, от которого произошли Скъёльдунгары. Скъёльдунгары правили той частью земли, которая сегодня называется Данией, а тогда называлась Готландом. Ее отца звали Хальфдан, он жил в Хлейдре, недалеко от того места, где сегодня стоит Копенгаген, и был одним из великих правителей севера.

Недалеко от только что упомянутых каирнов и курганов находился Дампстадир, главный "у", или бург, резиденция Хьорварда и правителей Готланда. С этого места открывалась длинная панорама побережья и суши, и взгляд терялся в тусклом горизонте моря. Там Хьорвард жил в большом великолепии. Здания, составлявшие Дампстадир, были одними из лучших в северных землях; они были разных размеров и разнообразной архитектуры, и, как и все постройки тех дней на севере, были полностью деревянными. Крыши их были покрыты

черепицей, обильно смоляной, и ее темный цвет приятно контрастировал с бревенчатыми стенами домов.

Все многочисленные постройки образовывали обширный четырехугольник, окружавший большой участок травы, называемый "тун", или город. С центра площади зрелище было чрезвычайно красивым и живописным, ведь здесь не было двух одинаковых по виду и размеру зданий. Конечно, одни были прекраснее других, но все они были причудливы; с их крыш и боков в воздух со всех сторон смело торчали горгульи, изображавшие головы лошадей, драконов и других диких зверей, или же смотрели, наклонив головы вниз, на землю. Было несколько домов с башнями, называемыми чердаками; в этих башнях было несколько спальных комнат, а с их вершин во время войны внимательно следили за кораблями противника. Многие здания также использовались в качестве складов.

Перед дверями многих домов были крыльца, украшенные резьбой, а в других - колокольни и темные пьесталы с лестницами, ведущими к ним; их побитые непогодой стены из твердых бревен, казалось, не поддавались разрушению временем, ведь многие из них, даже в то время, насчитывали столетия. Некоторые из них предназначались специально для женщин из рода Хьорвард и их домочадцев, поскольку у женщин был обычай иметь свои "скеммы", или беседки, в полном распоряжении. Там они принимали своих подруг и проводили время за шитьем и вышиванием. Было несколько праздничных залов для повседневного использования. Зимой в них по центру горели длинные костры, дым выходил через отверстия в крыше, которые при необходимости можно было закрыть. Вдоль стен стояли длинные скамьи, а перед ними накрывались столы. Свет проникал через окна, вместо стекла в которых была натянута прозрачная мембрана, закрывающая новорожденного теленка, - так называемые световые отверстия.

Повседневная жизнь Хьорварда была очень простой. Во время основной, дневной трапезы Сигрлин сидела по левую руку от мужа; места рядом с ней, по обеим сторонам, были самыми достойными для мужчин и женщин, а самые дальние, у двери, - наименее достойными. Самый высокородный, самый старый и самый мудрый человек - а правители имели обычай иметь при себе мудрых людей, знавших древние примеры и обычаи своих предков, - сидел на северном высоком месте, называемом нижним высоким местом, напротив места Хьорварда, по правую руку от которого сидели женщины, а мужчины - по левую. У вождей также был обычай переносить эль через костер и пить за человека напротив высокого сиденья, и считалось большой честью получить тост от хозяина.

Самым внушительным и поразительным из всех строений на огромной площади был большой пиршественный зал; из всех зданий именно им вожди и правители гордились больше всего, ведь именно здесь они принимали самых почетных гостей и устраивали самые пышные пиры. Банкетный зал в Дампстадире занимал шестое место по красоте и величию в стране викингов и был очень старым. Две великолепные двери с двух концов вели во внутренние помещения. Дверные проемы, или косяки, были из цельного дуба, шириной около двух с половиной футов и толщиной в несколько дюймов; они были украшены прекрасной резьбой, изображавшей сцены, относящиеся к религиозной истории расы, и сильно варьировались по глубине, чтобы создать прекрасный художественный эффект света и тени. Сами двери также были из цельного дуба и украшены сложными узорами, выполненными плоскими железными полосами, изысканной красоты и совершенными жемчужинами искусства. Каждую дверь украшал массивный золотой стук. Через одну дверь входили женщины, через другую - мужчины.

Внутреннее убранство этого пиршественного зала представляло собой зрелище, которое не скоро забудется. Здесь работали первые художники и резчики по дереву Севера, которые проявили удивительное мастерство в разработке и группировке своих эскизов - среди представленных сцен было множество деяний и походов предков Хьорварда. Резьба считалась настолько прекрасной, что на нее не вешали даже самый тонкий гобелен, а само дерево за века, прошедшие с момента постройки зала, сильно потемнело. Вдоль стен висели щиты пестрых узоров и ярких цветов, украшенные золотом и серебром, перекрывавшие друг друга и, конечно же, добавлявшие великолепия зрелищу.

По обычаю, зал был построен с востока на запад, длинные стены шли с севера на юг; вдоль них располагались скамьи для гостей, а прямо посередине - два высоких сиденья, обращенные друг к другу. Самая важная скамья шла вдоль северной стены, и там стояло большое высокое сиденье, более почетное из двух, обращенное к солнцу. Оно предназначалось для хозяина дома, а занять место на высоком сиденье напротив было величайшей честью, которую можно было оказать любому гостю, поэтому это место всегда отводилось самым знатным людям. Чем ближе места на скамьях, отведенные кому-либо, находились к высокому сиденью, тем выше была честь; места подальше, у двери, были самыми низкими. Эти два высоких места были красиво украшены резьбой, по обе стороны от них располагалось оружие, а две колонны были расписаны и украшены резьбой, изображающей исторические сюжеты.

Оружие Хьорварда висело над его высоким сиденьем - его "сакс", или одноострый меч, его лучший обоюдоострый меч, также его щит, его "брыня", или цепной доспех, и шлем из золота. Его обоюдоострый меч, называемый "Хротти", был великолепным оружием. Эфес был полностью украшен золотом, как и ножны; клинок был изысканнейшей дамасской работы. Меч находился в ножнах, которые были обмотаны лентами, называемыми "лентами мира", ибо в то время, о котором мы говорим, на земле царил глубокий мир, и никто, кроме Хьорварда, не мог их развязать, ибо они были священными, и делать это можно было только после объявления войны.

Тут и там были разбросаны предметы, рассказывающие о походах Хьорварда и его предков, которые хранились как реликвии. Вдоль стен висело несколько римских мечей с латинскими надписями, которые хранились в семье уже двести лет. Здесь были римские статуэтки, бронзовые сосуды и другие бронзовые предметы, а также коллекция римских монет всех императоров, начиная со времен Августа, первого римского императора, и заканчивая временем Хьорварда. Среди жемчужин искусства были прекрасные греческие кубки, чаши и рога для питья из стекла, некоторые из них были украшены очаровательными картинками, изображающими сельские сцены, с дикими зверями, львами, быками, птицами разных цветов и даже мужчинами, боксирующими в боксерских перчатках, и все они выглядели так же свежо, как в день их написания.

У подножия Дампстадира находилась прекрасная бухта, где стояли на якоре корабли Хьорварда, а на ее берегу - многочисленные навесы, под которыми стояли многие корабли, защищенные таким образом от непогоды; там же находились строительные верфи, где постоянно трудились плотники, строя или ремонтируя суда.

Самыми красивыми кораблями были "дреки", или корабли-драконы. Они были самыми большими и грозными из всех военных кораблей и получили свое название от того, что их носы и корма были украшены головой или хвостом одного или нескольких драконов. Некоторые из них были покрыты листами чистого золота, что придавало кораблям

великолепный вид, особенно когда солнце освещало их борта. Многие из этих дреков могли нести команду от пятисот до семисот человек.

Кроме драконьих кораблей были и другие военные суда, называвшиеся "скидами", "сnekкьями", "скутами", "бузами", "карфи", "аск", а также множество провиантских судов, которые следовали за флотами в их походах. Скеид был грозным военным судном, почти равным по мощи драконовым кораблям, очень быстрым парусником, на борту которого находилось двести сорок человек и более. Снеккья была меньшим кораблем того же типа. Скутта была еще меньшим судном, которое могло очень быстро маневрировать. Оно обычно использовалось для абордажа других кораблей: верхняя часть его орудийного крыла была сделана таким образом, чтобы воинам было легче запрыгивать на другие суда. Все эти суда, как малые, так и большие, имели только одну мачту.

Среди этих кораблей можно было увидеть несколько старомодных, описанных Тацитом, без мачты и полностью приводимых в движение веслами; они были очень остроконечными с обоих концов, очень похожими на современные китовые лодки, около восьмидесяти футов в длину и в самой широкой части десять или одиннадцать футов в ширину, с пятнадцатью или шестнадцатью скамьями на расстоянии около трех футов друг от друга. Эти лодки приводились в движение тридцатью или тридцатью двумя веслами, несколько отличавшимися по длине и составлявшими в среднем около двенадцати футов. Каждое весло тянули два человека, а иногда и три, и с каждой внешней стороны гребцов защищал человек со щитом. Толевые штыри крепились к килям "лубяными" канатами и были украшены изящными резными узорами, причем ни один из них не был одинаковым. Сбоку, на корме, находился руль, напоминающий большое широкое весло. Они имели такую форму, что ими можно было грести в любом направлении. В то время, о котором мы говорим, эта модель морской архитектуры быстро выходила из моды, и в обиход входили исключительно парусные суда. Все суда были сделаны из дуба, "клинч-билд", то есть доски накладывались друг на друга и скреплялись большими железными болтами.

Остров Готланд, которым правил Хьорвард, имел очень густое население и, в силу своих размеров и географического положения, был великим торговым портом, а со своими военными и торговыми кораблями занимал в это время примерно такое же положение, как Англия в наши дни. Его жители были богаты и вели обширную торговлю, как и их отцы, с провинциями Рима, Грецией, странами вокруг Каспийского, Черного и Средиземного морей. Из таких далеких стран привозили превосходные бронзовые сосуды, изысканные стеклянные вазы, бархат и шелк, красивые изделия из кожи, расшитые золотом и серебром ткани для одежды и многие другие дорогие вещи, которые богачи ценили очень высоко, а также вино.

ГЛАВА II

ЗЕМЛЯ ВИКИНГОВ И ВИКИНГИ

В то время, о котором я пишу, земля викингов включала в себя острова Балтики, малый и большой "пояса", впадающие в это море, страну, известную сегодня как Скандинавия, которая охватывает большой полуостров Швеции и Норвегии и маленький полуостров Ютландия. Вся эта земля была практически окружена морем. На юге полуострова Ютландия между двумя фьордами, вдающимися в него с противоположных сторон, были построены огромные укрепления, чтобы не допустить вторжения с юга.

Особенно крупные острова были местом огромной морской мощи и богатства. Все племена имели общее происхождение и родственные связи; у них были одинаковые обычаи и религия, они практиковали одинаковые погребальные обряды, вступали в браки и говорили на одном языке, который назывался "язык нордов".

Эти викинги, как мы видели, были совершенно изолированы от Центральной и Западной Европы и образовывали свой собственный мир, имевший много сношений со страной, образующей нынешнюю Россию. Между ними и Римом лежали недоступные болота и леса Германской империи, населенные дикими и варварскими племенами. Велика была разница между викингами и германскими племенами. Все эти племена называли себя норсменами, или северянами; они были очень воинственны и с незапамятных времен занимались морскими путешествиями. О деяниях, совершенных на море в ушедшие века, можно было узнать или вспомнить только по могилам, почтенным веками, или по крупным рисункам, высеченным на скалах, которые видны и по сей день и изображают морские битвы, набеги и нашествия. Подобно иероглифам Египта, это были воспоминания о великом прошлом, навсегда забытом.

Норсмены нашего времени пользовались только железным оружием, бронзовое было отменено много веков назад, но они гордились своей былой цивилизацией и хвастались тем, что в те далекие времена никто не превзошел их предков в искусстве изготовления оружия из бронзы - хвастовство, которое не стало тщетным и по сей день.

Еще задолго до Хьорварда страна была не в состоянии прокормить свое население, и, как следствие, с годами люди становились все более агрессивными по отношению к жителям стран, расположенных к западу от них. Во время своих плаваний в предыдущих поколениях и в свое собственное время они хорошо изучили страны и реки Фрисландии, Галлии, Британии и других стран и искали там новые дома. Их флоты кишели на всех морях, и ни одна страна не избежала их нападений. Год за годом, неисчислимым, неодолимым и, по-видимому, неиссякаемым потоком, они наводняли Западную Европу и стали полными хозяевами на море. Флот за флотом возвращались домой, нагруженные всевозможными римскими трофеями.

Эти походы предпринимались вождями, жившими в самых разных регионах страны, и люди стекались на своих кораблях со всех концов земли, чтобы записаться под их знамена, когда они объявляли, что готовы начать войну с римским миром. Вечно победоносные норманны называли себя избранным народом богов, возлюбленными Одина, и, считая себя избранными, никогда не пытались обратить другие народы; подобно древним евреям, они презирали любую другую религию. Где бы они ни обосновывались, они держали землю и людей под железной властью. Смерть была им не страшна; их будущей обителью должна

была статья Валгалла, где обитал Один. Они верили также во Фрею, Ньорда, Тора, Фрейю и других богов и богинь.

В стране великих викингов существовало множество сословий людей, из которых складывалась социальная структура. Вся страна была разделена на "херады", образующие отдельные королевства; некоторые из них занимали гораздо большую территорию, чем другие, и были более могущественными. Большинство составляющих их владений наследовалось по закону первородства или энтитета. Над каждым херадом правил херсир, который был высшим наследственным саном в стране. Титул Дротта, "владыки" или верховного жреца, пришедший со времен Одина, исчез и уступил место титулу херсира; имя короля пока неизвестно. У каждого херада был главный храм, где ежегодно приносились жертвы за весь народ.

Херсир был главой общины. Он руководил войной и вершил правосудие. Он был верховным жрецом в вопросах культа, заботился о храме, руководил жертвоприношениями и другими религиозными церемониями. Он держал в доверительном управлении фермы и поместья, принадлежащие храму, и получал с каждого человека храмовый налог на его содержание и на жертвоприношения. Он председательствовал на общем собрании херада, называемом Тхинг, которое проходило несколько раз в течение года. Благодаря своему положению он приобрел большое богатство и владел многими земельными владениями на родине и в странах, покоренных им или его предками. Он распределял среди своих воинов и скальдов дорогие вещи и много золота. Он разжигал войну, ожесточал поля сражений, свергал врагов, чтобы владеть еще большим количеством земель и личного имущества.

Жена херсира, как правило, была из рода Одина, а их дети были завернуты в шелка и тончайший лен; их потомки были самыми высокими в стране.

Их сыновья ломали лошадей, гнули щиты, сглаживали древка, потрясали пепельными копьями, гребли и плавали на кораблях, считалось, что они могут писать магические руны, спасающие жизни людей, затуплять острия оружия и успокаивать море заклинаниями, понимать язык птиц, гасить огонь, читать мысли, избавлять от печалей, обладать силой и энергией восьми мужчин. Их главным занятием было идти на войну и повергать врагов. Их волосы были светлыми, щеки - яркими и здоровыми, а глаза - острыми, как у молодой змеи.

Дочери Херсира были тонкокостными, их руки и кисти были мягкими, их сердца - светлыми, а шеи - белее чистого снега. Они были красивы и нежны, наделены всеми достоинствами, присущими высокородным женщинам; выходя замуж, они облачались в белое свадебное белье, по обычаю высокородных людей, и ходили под свадебной фатой.

Следующими по рангу после херсиров были хаулды, высший класс жителей страны. Они жили в поместьях, переходивших к ним из поколения в поколение. Они составляли власть в стране, и ни один херсир не мог править без их согласия.

Их сыновья, взрослея, учились обращаться со щитом, гнуть вяз, делать лук, пускать стрелы, метать копье, ездить на лошадях, натравливать гончих, владеть мечом, заниматься плаванием, писать руны, играть в шахматы, бороться и быть лучшими во всех спортивных играх. Они получали такое же образование, как и дети Херсира; их дочерей, когда они выходили замуж, тоже одевали в белое.

После хаулдов появился другой класс землевладельцев - бонды, чьи поместья также передавались по наследству. Эти люди хорошо обрабатывали землю, запрягали волов, делали плуги, обтесывали дома, мастерили амбары и телеги, водили плуг. Их дочери носили

ключи, висевшие у них на боку, и помогали своим матерям. Когда они выходили замуж, им тоже разрешалось носить белое, как дочерям херсиров и хаулдов, заводить хозяйство и спать под льняным бельем; они делили богатство с мужьями.

Был еще один класс свободных людей, которые арендовали земли, поскольку у них не было поместья. Двери в их домах всегда были приоткрыты, посреди пола горел огонь, на траншее лежал тяжелый и толстый каравай, слепленный вручную, на столе часто можно было увидеть бульон в миске и телятину, считавшуюся самым изысканным лакомством.

Существовал и более бедный класс свободных людей. Их двери также были всегда приоткрыты; муж и жена всегда были заняты работой; его борода была подстрижена, волосы лежали на лбу, рубашка была в обтяжку. Его жена крутила дистаф, вытягивала руки и делала ткань. На голове у нее был головной убор, чтобы показать, что она уже не девица, на шее - платок, а на плечах - броши, скрепляющие складки платья.

Затем шел раб, отличавшийся от всех, одетый всегда в толстые белые шерстяные вещи, с коротко остриженными волосами, в отличие от длинных волос, которые носил свободный человек. Таков был знак его рабства. Он всегда был иностранного происхождения. Он был захвачен на войне или куплен на рынке или ярмарке в далеких странах, и поколения рабства привели его к деградации; тем не менее и он хорошо приживался на земле, но морщинистая кожа и кривые костяшки пальцев, толстые пальцы, уродливое лицо, согнутая спина, длинные пятки рассказывали о его рабстве и рабстве его предков. Его жизнь прошла в попытках узнать, сколько он может вынести и вытерпеть; его время уходило на связывание коры или лыка, на изготовление грузов и на их переноску в течение всего дня. Его жена приходила домой под вечер, уставшая от целого дня на ногах. На подошвах ее ног были шрамы, руки обожжены солнцем, а внешний вид говорил о ее рабстве. Войдя в дом, она села на середину хозяйственной скамьи, а ее сын сел рядом. Муж и жена счастливо жили со своими детьми; когда те подрастали, они ставили заборы, ухаживали за свиньями, пасли коз, рубили дрова или копали торф. Таковы были сословия, составлявшие население этой великой и могущественной страны викингов.

ГЛАВА III

ХЬОРВАРД ОБРАЩАЕТСЯ К ОРАКУЛУ

Не было более благородного и смелого сердца, чем у Хьорварда. Он начал свою воинскую жизнь в пятнадцать лет. Многие в стране говорили, что слава, которую он приобрел, была результатом глупости и жестокости; другие считали, что он наслаждался жизнью, совершая подвиги чести. Он снискал славу и объехал девять стран.

Как и у всех великих херсиров, у него было двенадцать воинов, которые составляли его телохранителей, и пришли они со всех концов северных земель; одни - с берегов нынешней Норвегии, другие - с островов Балтики, а двое - из Свитиода. Самые храбрые люди хотели служить ему, потому что он был удачлив в войне, приветлив и общителен, а также щедр на золото.

Все чемпионы Хьорварда были берсерками, а считаться главным чемпионом было стремлением каждого воина. Достичь этого гордого положения было нелегко среди стольких мужчин в стране, которые были одинаково храбры и совершенно безрассудны в отношении своей жизни, и которые были досконально искусны в обращении с оружием и во всех видах атлетических игр. После того как чемпион приобретал такую репутацию, ему приходилось либо бросать вызов тем, кто завидовал ему или считал себя равным ему; эти состязания, или испытания силы и мастерства, обычно проходили перед большим собранием людей. В мирное время чемпионы Хьорварда часто ездили по стране и бросали вызов людям, особо прославившимся своей доблестью.

Берсерки презирали цепную броню и все средства защиты, такие как щиты и шлемы. Они часто сражались даже без одежды и могли довести себя до такого состояния неистовства, что теряли всякий контроль над собой. Часто эта ярость, или неистовство, настигала их без причины и захватывала внезапно, когда они кусали свое оружие, скрежетали зубами, бились о деревья и камни и безрассудно боялись любой опасности. При виде врагов они бросались в атаку с неопишуемой яростью, а при столкновении с другими берсерками схватка была смертельной. Когда ярость берсерка охватывала их дома, они выходили на улицу, боясь подраться с друзьями, и боролись с камнями и деревьями.

Хьорвард установил очень строгие правила для своих чемпионов и воинов. Ни один человек не мог стать под его знамена, который боялся смерти или произносил слова испуга, когда ему грозила опасность, или стонал, когда получал самые тяжелые раны в бою. Эти раны также не могли быть перевязаны до следующего дня после их получения. Ни одному человеку не разрешалось иметь меч длиннее двух футов. Мечи и саксы людей Хьёрварда были тяжелее, чем у других, чтобы удар был наиболее ощутимым.

У Хьорварда всегда был обычай ложиться со своими кораблями перед мысами, чтобы они были видны каждому. Ни на одном из его кораблей не было палаток, чтобы защитить его или его людей от непогоды. Они никогда не спускали парус во время шторма, и на борту его корабля никогда не было более ста двадцати чемпионов.

У него была рыцарская честь; он велел своим воинам не ломать дух людей, заковывая их в оковы, и не причинять вреда жене человека, приказал, чтобы каждая дева была куплена с приданым и с согласия ее отца, и чтобы женщины и их дети не попадали в плен.

Победа всегда следовала за ним, так что великие чемпионы и берсерки страны стекались к его штандартам, когда он предпринимал военный поход. Ведомые им, они заранее были уверены в победе. Ни один человек моложе восемнадцати лет или старше пятидесяти не мог следовать за ним на войне. Все его воины должны были обладать достаточной силой, чтобы поднять большой камень, стоявший рядом с его резиденцией. Вожди, жившие на Готланде, были обязаны ему верностью, и все они были его родственниками, а все подчиненные должны были по закону поставлять ему определенное количество кораблей и воинов, когда это было необходимо.

За свою жизнь он покориł несколько вождей на южных берегах Балтики, и те охотно платили ему дань, поскольку он не был хватким и использовал свою власть с умеренностью; но все они должны были однажды подчиниться унижительной церемонии, позволяя ему поставить ногу на их шею в знак признания того, что они его вассалы.

Хотя Хьорвард и Сигрлин прожили в браке определенное количество лет, у них не родилось ни одного ребенка, и тогда херсир Готланда решил отправиться в Свитхёд, самое могущественное королевство в землях викингов, и в Упсалир, самое священное из всех мест на севере, чтобы посоветоваться с богами и узнать, сможет ли он узнать постановления судьбы.

Хьорвард собрал большой флот и, попрощавшись с Сигрлин, которая проводила его на корабль, отплыл прямо к фьорду, в верховьях которого находится озеро Малар. Ветер был попутный, и на второй день они вышли на сушу. Здесь укрепленные башни и катапульты, расположенные на виду друг у друга, охраняли узкий рукав моря с обеих сторон, откуда можно было обрушить шквал ракет на корабли вторгшегося войска, а во времена войны здесь прокладывали цепи, препятствующие внезапному подъему кораблей. Поскольку в ту ночь ярко светила луна, они продолжили свое путешествие. Подгоняемые сильным и благоприятным ветром, они со временем подошли к самой узкой части фьорда, называемой сегодня Ваксхольм. Проплывая мимо укреплений, мужчины кричали, глядя на них: "Неудивительно, что Упсалир неприступен". Но на мачтах стояли белые мирные щиты, ибо между Готландом и Свитиодом уже много лет царил мир.

Когда флот приблизился к озеру Малар, ветер ослабел, и командам пришлось взяться за весла. На каждом судне было по три человека; они тянули весла с такой силой, что временами казалось, что их тела согнуты пополам. Пройдя еще дальше, они достигли верховья фьорда и поплыли среди нескольких островов, которые находятся в реке и на которых сегодня построена большая часть Стокгольма. Это место также было укреплено; многочисленные катапульты защищали каналы между островами. Затем они вошли в озеро, большую водную гладь длиной около семидесяти миль, усеянную четырнадцатью сотнями островов, чьи берега покрыты превосходными лесами из дубов гигантских размеров, и после приятного путешествия достигли Упсалира. Хьёрвард был принят с большим почетом Ингви, его родственником, правителем Свитиода, который происходил от Одина по прямой линии, и во время его пребывания здесь был устроен большой пир.

Многие жилища и постройки Упсалира относятся ко времени Фрея, преемника Одина. Считается, что и сам храм был построен Фреем. Он отличался величайшим великолепием и размерами и был самым священным зданием в Норсельландах. С его причудливой и перекрывающейся крыши во все стороны тянулись горгульи, которые смотрели вниз на священные земли храма и на верующих, пришедших принести жертву. Вокруг храма проходила галерея, поддерживаемая колоннами. Храм был построен из огромных красных елей, и его стены выдержали многовековые взрывы. Стены, потолки и колонны внутри были полностью покрыты красным золотом, как и алтарь, на котором всегда горел священный огонь. Во время религиозной церемонии, сопровождавшей жертвоприношение, лишь один Херсир из Свитиода мог сидеть. Все остальные должны были стоять до тех пор, пока не вкушали плоть принесенных в жертву животных.

Дверь храма была круглой и представляла собой шедевр резьбы, изображающий Одина, приносящего жертву. На каждом из столбов стояла красивая резная кошка. Сама дверь была украшена железными деталями, а в центре находился массивный золотой стук. Недалеко от двери находился святой источник, в который бросали людей, принесенных в жертву Одину. На большом расстоянии земли, окружающие храм, были священными. Ни один храм не мог соперничать с храмом в Упсалире, ни один не получал больше ежегодных налогов и пожертвований на свои жертвы и содержание; ему принадлежали большие поместья, и его доходы были очень велики. Люди приходили со всех концов земель викингов, чтобы участвовать в жертвоприношениях, которые были самыми большими на севере, а в важных

случаях вожди собирались там со всех своих королевств, чтобы принести жертвы богам и узнать о предначертаниях судьбы.

После своего прибытия Хьорвард совершил великое жертвоприношение. Для этого особого случая были откормлены черные волы и самые лучшие лошади. Стены храма внутри и снаружи окрасились кровью принесенных в жертву животных, а херсиры и все присутствующие люди также были окроплены кровью. Богов призвали, а затем подбросили в воздух священные щепки, обмакнутые в жертвенную кровь. Пришел ответ, что Сигрлин родит сына примерно через год; тогда он с великой радостью отплыл в Дампстадир, чтобы объявить своей жене о том, что предсказали щепки.

После возвращения он остался дома, ожидая события, предсказанного метанием жертвенных щепок. Он проводил время, осматривая свои обширные владения и внимательно следя за строительством множества кораблей; часто руководил работами на полях, поскольку был хорошим земледельцем; а чтобы развлечься, изготовил несколько прекрасных дамасских мечей. Особое внимание он уделял рыболовству и ловле тюленей, поскольку это были прекрасные школы для будущих моряков; или играл в шахматы - квадраты его шахматной доски были из золота или серебра, - или охотился со своими ястребами.

ГЛАВА IV

РОЖДЕНИЕ И ПРОГНОЗ ЖИЗНИ ИВАРА

Примерно через четырнадцать месяцев после возвращения Хьорварда из Упсалира, ближе к 275 году, в Дампстадире произошло великое событие, которое наполнило радостью сердца Хьорварда и Сигрлин. Жертвоприношение, которое Хьорвард принес богам в Упсалире, чтобы остановить бесплодие своей жены, было принято, и Сигрлин родила сына. Пока это происходило, Хьорвард находился в большом пиршественном зале, где развлекал приехавших к нему сородичей, и слушал поэта, воспевавшего подвиги предков рода. К нему были посланы гонцы, чтобы сообщить о его удаче.

При рождении ребенка присутствовали Оддрун, замужняя сестра Хьорварда, и несколько других высокородных женщин, а также те, кто жил в Дампстадире или поблизости, а также служанки; по закону страны женщины должны были быть свидетелями рождения ребенка, и никто из присутствующих не мог покинуть место, пока не увидел младенца на груди матери. По обычаю, младенца клали на пол, чтобы он дождался прихода отца.

После того как Хьорвард вошел в комнату, новорожденного положили ему на колени, и он накрыл его складками одного из углов своего плаща; таким образом он признал законность своего потомства. Затем он внимательно рассматривал ребенка, оценивая его внешность, пропорции, удачу и нрав. Вдумчиво осмотрев его и убедившись, что новорожденный имеет хорошую форму, он решал, что тот должен жить и не подвергаться опасности. Этот обычай

был похож на обычай спартанцев: отец был единственным судьей, который решал, жить новорожденному или нет.

Затем происходила самая важная и священная церемония "наречения имени", эквивалентная крещению, или обливанию ребенка водой, - священный обычай, пришедший из глубины веков и затерявшийся в тумане веков. Принесли сосуд, наполненный водой, Хьорвард вылил воду на ребенка и громко, чтобы его услышал народ, сказал: "Ивар назовут мальчика в честь его деда; он будет назван из рода Одина передовым человеком; он будет сражаться во многих битвах, и будет очень похож на свою мать, и будет называться сыном своего отца, ибо он будет вести войну с раннего возраста и странствовать далеко-далеко". После этой церемонии жизнь Ивара, как и жизнь всех остальных мужчин, стала священной; отец не имел права выдать его или лишить жизни, а если бы он это сделал, то это было бы убийством.

Сначала Хьорвард дал в качестве "именного креста" веточку чеснока - в знак того, что как чеснок стоит высоко среди травы, так и маленький Ивар будет стоять среди людей. Затем он положил рядом с ним обоюдоострый меч и сакс, почтовый плащ, щит и шлем из серебра; все это было сделано заранее, на случай, если ожидаемый новорожденный окажется мальчиком, и отсюда пошла поговорка, что высокородные младенцы рождаются с оружием. Он также подарил ему два больших земельных владения, одно из которых называлось Рингстадир, а другое - Хайтун. Все животные, родившиеся на многочисленных фермах Хьёрварда в день рождения маленького Ивара, должны были принадлежать ему вместе с приплодом, согласно древнему обычаю.

Чемпионы и воины Хьорварда говорили, что их ждут хорошие годы, ведь маленький Ивар со временем станет могучим воином, который, подобно своему отцу и предкам, поведет их к победе, ведь у него пронзительные, змеиные глаза инглингаров.

В течение ночи, последовавшей за церемонией скрепления имен, в доме, где спали маленький Ивар и его мать, царила полнейшая тишина. Никто не разговаривал; в доме царила кромешная тьма, ибо не горел ни один светильник. Ожидалось, что придут три Норнира - Урд "Прошлое", Верданди "Настоящее" и Скульд "Будущее" - и предскажут жизнь Ивара этой ночью.

Эти три джинна определяли, или предрешали, жизнь каждого человека с момента его рождения; их постановления были окончательными, и боги не имели власти отменить то, что они предопределили. Они вырезали на деревянных скрижалях законы для детей человеческих. По верованиям норвежцев, они представляли собой неразделимую триаду или троицу, которая, хотя и была независима друг от друга, управляла судьбами людей как единое целое. Они были представителями всей жизни - прошлого, настоящего и будущего.

Урд имела самый величественный вид, ее длинные, ниспадающие волосы были белыми, как чистейший снег. Мудрость прошлого озаряла ее прекрасный лик. Ее мечтательные глаза оглядывались на бесчисленные века прошлого. Она помнила все, что произошло со времен Гиннунгагапа, или Великой Пустоты, до сотворения миров, и наблюдала за сменяющимися друг друга изменениями. С тех пор перемены были постоянными; ни одна морская рябь не была такой, какой она была мгновением раньше, ибо каждый миг был свидетелем новых превращений. Ничто не стало таким, каким было, и ничто не станет таким, каким было. И довольный разум Урд говорил ей, что все, что происходит в безмерном и эволюционирующем времени, - к лучшему.

Верданди с нежностью смотрела на Урд, ибо настоящее не могло существовать без прошлого. Она была очень красива; ее длинные золотисто-каштановые волосы, окрашенные бесчисленными годами под лучами солнца, олицетворяли зрелость жизни, времени, сезонов. Ее лицо отражало красоту и прелесть мира, в котором жили отец и мать Ивара. Она видела, что постоянно происходит в мире - бури, войны, радости, мор. Время от времени на ее лице появлялось выражение грусти, ибо беды и горести, постигшие людей, были навлечены на них самими людьми, а не Норниром.

Скульд блистала красотой и свежестью. Ее всегда окружали бабочки, ибо она олицетворяла собой бессмертие. В одной из своих рук она держала нить жизни каждого человека. Ее одежда сияла, как серебристое облако, а из длинных, ниспадающих волос исходили лучи света, более яркие, чем солнечные, посылая свое сияние по всему миру. С безграничной радостью она смотрела в будущее и в бессмертие. Она дарила надежду всем детям человеческим, скрывая от их глаз грядущие крушения, на которых гибнет так много людей. Одной рукой она готова была разорвать нить жизни, которая отмеряла количество дней или часов, отведенных Норниром каждому человеческому существу, пришедшему в этот мир.

Три Норнира жили в большом зале под огромным ясенем "Иггдрасиль", где боги каждый день выносят свои приговоры. Ясень - самое большое и лучшее из деревьев; он вечно зеленеет, его ветви раскинулись по всему миру и достигают небес; три корня дерева держат его и распространяются очень широко. Под одним из корней находится колодец, в котором сокрыты мудрость и разум.

Ближе к полуночи, когда все уже крепко спали, а в доме царила глубокая тишина, Урд, Верданди и Скульд, по поверьям норвежцев, пришли предсказать судьбу маленького Ивара. Они велели ему стать самым доблестным из вождей и самым лучшим из правителей. Они распутали золотые нити судьбы, которые держали в руках, и закрепили их посреди небес; на востоке и на западе они спрятали свои концы и предсказали, что Ивар будет владеть землей между ними; но Скульд бросила одну нить на северные дороги и велела ей держаться вечно. Это предвещало, что он никогда не завоюет ни одной страны к северу от Готланда. И так случилось, что великая мечта всей его жизни - расширить свои владения на север - так и осталась неосуществленной. Они велели ему понимать язык птиц, а потом ушли из дома, чтобы предсказать другие жизни, которые появятся на свет.

ГЛАВА V

ВОСПИТАНИЕ ИВАРА

Ивар хорошо развивался, к радости отца и матери, и в семье была большая радость, когда у него прорезался первый зуб. Отец, согласно древнему обычаю, преподнес ему по этому случаю подарок, который назывался "зубная плата". Подарок представлял собой нож в золотых ножнах, прикрепленный к кожаному поясу, шитому и вышитому золотой нитью. Пряжка была прекрасной работы из чистого золота. Вместе с этим он подарил ему большую ферму неподалеку от Дампстадира, которая должна была стать его резиденцией, когда он

станет мужчиной. Время шло, Ивар рос красивым ребенком; он был светлокочим, с голубыми глазами, как у людей его рода; как и все мальчики его возраста, он любил играть, и ничто не радовало его больше, чем пускать по воде игрушечную лодку с парусом и смотреть, как она выходит в море.

Когда ему пошел шестой год, родители стали подумывать о том, чтобы отдать его на воспитание, поскольку в стране существовал обычай не воспитывать дома мальчиков видных и ведущих людей, опасаясь, что они станут слабоумными. Их отправляли к какому-нибудь знатному другу, известному своей храбростью, тактом, мудростью и достижениями, чтобы воспитанник мог получить все образование, которого требовало его положение в жизни.

Хьорвард и Сигрлин много раз думали о воспитании маленького Ивара, ибо хотели, чтобы он стал мудрым и самым искусным из воинов. Их любовь к нему была безгранична, и требовалась большая сила характера, чтобы оба были готовы расстаться с ним на несколько лет; но они чувствовали, что их главный долг - благополучие сына. В качестве приемного отца Ивара они выбрали благородного человека по имени Гудбранд, херсира, который больше не предпринимал экспедиций в дальние страны. Он правил островом Энгель, который и по сей день так называется, и который расположен в Каттегате, недалеко от прекрасного мыса Куллен и вблизи нынешнего южного шведского берега. И муж, и жена питали к нему величайшую дружбу, уважение и восхищение. Невозможно было найти лучшего человека для воспитания мальчика во всех тех качествах, которыми должны были обладать высокородные в те времена.

Гудбранд и Хьорвард были родными братьями и вместе ходили во многие военные походы; много римских, галльских и британских голов пало под их саксами и мечами; они разделили и избежали многих опасностей, вместе получили опасные раны, и любовь одного к другому была очень велика.

Гудбранд не был таким могущественным херсиром, как Хьёрвард, и не владел таким количеством владений и золота; но он был в близком родстве со многими вождями, правившими на большом полуострове, включающем нынешние Швецию и Норвегию. Он также принадлежал к роду Одина.

Хьорвард и Сигрлин, решив, что Гудбранд должен стать приемным сыном Ивара, решили послать к нему гонцов, чтобы пригласить его приехать к ним в гости, но без объяснения причины. Они никому не говорили о своих намерениях относительно человека, которого хотели взять на воспитание к Ивару. Уже были готовы корабли для перевозки посланников, как вдруг непредвиденное обстоятельство помешало их отплытию. Утром в день, назначенный для отплытия, с одной из башен подали сигнал о том, что далеко на горизонте виднеется флот из пятнадцати парусов. Они были так далеко, что их невозможно было заметить с берега. Наконец их заметили те, кто был на берегу, и постепенно они становились все более отчетливыми по мере приближения к суше, и не было ни малейшего сомнения в том, что они направляются в Дампстадир; белые мирные щиты были ясно различимы на верхушках мачт, и цвет каждого корабля был хорошо виден. Зрелище было прекрасным: корабли все ближе и ближе подходили к земле. Щиты воинов лежали рядом, частично прикрывая друг друга, снаружи, вдоль бортов, и их пестрые цвета, особенно желтый, красный и черный, представляли собой живописное зрелище. Полосатые разноцветные паруса добавляли красоты зрелищу. Впереди всех шел корабль-дракон; на его мачте красовался расшитый золотом штандарт с орлом в центре, по которому люди сразу же узнали корабль-дракон Гудбранда.

Хьорвард и Сигрлин, наблюдавшие за происходящим с самой высокой башни, очень обрадовались этому зрелищу. Они сочли прибытие в столь подходящий момент Гудбранда, которого так хотели увидеть, добрым предзнаменованием для будущего их сына. Хьорвард отправился на берег, чтобы встретить своего приемного брата, и сел в лодку, чтобы подняться на борт и приветствовать его, как только корабль бросит якорь.

Гудбранд был принят Хьорвардом, который не видел своего приемного брата более двух лет, с искренней радостью и почетом. Его провели в большой зал и усадили на высокое кресло напротив кресла Хьёрварда, и все командиры, или "стирмены", как их называли, кораблей Гудбранда и его чемпионы тоже были там и сидели в соответствии со своим рангом. В тот день было много пьянства; состоялся большой пир; эль и медовуху пили свободно, подавали в серебряных и золотых рогах, и было много веселья до раннего утра, после чего все разошлись по своим домам. Гудбранду отвели самый лучший дом, предназначенный для высокородных гостей, для проживания в Дампстадире.

На следующий день, когда Гудбранд спокойно беседовал в пиршественном зале с чемпионами Хьёрварда и с большим интересом слушал одного из них, который рассказывал о великом борцовском поединке, состоявшемся несколько дней назад, незаметно вошел Хьёрвард с Иваром на руках; и когда Гудбранд приветствовал его, он посадил маленького Ивара к себе на колени, прежде чем тот успел это осознать. По древнему обычаю, человек, на чье колено сажали ребенка, обязывался стать его воспитателем до совершеннолетия. Поборники Хьорварда разразились возгласами одобрения выбора своего вождя, за которого каждый был готов пожертвовать жизнью. Неудивительно, что они одобрили этот выбор, ведь Гудбранд был известен своей мудростью, мастерством в спортивных играх и многими другими достижениями.

Хьорвард не мог продемонстрировать большего доказательства дружбы, уважения и почтения к Гудбранду, чем то, что он только что сделал.

Гудбранд пообещал своему соратнику и приемному брату, что воспитает маленького Ивара в меру своих сил, а затем задумчиво добавил: "Хьорвард, ты хорошо знаешь древнее изречение: "Не доверяй рано засеянному полю и не доверяй слишком рано сыну, ибо погода управляет полями, а ум - сыном; каждое из них неопределенно". Тебе также хорошо известно, - продолжал он, - что Норнир неравномерно распоряжаются судьбами людей. Немногим они предопределяют счастливую и довольную жизнь; многим - короткую или долгую; некоторым - малое имущество или похвалу. Многим они сулят горести или несчастье; одному человеку они дают большое богатство и сердце скряги, а бедняку - самый щедрый нрав. Мне кажется, что тот, у кого сердце скряги, должен был бы быть бедным, а тот, у кого сердце дающего, - богатым. Но таковы постановления Норнира, и никто не может их понять или избежать. Слава и бедность часто достаются поэту, но имя его будет жить вечно; его курган всегда будет зеленеть в памяти людской, как и деяния великих героев".

В течение всего оставшегося времени пребывания Гудбранда в Дампстадире шли обильные пиры. Многие воины пили больше, чем следовало, как было принято в те времена; но гостеприимство было беспредельным, и вожди не хотели прослыть скупердяями.

Многие вечера проходили за песнями поэтов, которые рассказывали о великих военных подвигах предков Хьёрварда и Гудбранда, а также о тех, что совершили оба херсира. Среди приехавших с Гудбрандом чемпионов был человек по имени Ульф, который был великим поэтом, или скальдом, и говорил только стихами, и отвечал тоже в таком духе. Слава его была очень велика, но, несмотря на предложения могущественных вождей о большом

вознаграждении, он остался с Гудбрандом, потому что очень любил его, и для него земля Энгель была самым прекрасным местом, которое он когда-либо видел.

Однажды вечером, после того как Гудбранд и все вожди удалились, Хьорвард остался наедине с Ульфом, который на месте сочинил великолепную песню о деяниях отца Хьорварда, и на ее чтение ушла большая часть ночи. Хьорвард поблагодарил его, а на следующий день поговорил со своим интендантом, ведавшим всеми его сокровищами, и, рассказав ему о чудесном даре Ульфа, спросил, как ему вознаградить скальда.

"Дать ли ему два торговых корабля?" - ответил тот.

"По-моему, это слишком много", - ответил казначей.

"Другие вожди дарят дорогие вещи - хорошие мечи или золотые браслеты - в награду за песню, сложенную для них, - ответил Хьорвард, - но правитель Готланда выше и намного богаче многих херсиров".

И тогда он решил подарить Ульфю прекрасный торговый корабль, новый алый плащ, золотой меч и тяжелый золотой браслет и пригласил его приехать и остаться у него на целый год. Ульф поблагодарил Хьорварда и сказал, что приедет через два года, когда вернется из поездки к своим родственникам в Британию.

Пробыв в гостях более трех недель, Гудбранд заговорил о возвращении в Энгель. Сигрлин всеми силами пыталась уговорить его остаться подольше, ссылаясь на то, что наряд Ивара еще не готов, хотя она была занята со своими служанками, шила и мастерила для него одежду, и ей удалось уговорить его остаться еще на неделю. Она с нетерпением ждала дня отъезда Гудбранда; мысль о расставании с дорогим сыном разрывала ей сердце.

Наконец настал последний день, когда Ивар должен был оставить мать и отца и отправиться учиться, чтобы стать опытным мужчиной и воином. В ту последнюю ночь Сигрлин не спала. Ивар всю ночь проспал без сознания в ее объятиях; она ласкала его и, наполовину воображая, что прощается с ним, часто так крепко прижимала его к своему сердцу, что два или три раза за ночь будила его. Неудивительно, что материнское сердце горевало, ведь это была не дневная разлука с ребенком. Ему предстояло разлучиться с ней не на месяц, а на долгие годы.

Когда она вставала утром, румянец на ее щеках исчезал. Она боялась смотреть на солнце и видеть, как оно поднимается все выше и выше, ибо это означало, что полдень, час отъезда, все ближе и ближе; но Сигрлин была горда, и если бы не ее необычная бледность, никто бы не догадался о печали и тревоге, которые она втайне переживала.

Когда утренняя трапеза закончилась, по царившей вокруг суматохе можно было догадаться, что идет подготовка к отъезду Гудбранда. Люди шли к своим кораблям, прощались со старыми и новыми друзьями. Было выпито множество прощальных пивных. Хьорвард сделал Гудбранду и многим его воинам множество дорогих золотых подарков. Наконец все мужчины разошлись по своим кораблям, и только судно Гудбранда осталось у берега. Наконец солнце, к великому огорчению Сигрлин, показало, что наступил полдень. Пришло время проявить мужество и скрыть свои эмоции, и она должна была выглядеть бодрой, несмотря на свои страдания.

Прозвучали сигналы к отплытию, и на кораблях все было готово, паруса развернуты, якоря подняты. Отец, мать и все домашние, а также множество людей, включая бедных рабов, которые, несмотря на свое рабство, любили своего господина и госпожу, провожали

Гудбранда и Ивара до берега; малыш шел между своими родителями, весело болтая на ходу, и каждый держал его за руку и с нежностью смотрел на него. Наконец они дошли до трапа и, пожелав друг другу всего хорошего, расстались с выражением большой любви и дружбы. Сигрлин оставалась на мысу у Дампстадира, пока корабли не скрылись за горизонтом, а затем с глубоким вздохом вернулась домой и, оставшись одна в своей беседке, отворила шлюзы материнского сердца и долго плакала.

Ветер был попутный, и после трех дней непрерывного плавания флот Гудбранда достиг Храфнисты, города и резиденции Гудбранда на Энгеле. Сигрид, жена Гудбранда, пришла в восторг, увидев мужа с маленьким Иваром на руках, и неудивительно: ведь он был таким милым малышом и к тому же таким красивым. Сигрид приготовила для него хорошую комнату рядом со своей, и первой ее мыслью было сделать так, чтобы ему было так же уютно, как дома. Они с мужем собирались воспитывать его с величайшей заботой и лаской, ибо чувствовали огромную ответственность, которая легла на них. Несколько дней Ивар тосковал по дому. Он очень скучал по матери и отцу, а также по товарищам по играм; в Храфнисте все было для него в новинку, но постепенно он свыкся с новым домом и стал все больше и больше любить своих приемных родителей.

У Гудбранда и Сигрид был сын Хьялмар, который был на год старше Ивара. Отец и мать решили, что Хьялмар тоже должен получать домашнее образование, чтобы оба мальчика стали приемными братьями, как это было принято в то время для детей, которые воспитывались вместе. Между двумя мальчиками завязалась тесная дружба, и, повзрослев, они стали неразлучны, а в любом споре одного из них с другими мальчиками другой непременно принимал сторону приемного брата. Временами к ним присоединялись и другие дети их возраста, и время от времени между ними происходили состязания в силе и ловкости за первенство в каждой из игр, во время которых им аплодировали и подбадривали присутствовавшие старшие.

По мере взросления началось серьезное обучение обоих мальчиков, и оба делали уверенные успехи. Их обучали гимнастическим упражнениям, играм с мячом, борьбе, бегу, прыжкам, плаванию. Они также научились грести, управлять кораблем, спускать и поднимать парус, стали отличными наездниками на лошадях, а также моряками. Их даже обучали практической стороне кораблестроения, и часто можно было увидеть, как они усердно работают на верфях. Самое большое внимание уделялось их физической подготовке, которая считалась чрезвычайно важной, ведь ловкость и быстрота были совершенно необходимы воину, без них он не мог одержать победу над врагом или избежать опасности, кроме того, эти упражнения делали их сильными и здоровыми.

Со временем любовь между Иваром и его приемными родителями сильно возросла. По мере взросления он становился все более сильным и мужественным, с каждым последующим годом демонстрируя значительное совершенствование ума и тела. Обоих парней научили писать руническими знаками, а также узнали значение мистических рун - это знание приобретали только сыновья высокородных людей, - чтобы в случае необходимости они могли передавать послания, которые могли расшифровать только те, кому они предназначались. Они могли красиво писать на бересте, которую для этой цели делали почти такой же тонкой, как папирус, или гравировать рунические буквы на дереве, камне, драгоценностях из золота и серебра, инкрустировать мистические письмена на лезвиях оружия. Искусство письма было настолько древним на Севере, что люди верили, что ему их научил Один; но в тот период, о котором мы говорим, римляне, греки и норсмены были единственными людьми, которые умели читать и писать в Европе.

С возрастом Ивар и Хьялмар стали великими атлетами, превосходя в мастерстве и ловкости всех своих сверстников. Они могли плавать, как тюлени, говорили люди, облачившись в доспехи, и несли потом свое оружие на спине. Они могли метать копье как левой, так и правой рукой; они могли одинаково хорошо обращаться с мечом, топором или щитом; словом, они могли одинаково хорошо стрелять и наносить удары обеими руками. Они могли обращаться с мечом или саксом с такой быстротой движений, что лезвие не было видно в воздухе, а слышалось только его шипение. Они могли метко стрелять из лука и попадать шашкой в голову человека, не рана его скальпа; они могли с роковой точностью бросить камень из пращи, и горе тому, кому этот камень предназначался. Ивар почти одинаково хорошо прыгал вперед и назад, а ловкости у него было даже больше, чем у его приемного брата, и ни один юноша его возраста не мог сравниться с ним ни в одной из атлетических игр.

Обоих приемных братьев постоянно обучали военно-морским упражнениям, особенно когда собиралось большое количество судов. Их также обучали иностранным языкам, поскольку викингам было совершенно необходимо понимать язык стран, с которыми они торговали или на которые вели войну, ведь, как мы уже говорили, их торговые или военные экспедиции простирались далеко и надолго. Они умели сочинять экспромтом стихи, но поэзия - дар богов, и их учили только ее правилам и метрам, ведь чтобы стать скальдом, нужно было родиться скальдом. Они также научились играть в шахматы - игру, которая была очень популярна среди норманнов.

Гудбранд прививал мальчикам любовь к славе, рассказывая им о великих походах, которые он совершал вместе с Хьёрвардом, или воспевал доблестные деяния, запечатленные скальдами старых воинов, ушедших в Валгаллу, чтобы, когда придет время, они оба могли подражать их примеру.

По мере того как Ивар взрослел, он становился все более любознательным и интересовался разными предметами. Однажды ранним утром он увидел Гудбранда, который, как это часто бывало, сидел на кургане своего отца, созерцая море, и, подойдя к нему под влиянием внезапного порыва, сказал: "Приемный отец, расскажи мне, как все было вначале, и о сотворении мира".

Гудбранд отвечал: "Ты хорошо знаешь, что наше поклонение - истинное; мы принадлежим Одину и любимы им и богами. До сотворения мира вселенная представляла собой зияющую пустоту, называемую Гиннунгагап, и ничего не существовало. По обе стороны от этой зияющей пустоты находились два мира - Нифльхейм, мир холода, и Муспелльхейм, мир тепла, на юге. Часть зияющей пустоты, обращенная к северу, была заполнена массой льда и измороси, а противоположная сторона - моросью и порывами ветра. Южная часть Гиннунгагапа стала менее тяжелой от искр и светящихся веществ, которые летели из Муспелльхейма; и подобно тому, как холод и все вещи приходят из Нифльхейма, вещи возле Муспелльхейма были горячими и сияющими. Гиннунгагап был теплым, как безветренный воздух, так что при соприкосновении извести и дыхания жара извести таяла в каплях. Из Эливагара, ручья, вытекающего из колодца Хвергельмир в Нифльхейме, брызнули капли яда, которые застыли и выросли в йотуна, которого звали Ймир, но хримтурсары называют его Оргельмиром, и от него произошел род хримтурсаров. Когда жил Ймир, в ранние века, не было ни песков, ни моря, ни прохладных волн, ни земли, ни травы, ни небес над головой. Существовал только Гиннунгагап. За много лет до того, как земля обрела форму, родился Бергельмир. Его отцом был Трудгельмир, а дедом - Оргельмир".

"На чем жил Ймир или чем?" - спросил Ивар.

Гудбранд ответил: "Случилось так, что когда иней падал каплями, из него выросла корова Аудхумла; из ее сосков текли четыре реки молока, и она кормила Ймира. Аудхумла для еды лизала известковые камни, покрытые солью и известкой, и в первый день, когда она их лизала, из них вылезли волосы человека, во второй день - голова человека, в третий день - целый человек. Звали его Бури, и был он красив на вид, велик и могуч. У него был сын Бор, который взял в жены Беслу, дочь йотуна, или Хримтурса Болторна, и у нее было три сына: Один, Вили и Ве. От них произошли асары, или род Одина. Говорят, что сыновья Бора, Один, Вили и Ве, убили Ймира, и из его ран вытекло столько крови, что он утопил весь род Хримтурсар, кроме Бергельмира и его жены, которые спаслись в корзине для муки, и от них произошел новый род Хримтурсар".

"Как был создан мир?" - спросил Ивар.

"Из плоти Ймира была сформирована земля, из его крови - море, из его костей - горы, из его волос - деревья, а из черепа - небо. Из его чела боги создали Мидгард для сынов человеческих, а из его мозга - мрачные тучи". Триада Асар нашла на земле Аска и Эмблу; у них не было ни дыхания, ни разума, ни крови, ни движения, ни правильного цвета лица. Один дал им дыхание, Хёнир - разум, Лодур - кровь и подобающий цвет лица, и от них пошло человечество".

Время от времени отец Ивара останавливался в Храфнисте, когда проходил перед Энгелем со своим флотом, направляясь в поход против римских провинций или возвращаясь из него; тогда в доме царила великая радость, и он с гордостью наблюдал, как его сын делает большие успехи во всех мужественных упражнениях и умственных занятиях. Мать приходила к нему примерно раз в два года, и не нужно рассказывать, как она гордилась своим сыном.

ГЛАВА VI

ИВАР ДОСТИГАЕТ СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ

В последний день шестой недели (в норвежской неделе было пять дней) месяца, соответствующего нашему сентябрю, Ивар достиг пятнадцати лет и по закону стал совершеннолетним. Утром того же дня Гудбранд подарил ему прекрасный корабль под названием "Элиди"; на его борту было вооружение для команды из двухсот сорока человек. Золотой штандарт, водруженный на мачте, был вышит его приемной матерью и назывался "Победоносный", чтобы победа непременно следовала за ним, куда бы он ни плыл. При изготовлении над ним было произнесено множество заклинаний и заклиний. Длина "Элиди" составляла сто восемьдесят футов, на нем было двадцать пять скамеек для гребцов. Поэтическое название судна - Жеребец Прибоя. Хьялмар также получил в подарок прекрасный корабль, на борту которого было оружие для команды из двухсот сорока человек. Это судно называлось "Трани" и носило поэтическое имя "Олень прибоя".

На следующий день Гудбранд со своим сыном и приемным сыном отплыл на материк и, высадившись на берег, вытащил свою лодку за пределы досягаемости волн, а затем вошел в большой лес дубов. Гудбранд приехал с двумя парнями с особой целью. Разбив лагерь, он оставил их на следующее утро и отправился в путь со своими собаками. К вечеру он не

вернулся; прошел и второй день, а он все не возвращался. На третий день, ближе к полудню, Ивар и Хьялмар услышали лай собак, вскоре мимо них быстро пробежали два волка, а через некоторое время появился Гудбранд с большим волком, которого он только что убил двумя стрелами. Он отправился на эту охоту именно для того, чтобы убить волка, ибо твердо верил, что Ивар и Хьялмар, испив его крови и съев его сердце, станут храбрее, чем были прежде, и в бою будут обладать волчьей свирепостью, а также смогут понимать язык птиц.

После того как Гудбранд отдохнул, он вскрыл тушу волка и заставил двух парней выпить по глотку его крови; затем он вынул сердце и, подойдя к огню, зажарил его на вертеле, а когда с него потекла кровь, решил, что оно достаточно прожарилось, и, разделив его на две части, дал каждому по части. После того как они поели и попили волчьего сердца и крови, Гудбранд сказал: "Теперь я жду от вас, что вы никогда не будете бежать от опасности или оружия; будьте храбрыми, как ваши сородичи в старину". После этого они вернулись в Энгель.

Гудбранд и Сигрид любили Ивара так же сильно, как собственного сына, и решили сделать обоих равными наследниками своего имущества; но сделать это можно было только публично, совершив церемонию, которая называлась "Принятие наследства", и сделать это нужно было с одобрения и согласия прямого наследника или наследников и в соответствии с формами закона, которые были очень древними и точными в этом вопросе.

Гудбранд назначил день для принятия Ивара в свою семью, чтобы могли присутствовать свидетели, а также те, кто в противном случае сам имел бы право на его наследство. Сварили эль из трех мер зерна, убили быка трех зим от роду, содрали шкуру с его правой задней ноги над копытом и сделали из нее башмак. Затем в присутствии Хьялмара, своего сына, который был его прямым наследником, Гудбранд попросил Ивара, своего приемного сына, наступить в башмак. После того как Ивар сделал это, он попросил своего родного сына сделать то же самое, что Хьялмар сделал с большой готовностью. После этой древней церемонии Ивара привели в объятия его приемных отца и матери.

Затем Гудбранд в присутствии свидетелей сказал: "Я ввожу этого человека, Ивара Хьорвардсона, в свои владения и делаю его совместным наследником с моим сыном Хьялмаром; и это я делаю с согласия моих родственников, которые являются наследниками моего имущества". После этого он напомнил Ивару, что тот должен каждый двадцатый год публично объявлять, что он является слитным наследником с Хьялмаром Гудбрандсоном, пока тот не получит свое наследство. Ивар ответил, что надеется, что его приемный отец, который так нежно и с любовью воспитывал его вместе с приемной матерью, проживет долго, чтобы насладиться его имуществом, и поблагодарил его за великую доброту и отеческую заботу, которой он его одарил.

Спустя некоторое время после того, как Ивар стал сонаследником Хьялмара, два приемных брата решили снарядить на Элиди и Трани мирную команду из ста двадцати человек на каждое судно. Ни один из прибывших на борт не мог быть моложе восемнадцати лет или старше пятидесяти. На них должны были действовать те же законы, что и в Хьорварде. Впервые обоим предстояло командовать, или, если воспользоваться фразеологией норманнов, в которой командиры назывались "стирменами", управлять своими кораблями. Это было событие в их жизни, которого они ждали с большим нетерпением.

Все вожди земель викингов долгое время жили в мире друг с другом, но непрекращающиеся походы один за другим совершались против Римской империи, и корабли возвращались домой со множеством трофеев и рабов.

Сначала приемные братья решили отправиться в Дампстадир, поскольку Ивар очень хотел увидеть мать и отца и показать им, как он вырос и похорошел. Оба они были еще слишком молоды, чтобы выглядеть как настоящие воины, ведь усы у них еще не появились, а у воинов был обычай их носить. После визита в Дампстадир они намеревались навестить своих родственников, правивших в разных королевствах.

Перед тем как покинуть Храфнисту, Гудбранд сказал им: "Взяли ли вы с собой дорогие подарки?" И когда оба юноши ответили: "Нет", он продолжил: "Вы должны взять несколько, ибо я еще не встречал человека, который был бы настолько свободен в еде, что не принял бы подарка, или настолько щедр в имуществе, что награды были бы для него нежелательны". Затем он добавил: "Оружием и одеждой, наиболее приглядными для себя, друзья должны радовать друг друга. Дарители и получатели - самые долгие друзья, если они дарят с добрым сердцем и добрыми пожеланиями". Сказав это, он отправился в одну из своих кладовых и принес туда несколько украшенных золотом мечей и саксов, инкрустированных золотом, несколько дорогих иноземных плащей, красивые броши из золота, несколько превосходных перстней, или браслетов, и прекрасные ожерелья, все также из золота. "Эти вещи, - сказал он им, - вы должны подарить высокородным мужчинам и женщинам, которых вы посетите. Ожерелья будут предназначены для их жен и дочерей".

За день до отплытия Гудбранд позвал Ивара и Хьялмара, велел им сесть рядом с ним и, сказав: "Я позвал вас, чтобы дать вам совет, который, как мне кажется, может оказаться для вас полезным и к которому, надеюсь, вы прислушаетесь", - произнес следующее: "Когда вы приходите на трапезу к незнакомым людям, молчите или говорите мало, слушайте и смотрите. Говорите полезно или не говорите вовсе; тогда никто не упрекнет вас в дурном воспитании. Никогда не насмехайтесь над гостем или путником. Помните, что ни один человек не бывает настолько хорош, чтобы его не преследовали недостатки, и не бывает настолько плох, чтобы он ни на что не годился. Никогда не смейтесь над дряхлым мудрецом, ибо часто старики говорят: "Из дряхлой кожи часто выходят искусные слова". Помните, что любовь - это дверь, открытая для всех, кто в ней нуждается. Дарите и будьте щедры, а если нет, то всякое зло будет вам желанно".

В тот же вечер Гудбранд послал за своим сыном Хьялмаром и сказал ему: "Что меня радует, так это то, что ни один человек не положит твою голову к его ногам, хотя тебе и придется нелегко. Вот меч, брат Хьялмар, который я хочу подарить тебе; его зовут Драгвандил, и победа всегда сопутствовала ему. Мой отец взял его у убитого Бьёрна Синезубого. Есть у меня и другое замечательное оружие - могучее копье, которое я взял у Харека, но я знаю, что с ним не справится тот, кто не достиг полной силы".

За день до того, как их корабли были готовы к отплытию, приемные братья принесли великую жертву Фрею, властвующему над богатством и временами года. Когда все было готово к отплытию, Сигрид и Гудбранд последовали за ними к кораблям и ласково попрощались с ними. После приятного плавания они достигли Дампстадира, где их с великой радостью приняли Хьорвард и Сигрлин. Мать с величайшей гордостью смотрела на своего сына, который был воплощением мужественности, а с Хьялмаром обращались так же ласково, как и с его приемным братом, ибо и его они очень любили.

На Готланде все было очень спокойно: шел сбор урожая, и люди были заняты на полях. Чемпионы Хьорварда отсутствовали, они отправились с большим количеством кораблей на войну в Галлию и Британию и должны были скоро вернуться. Двое юношей проводили много времени за атлетическими играми, и каждое утро их можно было увидеть на полях, где они проводились. Ивар навещал своих родственников и друзей, живущих на острове, а также

занимался тем, что постигал искусство кораблестроения, ибо хотел, чтобы норманны говорили, что его корабли - самые лучшие в стране. Он любил хороших лошадей и разводил их. Два его жеребца, по имени Слоньвир, "летающий", и Хвитинг, были известны всем любителям лошадей, а сам он ездил на прекрасной четырехколесной повозке в форме повозки, украшенной красивыми бронзово-золочеными украшениями, а упряжь лошадей была украшена золотом.

Занятые этими занятиями и развлечениями, Ивар и его приемный брат пробыли в Дампстадире три года.

ГЛАВА VII

ПЕРВЫЙ ПОХОД ИВАРА

В Дампстадире Ивару исполнилось восемнадцать лет, и он достиг того возраста, когда все юноши при удобном случае отправляются в военные походы, а великие воины и могущественные вожди не берут на корабли никого моложе этого возраста. Через несколько дней после своего восемнадцатилетия Хьорвард, сидевший на кургане своего отца, послал за Иваром и, когда тот прибыл, сказал ему: "С кургана твоего деда, на котором мы находимся и чьи доблестные деяния известны по всем северным землям, воспеты поэтами и будут воспеты до скончания веков, ты видишь вокруг нас могилы многих твоих сородичей, которые также отправились в Валгаллу. Каждый из них погиб доблестно. Среди них я хочу научить тебя тем же заветам мудрости, которые советовал мне соблюдать мой отец, когда я был примерно в твоём возрасте. Я нашел их полезными в своей жизни, и они также сослужат тебе добрую службу, если ты прислушаешься к ним".

После паузы он продолжил: "Родственник, послушай меня. С незапамятных времен было принято, чтобы сыновья вождей отправлялись на войну и приобретали богатство и почет, а личное имущество не наследовалось, и сын не получал его после отца, но клал его на костер и в курган вместе с собой. Хотя их сыновьям достаются земли и поместья, они не смогут удержать свой ранг и достоинство, если не подвергнут себя и своих людей опасности и не пойдут на войну, зарабатывая таким образом имущество и почести один за другим и идя по стопам своих сородичей.

"Ищите славы и известности в добрых делах, ибо они никогда не умирают и будут вспоминаться сынами человеческими до скончания времен. Многие люди, с тех пор как Один создал мир, потратили свою жизнь на то, чтобы получить богатство, и, чтобы получить его, стали скупыми. Их сердца радуются только при виде золота. Но ни одного из них не помнит человечество; их имена и их богатства канули в Лету, но имена великих скальдов и людей, совершивших великие деяния, будут жить вечно, хотя Норнир распорядился их жизнью так, чтобы они были бедны и умерли в нищете. Поэтому, сын мой, будь щедр на свое богатство и на дань, которую будут платить тебе те, кого ты покорил. Будь богат добрыми делами. Свободные и доблестные люди живут лучше всех, а неразумные боятся всего. Более верного друга, чем здравый смысл, человек никогда не обретет.

"Когда человек ранен и лежит на земле беспомощный под твоим ударом, мне нет нужды говорить тебе, ибо твоя мужественность подсказывает тебе, что не следует наносить ему новую рану, ибо это убийство. Если ты погибнешь в бою, то только потому, что Один избрал тебя, чтобы ты отправился к нему. Если ты побеждаешь, то это потому, что он даровал тебе победу; оба варианта хороши. Гладсхейм - родина гладов; там стоит сверкающая Вальгалла, или "Зал убитых", и Один каждый день выбирает людей, убитых оружием. Тот зал легко узнают те, кто приходит туда, ибо он крыт валами и крыт щитами; скамьи покрыты цепной броней; в нем пятьсот сорок дверей, и восемьсот "эйнхерьяров", ибо так называют избранных, проходят через него за один раз. Над главным входом в Вальгаллу висит волк. Постарайся быть там более желанным, чем любой вождь, который покраснел на саксе и пронес далеко и широко кровавый клинок; войди в Вальгаллу, забрызганную кровью. Один дарует победу своим сыновьям, богатство - некоторым, красноречие и мудрость - немногим, песни - поэтам, удачу в любви - многим, избранное оружие - тем, кого он любит, и попутный ветер - мореплавателям. Пришло время тебе отправиться на войну, чтобы стать достойным своих предков и равным им в славе.

"Если ты добьешься славы, не будь тщеславным и хвастливым, ибо слава дана тебе народом, и почему ты должен гордиться тем, кто ее дает? Спокойное поведение никогда не вредит человеку, а люди смеются над теми, кто надувается в своей гордыне. Многие люди становятся глупцами из-за успеха. Высокородные и знаменитые никогда не должны гордиться".

Сказав это, Хьорвард подарил Ивару меч Ангрвадиль. Это было превосходное дамасское оружие с рукоятью, украшенной золотом. Ножны были почти покрыты золотом. Его прославили по всему Северу за его качество, а поэты называли его "пламенем Одина", "отблеском битвы", "ранящим щиты", "предводителем победы".

Когда Ивар осмотрел его и восхитился, отец продолжил: "Ангрвадил был в нашем роду на протяжении многих поколений, и сегодня он так же хорош, как и в давние времена. Твой дед и я сами участвовали с ним в шестидесяти битвах, и каждый раз он одерживал победу, и никогда он не тускнел. Никогда не позволяй Ангрвадиль покинуть наш род, ибо несчастье постигнет наш род, если он не останется во владении наших сородичей. Он поможет тебе и в поединках; храбрость - в его лезвии, ужас - в острие, а удача - в рукояти. Этот меч непогрешим, - добавил Хьорвард, указывая на мистические буквы из золота, инкрустированные на клинке возле рукояти. "Смерть тому, кто им ранен. Хротти, мой собственный меч, ты будешь использовать после моей смерти".

Ивар поблагодарил отца и сказал, что его подарок радует его больше, чем если бы это было золото в изобилии или большие поместья, и добавил, что не знает, что сулил ему Норнир, но надеется умереть в разгар победы. Он также поблагодарил отца за добрые советы, которые тот всегда давал ему, и прежде всего за великую любовь, которую тот проявлял к нему; и с большой теплотой чувств добавил, что будет стараться подражать ему во всех своих поступках, и надеется, что никто из его родственников в Вальгалле никогда не будет стыдиться его.

Оставив отца, он отправился к матери и сказал ей: "Я хочу, чтобы ты, матушка, показала мне плащи, которые Хейд, сивилла, сшила для моего отца давным-давно".

Сигрлин открыла большой сундук и ответила: "Вот они, и они почти как новые".

Ивар взял их в руки. Они были с рукавами и капюшоном, прикрывавшим лицо; они были широкие и длинные; считалось, что никакое железо не может их разрезать, а оружие не

может их повредить, потому что они были сделаны с помощью хитрости, колдовства и заклинаний. Ивар взял два самых больших. Затем он отправился в Хрингстадир, чтобы осмотреть залы и поместье, которые отец подарил ему в тот день, когда "закрепил" за ним имя Ивара.

Ивар помнил все, что говорил ему отец, и очень хотел добиться славы и богатства, поэтому однажды утром он и его приемный брат отправились к Хьорварду и сказали: "Расскажи нам, отец, о викинге, который, как ты знаешь, самый храбрый и сильный".

Хьорвард ответил: "Вы молоды, но, похоже, думаете, что никто не может противостоять вам. Но я расскажу вам о двух викингах, о которых я знаю. Зовут их Сигурд и Сигмунд; они искусны во многих делах и очень великие воины".

"Сколько у них кораблей?" - спросил Ивар.

"У них тридцать кораблей, - ответил Хьорвард, - и по сто двадцать человек на каждом".

"Где они высадились?" - спросил Хьялмар.

"В южной части Свитйода", - ответил Хьорвард. "Зимой они находятся на суше, а летом лежат на борту своих военных кораблей".

"Мы пойдем и попытаемся найти, где они, и сразимся с ними", - воскликнули оба приемных брата одновременно. "И мы увидим, кто из викингов и чемпионов самый лучший в этой земле".

На следующий день после этого разговора чемпионы Хьорварда вернулись с большой добычей, которую они завоевали в странах, подвластных Риму, и Хьорвард попросил некоторых из них присоединиться к его сыну и Хьялмару. "Ибо, - сказал он, - они еще неопытны в военном искусстве".

Братья сразу же принялись за работу, чтобы подготовить свой флот, что не заняло много времени, так как за зиму корабли подверглись тщательному ремонту. Элиди был великолепно оснащен, и Ивар разместил на его борту своих телохранителей и берсерков; защитники носа были отобраны с особой тщательностью, ибо им предстояло защищать его штандарт. Весь экипаж составляли берсерки, превосходившие других силой и храбростью. На корме также находились отборные люди, а всего на борту было двести сорок человек. У приемного брата Ивара, Хьялмара, тоже была отборная команда, среди которой были искусные лучники и пращники, равных которым не было во всей стране. Штандарт Ивара, сделанный для него приемной матерью, плыл на борту "Элиди", а штандарт Хьялмара - на борту "Трани".

За два дня до отплытия флота приемных братьев Ивар пришел к своему отцу и сказал ему: "Скажи мне, отец, о некоторых предзнаменованиях, которые, по твоему мнению, могут быть полезны людям, отправляющимся на войну".

Хьорвард отвечал: "Многие предупреждения полезны, если люди знают их и прислушиваются к ним. Полет черного ворона полезен для воина, ибо он означает победу. Никто не должен сражаться против позднего солнца, сестры луны. Если ты споткнешься или упадешь с коня, когда ринешься в бой, тебя ждет опасность, ибо по обе стороны от тебя стоят неверные духи семьи. Если ты выйдешь на улицу и соберешься в путь, и встретишь на дороге людей, готовых похвалить тебя, и услышишь волков под ясениями, то удача тебе улыбнется, если ты увидишь волков впереди себя. Это лишь некоторые из предзнаменований, которые

должны стать для тебя предупреждением. Я хочу дать тебе и другой совет, - продолжал он. "Мудрость и оружие нелегко достать вождю, который был бы самым лучшим среди людей. Сыны человеческие часто нуждаются в прозорливых глазах в бою. Рано должен вставать тот, кто хочет приобрести богатство. Редко сонный волк получает бедренную кость, а сонный человек - победу. Мужество лучше силы мечей там, где должны сражаться разъяренные. Я видел, как смелые люди одерживали победу тупым мечом. Для смелого лучше, чем для труса, быть в битве - игре валькирий. Молчаливым и задумчивым, но смелым в бою должен быть сын Херсира. Неразумный человек думает, что будет жить вечно, если будет избегать боя, но старость не дает ему покоя, хотя копья могут пощадить его". После этого они расстались.

Когда приемные братья были готовы к отплытию, Хьорвард спустился с ними на корабли и с любовью попрощался с ними. Они отплыли от Дампстадира при попутном ветре и с поставленными парусами, но через некоторое время наступил штиль, и корабли пришлось подгонять веслами. Когда они уже теряли из виду землю, над кораблями с громким карканьем пролетел ворон. Ивар посмотрел на него.

Хьялмар сказал своему приемному брату: "Значит ли это что-нибудь для тебя?"

"Да", - ответил Ивар.

Над кораблем пролетел еще один ворон и тоже закаркал. Хьялмар забыл грести, и весло разжалось у него в руке.

Ивар сказал: "Ты очень внимателен к ворону; что он говорит?"

"Не знаю, потому что мне трудно их понять".

Над лодкой пролетела еще одна ворона, каркая громче двух других и подлетая ближе к кораблям. Тогда Ивар заметил: "Это много значит для нас. Я понимаю, что мы одержим победу в наших походах против викингов, ибо, как говорил мне отец, следование за вороном - доброе предзнаменование".

Наконец они увидели берег Свитиода, подошли к длинному и несколько высокому мысу и бросили там якорь. После этого они поставили на кораблях палатки на ночь. Зажгли лампы, и, чтобы скоротать время перед сном, играли в шахматы; шахматная доска, которую использовали на судах, имела отверстие в каждом квадрате, а каждая фигура - колышек для крепления, так что качка корабля не могла нарушить игру. Утомившись, они улеглись в свои кожаные мешки и заснули.

На следующее утро Ивар вышел на берег, чтобы посмотреть, не обнаружит ли он чего-нибудь и не услышит ли каких-нибудь новостей, но не увидел ни домов, ни людей. Пройдя немного по мысу, он заметил тридцать кораблей, стоящих на якоре, и военные палатки у берега. Команда была на берегу и занималась атлетическими играми: одни боролись, другие бегали и прыгали, а многие выполняли воинские упражнения с мечами и копьями и стреляли по мишеням из луков.

Сигмунд и Сигурд управляли этими кораблями, то есть были их командирами; и эти два человека были теми самыми викингами, о которых Хьорвард говорил Ивару и его приемному брату.

Ивар немедленно вернулся на свои корабли и рассказал великую новость Хьялмару и его людям.

"Что нам делать дальше?" - спросил Хьялмар.

"Мы разделим наших людей и наши корабли, - ответил Ивар, - на две равные эскадры. Ты, Хьялмар, с половиной кораблей должен пройти мимо мыса и поднять боевой клич против тех, кто на берегу, и поднять красный щит. Я же с двумя третями своей команды высажусь с этой стороны, пройду вдоль леса и вместе с ними подниму еще один боевой клич. Тогда, возможно, они будут ошеломлены нашим появлением и решат удалиться в лес, и ничего больше не случится".

Хьялмар обогнул мыс со своими кораблями, а Ивар высадился со своими людьми, и план, предложенный Иваром, был приведен в исполнение. Однако Сигмунд, Сигурд и их люди ничуть не испугались, когда услышали боевой клич Хьялмара на море и другой боевой клич на суше. Они прекратили свои игры, пока длились крики, а затем продолжили, как прежде. Затем Хьялмар вышел на берег, чтобы встретиться с Иваром, и после того, как они встретились, Ивар сказал: "Я не знаю точно, боятся эти люди или нет, потому что они, похоже, не обращают внимания на наш боевой клич".

"Что ты прикажешь нам делать?" - спросил Хьялмар.

"Это мы скоро узнаем, - ответил Ивар, - мы не станем красться за ними; мы остановимся на эту ночь на мысу и останемся там до утра".

Когда наступило утро, молочные братья высадились на берег со всеми своими людьми и направились к Сигурду и Сигмунду, которые были вооружены и готовы к бою.

Когда Сигурд и Сигмунд увидели Хьялмара и Ивара, идущих им навстречу, они вышли им навстречу. Сигурд был высокородным и очень великим викингом; он много путешествовал и видел страны, неведомые большинству людей; он был невысок ростом и достиг меридиана жизни; в его волосах начала появляться седина; он был самым старым из четырех вождей.

Сигмунд тоже был высокого происхождения, моложе Сигурда, но старше Ивара и Хьялмара. Сигурд спросил, когда они встретились, кто их вождь. Ивар ответил: "Здесь не один вождь".

"Как имя твое?" - спросил Сигмунд.

"Меня зовут Ивар, сын Хьорварда из Дампстадира; а мой приемный брат - Хьялмар, сын Гудбранда из Ангеля".

"Каково твое поручение?" - спросил Сигурд.

Ивар ответил: "Я хочу узнать, кто из нас могущественнее".

"Сколько у вас кораблей?" - спросил Сигурд.

"У нас двадцать кораблей", - ответил Ивар. "А сколько у вас?"

"У нас тридцать кораблей", - ответил Сигурд.

"Это большие шансы против нас", - сказал Ивар.

"Экипажи десяти кораблей не должны участвовать в битве, - ответил Сигурд, - и человек будет сражаться против человека".

"Это справедливо, - ответил Ивар, - и это закон доблестных людей".

Обе стороны выставили своих людей и приготовились к бою, который быстро начался и продолжался весь день. Ближе к ночи мирный щит был поднят, и Сигурд спросил Ивара: "Что ты думаешь о сегодняшнем конфликте?"

Ивар ответил: "Я доволен".

"Хочешь ли ты снова сыграть в эту игру?" - спросил Сигурд.

"Это мое намерение, - ответил Ивар, - ибо я никогда не находил лучших и более выносливых чемпионов. Мы снова начнем битву при свете дня".

После этого мужчины отправились в свои воинские будки и перевязали раны.

На следующее утро обе стороны выстроили своих людей для битвы и сражались весь день. Когда начало темнеть, снова подняли щит мира. Сигурд спросил Ивара, как ему понравилось сражаться в этот день.

"Очень хорошо", - был ответ.

"Не хочешь ли ты, - сказал Сигурд, - попробовать эту игру на третий день?"

Ивар ответил: "Тогда мы закончим бой".

Услышав это, Сигурд, который был человеком с большим здравым смыслом, сказал Ивару: "Можем ли мы рассчитывать на большую добычу на твоих кораблях, если одержим победу?"

"Отнюдь", - ответил Ивар, - "мы не взяли ни одной добычи за это лето".

"Думаю, - сказал Сигурд, - нигде я не встречал более глупых людей, чем здесь, ибо мы сражаемся только из гордости и соперничества".

"Что же ты будешь делать?" - спросил Ивар.

"Давай станем молодыми братьями", - ответил Сигурд, - "ибо мы равны в доблести".

"Хорошо сказано, - ответили Ивар и Хьялмар, - ибо мы считаем правильным скрепить нашу дружбу и поклясться друг другу в приемном братстве. Это будет великим благом для всех нас, ибо мы четверо станем величайшими воинами и викингami земли".

На следующее утро начались приготовления к выполнению предложения предыдущего дня, согласно которому Ивар и Хьялмар должны были стать приемными братьями Сигмунда и Сигурда.

Это был распространенный обычай, дошедший до нас из глубокой древности, официально и торжественно закреплять дружеские узы между людьми, принося друг другу клятву приемного брата. Эти отношения носили самый священный и обязательный характер; заключившие договор обязывались быть бескорыстными и верными друг другу всю жизнь и разделять одни и те же опасности.

Эти четыре викинга сначала вырезали три длинных куса дерна полукруглой формы, концы которых закрепили в земле, а петли подняли так высоко, чтобы те, кто должен был поклясться в приемном братстве, могли пройти под ними. Под этими петлями помещали копье, инкрустированное мистическими знаками, такой высоты, чтобы человек мог достать рукой до гвоздя, скрепляющего гнездо острия копья с рукоятью.

Воины с обеих сторон собрались, чтобы наблюдать за церемонией. Стоял прекрасный летний день; солнце сияло, природа улыбалась, в рощах пели птицы, бабочки и пчелы порхали с дикого цветка на дикий цветок; никто и мечтать не мог об ожесточенном противостоянии предыдущих дней.

В глубокой тишине Сигурд подошел к Ивару и трем другим викингам и сказал: "Вы знаете, что с незапамятных времен у доблестных людей, заключивших между собой договор о побратимстве, был обычай, согласно которому тот, кто проживет дольше всех, должен отомстить за остальных, если они будут убиты оружием или иным способом".

"Да", - ответили Ивар, Хьялмар и Сигмунд.

Затем они приготовились к клятве приемного братства, которая была священной, хотя и не приносилась на храмовом кольце, как обычно приносится клятва. Сигурд, Хьялмар, Сигмунд и Ивар прошли под петлей, взяли кровь из впадин своих рук и пустили ее в форму, вырезанную под петлей дерна, и смешали землю и кровь; после этого все они упали на колени и дали клятвы в подтверждение своего соглашения, призвав в свидетели Одина, Фрея, Ньорда и других богов; затем все они сцепили руки, согласно древнему обычаю, в качестве печати к своим клятвам.

Четыре приемных брата договорились, что никогда не будут грабить торговцев, бонди или других мужчин, за исключением тех случаев, когда в случае нужды им придется совершить набег на сушу за своими людьми, и в этом случае они должны будут заплатить полную стоимость за то, что возьмут. Они никогда не должны были грабить женщин, даже если те покажутся им соблазнительно богатыми, и не должны были брать женщин на борт кораблей против их воли; если женщина докажет, что это было сделано против ее воли, мужчина из экипажа, признанный виновным в таком преступлении против этого закона, должен был лишиться жизни за это, независимо от того, был ли он могущественным или нет.

Было также решено, что они должны совместно владеть добычей, которую могут получить в походах викингов, и что тот, кто проживет дольше всех, должен возвести курган над остальными после битвы или иным способом и поместить туда столько имущества, сколько покажется ему наиболее соответствующим его рангу.

И да будет вам известно, что до самой смерти они горячо любили друг друга и никогда ни в малейшей степени не нарушали обязанностей, которые налагал на них договор о приемном братстве.

Первым делом, посоветовавшись, четыре приемных брата решили посетить Гудмунда, отца Сигурда, который был могущественным херсиром и правил большим островом, называемым сегодня Оланд, недалеко от побережья нынешней Швеции, и сообщить ему о своих новых отношениях. Они отправились в путь, и после короткого и приятного плавания их корабли бросили якорь в бухте, где сегодня стоит тихий городок Боргхольм. В те времена здесь стоял бург Гудмунда, а рядом до сих пор можно увидеть множество могил и курганов того времени.

Приемных братьев приняли с большим радушием, было много питья и пиров. Во время их визита Ивар восседал на втором высоком сиденье. Пробыв там неделю, они приготовили свои корабли, намереваясь отплыть на юг и навестить Гудбранда, чтобы сообщить ему о своих новых отношениях. Когда пришло время отплывать, Гудмунд последовал за ними к кораблям и, когда они были готовы к посадке, подарил Сигурду три стрелы, которые носили знаменитое имя и назывались "Последователи Гуси". Перья у них были позолоченные, а сами они были украшены золотом.

"Эти стрелы, - сказал Гудмунд, - Кетиль Хёнг, твой прапрадед, взял у Гуси, правившего финами; они поражают и кусают все, во что нацелены, и были выкованы в давние времена двергами".

Сигурд поблагодарил отца, сказав: "Нет у меня даров, которые я ценил бы выше", после чего они отплыли. Вскоре они приплыли к красивой бухте, на берегу которой виднелось множество очень древних каирнов, неподалеку от которых сегодня можно увидеть маленький сонный городок Симбришам. Эти могилы были наполнены прекрасным бронзовым оружием и множеством золотых предметов.

Высадившись на берег, они обнаружили, что вокруг царит большое волнение, так как должно было состояться испытание. Женщина-бонд по имени Хьерка рассказала Вемунду, правившему здесь херсиру, что видела, как Гунвор, его жена и человек из херада шли вместе. Услышав это, Вемунд перестал веселиться, ибо очень любил свою жену, но прежде чем мстить, он хотел убедиться в правдивости слов бондарки. Но до сих пор ему это не удалось, и с женой никто не виделся. Тем не менее ревность одолевала его, и однажды, когда он разговаривал с ней, на его лице отразилась такая печаль, что она спросила о причине. Тогда он сказал ей, что думает, будто она любит другого.

Услышав это, она потеряла дар речи от возмущения. Ее глаза вспыхнули огнем, ее чистое сердце восстало против такого обвинения или инсинуации, ее лицо попеременно бледнело и краснело; затем внезапный взгляд отчаяния, сильной боли и печали последовал за ее взглядом гнева. Неужели ее муж мог поверить в такую небылицу?

Тогда она сказала: "Я поклянусь перед тобой и многими людьми на белом святом камне, что ни с кем не поступала так, как ты, похоже, считаешь. Пошлите за Хальфданом, правителем Зеландии, чтобы он освятил кипящий котел".

Приемные братья подросли как раз вовремя, чтобы стать свидетелями процесса. За Хальфданом послали, и в присутствии сотен свидетелей, пришедших посмотреть на испытание, он освятил знаком молота Тора котел, в котором кипела вода, и священный белый камень, используемый для таких испытаний.

Затем Гунвор сказал громким голосом, который услышали все присутствующие в зале: "Я не могу призвать своих братьев, чтобы они отомстили за такое обвинение мечом, ибо все они мертвы. Смотрите, люди, я правдив. Посмотрите, как закипает вода. Пусть Эркья идет в котел, та, кто приписывает мне предательство".

Херкья опустила руку в котел, чтобы взять священный камень, и никто не мог быть свидетелем более жалкого зрелища, чем те, кто видел, как ошпарились руки Херкьи. Увидев это, люди сказали, что Херкья виновна в ложном обвинении и лжесвидетельстве, и завели служанку в грязную трясиину, где она и умерла.

На следующий день Кнут, дядя Сигурда, сильно постаревший, почувствовал, что приближаются его последние дни; а поскольку наступил всеобщий мир, он не мог пасть на поле боя и доблестно отправиться в Валгаллу, как это делали все воины, погибшие в бою с врагом. Тем не менее он решил, что не умрет в своей постели, ибо не хотел отправляться в Хель. По поверьям норвежцев, в Хель попадали те, кто не пал от оружия. Хель был одним из девяти миров, составлявших вселенную, но в этом Хель не было наказания. Тогда он создал свою семью, разделил между ними золото, серебро и другие ценные вещи, а затем сказал им, что собирается броситься с высокой скалы, ибо считалось, что все, кто так поступает, попадают в Вальхаллу. Семья весело последовала за ним, и поскольку он находился на краю

пропасти, с которой нередко бросались вниз люди, они пожелали ему счастливого пути в Валгаллу, и он тут же бросился вниз. Над ним возвели большой курган, и весь народ восхвалял его мужественный поступок.

После испытания и смерти Кнута четверо приемных братьев продолжили свое путешествие, огибая берега полуострова и проплывая мимо нескольких красивых бургов и поместий. Через несколько дней после этого они бросили якорь в устье реки почти напротив острова Энгель, ибо не стали останавливаться в Храфнисте, так как Гудбранд и Сигрлин отправились с визитом на север, к друзьям, жившим на берегах нынешнего фьорда Кристиания.

Там правил доблестный херсир по имени Гаутрек Старый, который в свое время был передовым викингем, но из-за возраста оставил военные действия. У него было девять сыновей от Альвиг Мудрой, дочери Эйвинда из Хольмгарда. Их звали Тэнгиль, Рэсир, Грам, Гюльфи, Хильмир, Йофур, Тигги, Скули, Харри. Эти девять братьев так прославились на войне, что во всех песнях их имена используются как названия званий. Все они пали в бою, так и не женившись.

Для Ивара, его приемных братьев и его людей был приготовлен большой пир. У Гаутрека была прекрасная дочь по имени Сванхильд, и после того как гости расселись, она вошла в зал с несколькими девицами и подошла к высокому месту, которое занимал Ивар, напротив места своего отца; она протянула ему золотой рог для питья, наполненный медовухой, и сказала: "Приветствую тебя, Ивар, сын Хьёрварда! Приветствую вас всех, воины, что пришли с ним!" Затем она уселась рядом с отцом.

Все время, пока они гостили у Гаутрека, было много пиров и питий, и после трехдневного пребывания, которое было обычным временем для подобных визитов, Ивар покинул это место со своим флотом и продолжил плыть на север. Летом поднялся короткий шторм; пока он длился, "Элиди" опережала все остальные корабли, ибо была очень быстра, и лишь немногие суда были равны ей по скорости во всей северной земле. Флот укрылся за многочисленными островами, окаймляющими побережье, и приготовился войти в поток, который сегодня называется рекой Хамс, на которой расположен город Хамстад в провинции, называемой сегодня Халланд. На верхушках мачт были подняты мирные щиты, а вдоль всех шканцев - щиты, и драконы из красного золота сияли в лучах солнца.

Арнфид Херсир правил страной. Когда корабли бросали якорь, он садился на курган своего отца, с которого открывался вид на реку и море. У него был обычай сидеть там и охотиться со своими ястребами, которые время от времени приносили ему зайца, черного петуха или куропатку. Он узнавал корабль Элиди по вымпелу и знал, что его командир - Ивар, сын Хьорварда "широко раскинувшегося", одного из его товарищей по оружию и приемного брата. Корабли часто исчезали из виду из-за изгибов реки, поросших лесом, но в конце концов бросили якорь ниже бурга или резиденции Арнфида.

Арнфид послал гонцов, чтобы пригласить Ивара, его приемных братьев и их людей сойти на берег, поскольку готландцы никогда не разоряли его королевство. Приглашение было принято.

После этого Ивар так обратился к своим друзьям и последователям: "Давайте остережемся пить слишком много. В дороге человек не несет лучшей ноши, чем здравый ум и здравый смысл. Мудрость нужна тому, кто много путешествует. Никакая провизия в путешествии не тяготит человека больше, чем слишком много эля. Эль сынов человеческих не так хорош, как о нем говорят, ибо чем больше человек пьет, тем меньше у него ума. Дух, который витает над элем, называют "цаплей забвения"; он лишает людей рассудка. Эль лучше, когда к каждому

человеку возвращается разум. Ссоры и эль стали причиной душевного горя многих людей, смерти одних, проклятий других. Много зла от человечества. Не ссорьтесь с пьяными. Вино крадет у многих разум. Тем не менее, человек может не прогонять чашу, а пить умеренно".

Ивар и его люди оделись во все лучшее и вышли на берег, где их сразу же повели в пиршественный зал, где в честь Ивара, его приемных братьев и их приближенных был устроен большой пир. Арнфид сидел на своем высоком месте и приветствовал гостей; он велел Ивару сесть на высокое место напротив него.

У Арнфида была дочь, славившаяся своей красотой и достижениями; ее звали Ингегерд, и перед началом пира она пришла в зал с несколькими красивыми девами, которые ее навещали. Они были красиво одеты. Сама Ингегерд была одета в красное платье из толстой шерстяной материи, щедро расшитое золотом. Материал был привезен ей отцом по возвращении из путешествия по Каспию. Шлейф длиной в несколько футов изящно развевался по полу. Волосы были заплетены в косу и изящно спадали на плечи, как это было принято у юных дев. Ее лоб опоясывала красивая золотая лента. На белоснежной шее висело ожерелье из изящных золотых бусин. Ее высокая и стройная фигура казалась еще более изящной благодаря золотому поясу тонкой работы, опоясывавшему ее талию. Руки украшали два изящных спиральных золотых браслета, а на одном из пальцев правой руки красовалось кольцо в виде спирали со змеиными головками, принадлежавшее ее матери.

Перед тем как приступить к трапезе, Арнфид объявил, что сейчас будут распределены места; мужчины и женщины могут пить вместе, сколько смогут, а мужчины без собутельников должны пить в одиночку. И они положили жребий на скатерть, на каждой из которых было написано имя гостя. Арнфид должен был выбрать их. Выпал жребий, что Ивар должен пить с Ингегерд и сидеть рядом с ней в этот вечер.

Когда Ингегерд собралась садиться, она надменно пропела Ивару: "Что ты будешь делать, парень, на моем месте? Ведь редко, а то и вовсе никогда не давал ты волку теплой плоти, не видел, как ворон каркает над полем битвы; не бывал ты там, где сходятся мечи и где валькирии парят над павшими".

Эти слова означали, что Ивар никогда не был в бою, а значит, ни волк, ни ворон, ни Валькирия не следовали за ним; а раз так, то он недостоин сидеть рядом с ней.

Ивар посмотрел на ее прекрасное и гордое лицо и запел: "Я управлял кровавым клинком, вороны следовали по моему следу; я вел войны и был чемпионом во многих играх силы и мастерства. Не гордись, дева; как и ты, я из рода Одина. Сын Хьёрварда идет по стопам своего отца".

Когда Ингегерд услышала эти слова, она улыбнулась, глядя на него, и села рядом с ним, и они пили вместе и веселились. Много девиц сидело в тот день рядом с храбрыми и могучими чемпионами - мужчинами, повидавшими много земель. В мире не было ничего, что норвежские женщины ценили бы больше, чем личную храбрость, и никто, кроме самых храбрых, не мог претендовать на руку тех, кто принадлежал к высокому роду. Вино, эль, пиво и медовуху подавали в стеклянных кубках из Греции или в серебряных чашах большой красоты с золотым рельефом, изображающим пантеру, преследующую оленя, и убегающих лошадей. Они также были привезены с Черного моря, где у греков были колонии.

Еда подавалась в серебряных блюдах с жареной свининой, телятиной, птицей и рыбой. На столе стояли два сорта хлеба: один - мягкий, из ржи, другой - плоский, почти тонкий, как вафли, такой же, какой подают в Норвегии в наши дни.

Когда мужчины стали слишком веселы для присутствия женщин, Ингегерд и девы, пришедшие с ней на пир, поднялись и покинули зал, пожелав всем спокойной ночи. Но в ту ночь Ингегерд сама не могла уснуть. Ее мысли постоянно возвращались к Ивару, и, сама того не зная, она любила его; или, возможно, ее чувство было скорее увлечением, чем любовью.

Поэтому на следующий день она приготовила для Ивара напиток забвения, чтобы он забыл девушку, которую любил, - если он все-таки полюбит другую, - и послала служанку пригласить его в свою беседку. Она приготовила напиток со множеством заклинаний и по мистической формуле. Это была ледяная морская вода, жертвенная кровь, длинная рыба линь, неспелый пшеничный колос, жертвенная кишка зверя, травы всех лесов, жженные желуди, сажа очага, вареная свиная печень, к которым добавлялись всевозможные мистические рунические письмена, выкрашенные в красный цвет. После того как Ивар пришел, она велела ему выпить, что он и сделал, но было ли это зелье действенным или нет, выяснить не удалось, так как у него не было возлюбленной, которую он должен был забыть.

На третий день приемные братья собрались в дорогу. Арнфид хотел, чтобы они остались еще, но Ивар сказал ему: "Уходить надо вовремя. Гость не должен оставаться слишком долго; любимый человек часто становится нелюбимым, если остается надолго".

Так они расстались в великой дружбе. Арнфид подарил Ивару красивый меч с рукоятью и ножнами, украшенными золотом; топор, инкрустированный золотом, очень тонкой работы, и дорогие подарки его приемным братьям и людям. Ивар также сделал дорогие подарки Арнфиду и его людям.

Ингегерд из своей беседки с тяжелым сердцем смотрела на уплывающие корабли и думала, увидит ли она когда-нибудь Ивара снова. Но, как это часто случается с сыновьями и дочерьми людей, Ивару и Ингегерд больше не суждено было встретиться. Норниры разлучили их в тот день на всю жизнь и не позволили продолжить ухаживания, которые золотыми руническими буквами были начертаны на сердце Ингегерд. Память о часах, проведенных между Иваром и ней, - вот и все, что осталось. Это был всего лишь сон, но как прекрасен и короток был этот сон! Любовь проросла и выросла за три дня, но она была обречена на гибель, хотя этот эпизод их жизни никогда не забудется. И все же Ингегерд вышла замуж, и не раз в течение жизни ее мысли возвращались к тем дням, о которых мы только что говорили. Она считала, что думать о них неправильно, но мы не властны над своими мыслями; они приходят неожиданно, вопреки нашей воле, и память о прошлом будет цепляться за нас до самой смерти. Как мудро, что никто не может читать наши мысли! Ведь если бы было иначе, сколько счастливых домов превратились бы в несчастливые!

Выехав из Арнфида, братья остановились в Энгельхольме: Гудбранд и Сигрид уже вернулись. В Храфнисте очень обрадовались их приезду. Хьялмар должен был остаться дома на эту зиму.

Ивар отплыл в Дампстадир с Сигурдом и Сигмундом, ибо хотел, чтобы отец узнал двух своих новых приемных братьев. Они должны были провести с ним зиму, а следующей весной встретиться снова.

Хьорвард и Сигрид вышли на берег, чтобы встретить своего сына. Они уже слышали о двух его новых приемных братьях, потому что Ивар написал им о том, как они сражались и что за этим последовало, и сердечно приветствовал их в Дампстадире.

ГЛАВА VIII

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ НА ЙОЛЬ

Хьорвард ревностно исполнял свои церковные обязанности и очень внимательно следил за всеми жертвенными обрядами. Главный храм Готланда находился в Дампстадире, и каждый житель острова платил ему храмовый налог на содержание храма и жертвоприношения. Священное здание находилось недалеко от бурга, между ним и курганами, где были похоронены предки Хьорварда. Оно было похоже на многие другие в землях викингов, и для всех них действовали одни и те же общие законы. Его длина составляла двести пятьдесят футов, а ширина - сто двадцать пять футов; деревянные стены из массивных елей выдержали многовековые удары. Он был украшен многочисленными и фантастическими горгульями, вокруг него была длинная площадь, а внутренняя часть была разделена на две части, причем самая внутренняя часть была самой святой.

Земли, рощи и источники в пределах храма считались самыми священными. Никому не разрешалось входить в храм с оружием, а также тем, кто совершил преступление, наказуемое по закону. В его стенах не допускались ссоры и акты насилия. Любой, кто нарушал мир, наносил ущерб храму или приходил в его стены с оружием, объявлялся волком в святилище, преступником, которого мог убить любой.

Внутри главной входной двери стояли золотые сиденья, на которых восседал Хьорвард в качестве Херсира и первосвященника. Древесина храма и даже плесень под священным зданием также считались священными. Стены внутри были богато украшены золотом и серебром и увешаны гобеленами. Дверь была украшена золотым стуком.

В глубине храма находился алтарь, который был сооружен с большим искусством. На алтаре днем и ночью постоянно горел огонь, который назывался "святым огнем". На нем также находилось большое золотое кольцо или браслет, на котором люди приносили клятвы. Там же стояла большая медная чаша, в которую наливали кровь жертвенных животных; этот сосуд, как и кровь жертвенного животного, назывался священным. Рядом с входом снаружи находился святой или жертвенный источник, в который бросали приносимых в жертву мужчин.

На всей территории земель викингов в год проводилось три главных жертвоприношения, на которые народ собирался в главном храме.

Зимнее жертвоприношение, которое происходило в месяце Гой, ныне называемом октябрём, было призвано приветствовать зиму, и по этому случаю устраивались большие пиры и обильные возлияния. Второе жертвоприношение, Midwinter, или Yule, проводилось в середине зимы, в месяце Тор, чтобы застраховать хороший год и мир. Это было великое жертвоприношение Фрею. Третья жертва - жертва Победы, в честь Одина, для удачи и победы; она проводилась в начале весны, в середине апреля, перед тем как люди начинали отправляться в походы на викингов.

Ивар вернулся в Дампстадир после жертвоприношения в честь наступления зимы. Все балтийские викинги, не зимовавшие в чужих землях, вернулись обратно, потому что замерзшее море не позволило бы их кораблям добраться до места назначения, если бы они опоздали, хотя берега Зеландии и Фьена и побережье Норвегии, за редким исключением, были свободны ото льда в течение всего года.

Близился Йоль, и жертвоприношение в середине зимы, самое важное из всех, должно было быть очень масштабным в Дампстадире. В жертву должно было быть принесено больше животных, чем обычно. Черных быков, лошадей, кабанов и соколов специально откармливали.

Ежедневно в Дампстадир стекалось огромное количество людей, которые приносили с собой провизию, а также эль и пиво, необходимые для этого праздника. За день до Йоля прибыли все, кто должен был присутствовать на жертвоприношении.

Накануне Йоля Хьёрвард и все собравшиеся повели в процессии, как это было принято, искупительного кабана, который был посвящен Фрею. Животное было очень крупным и красивым, а его шерсть была настолько изящной, что казалось, будто каждая щетинка на ней из золота. Согласно священным обрядам, кабана выводили вперед, и те, кто должен был дать обет, клали одну руку на голову священного животного, а другую - на его щетину. Среди великих вождей, которые должны были принести клятву, были Херсир Хамунд Доблестный, берсерк Хромунд Смелый, Ингальд Черноглазый, Ивар и многие другие вожди и высокородные люди.

В первый вечер начались церемонии жертвоприношения: животных зарезали в тишине, а их кровь собрали в жертвенную чашу, которую взяли с алтаря и, наполнив, поставили обратно, после чего Хьёрвард освятил ее знаком молота Тора; после этого алтарь и стены храма внутри и снаружи покраснели от жертвенной крови, а затем кровью окропили и людей, используя для освящения священные веточки.

После окропления людей плоть зарезанного животного помещали в большие жертвенные котлы и подвешивали их над священными кострами, которые горели по всей середине храма. Затем Хьорвард, как верховный жрец, освящал пищу знаком молота Тора. Когда еда была готова, рога наполняли элем, затем несли их вокруг костров и также освящали. После этих церемоний люди, которые стояли, рассаживались вдоль стен храма, а затем ели жертвенное мясо волов и лошадей.

По обычаю, сначала был выпит рог, или тост, за Одина, за победу, а также за продолжение власти Хьёрварда; затем рог за Тора, за тех, кто уповал на свою силу и мощь; затем рога за Ньёрда и Фрея, за хорошие годы и мир. Затем следовал тост за Браги, бога поэзии. Над этим рогом, согласно обычаю, произносились клятвы, которые должны были быть исполнены в течение последующего года. Это был самый важный тост, поскольку мужчины должны были сдержать свое слово или умереть, пытаясь выполнить клятву. Многие также пили хорошо наполненные рога за своих умерших сородичей, которые были великими людьми, и эти рога назывались поминальными.

После этого Хьорвард встал и дал клятву, что прогонит с моря все римские корабли, которые можно будет увидеть у берегов Галлии, Британии и Фризии, или умрет в этом деле.

Хромунд Смелый поднялся и сказал: "Невелика твоя клятва, Хьорвард, ибо для того, чтобы изгнать римлян с моря, требуется совсем немного силы и воли. Дай более сильный обет, который покажет твою смелость и отвагу; тогда я последую за тобой и сделаю свой собственный".

Хьёрвард ответил: "Хромунд, ты прав. Я клянусь, что буду воевать в Галлии и Британии и вернусь с большой добычей; кроме того, я принесу в жертву пленных, которых захвачу, и окрашу их кровью алтарь богов. Я также даю клятву, что если какие-нибудь корабли римлян

попытаются прийти в наши земли, а они еще ни разу не пытались, то ни один из их людей не вернется живым, чтобы рассказать о нашей стране".

"Это более сильная клятва, чем первая, брат, - сказал Хромунд Херсир, - но мало опасений, что они когда-нибудь придут в нашу землю, ибо они боятся наших людей и наших кораблей; их военные корабли бегут при приближении наших флотов, но мне нравится клятва, которую ты дал, чтобы напасть на них в их крепостях в Галлии и Британии".

Тогда он сам встал и сказал: "Я клянусь, что последую за тобой, Хьёрвард, в твоих походах против римлян со всеми своими кораблями и воинами; вернись, если вернешься, или умри смертью воина, если тебе суждено отправиться в Валгаллу в твоём начинании; ибо как приемные братья мы поклялись отомстить друг за друга".

Тогда Хамунд Доблестный встал и сказал: "Я клянусь, что последую за тобой, Хьёрвард, и Хромундом Смелым, со всеми своими кораблями и воинами, и опустошу вместе с вами провинции Римской империи, и выйду в Средиземноморье. Мы покажем римлянам, что они не могут противостоять силе норманнов ни на суше, ни на море".

Тогда Ингальд Черноглазый поднялся и сказал: "Я даю клятву, что последую за всеми вами, и что мой штандарт будет плыть к берегам Британии, и что я создам на этом острове поселение, на которое не посмеет напасть римская сила, иначе я погибну в этой попытке".

Ивар поднялся и поклялся, что последует за отцом в этом походе или погибнет в этой затее. Многие мужчины дали клятвы в ту ночь.

После этих клятв были подняты поминальные тосты за погибших родственников. Сцена была торжественной и впечатляющей, ведь многие из тех, кого помянули, жили несколько лет назад, а другие умерли за столетия до этого в ореоле славы. Все они помогли сделать землю викингов такой, какой она была, - самой страшной из всех земель. После того как помянули ушедших сородичей, присутствующие встали и поклялись следовать по их стопам.

Те, кто не смог прийти в храм, совершали жертвоприношения дома. Пир в народе длился тринадцать дней, и многие проводили половину Йоля на фермах друг у друга.

В апреле следующего года, после жертвоприношения Одину за победу, по всем северным землям воины готовили свои корабли к общим и мощным походам, которые вскоре должны были отправиться против провинций Римской империи, а также напасть на берега Средиземноморья.

Многие из викингов намеревались также усилить своей численностью колонии, созданные их сородичами в Британии, Галлии, Фрисландии и других странах, и обосноваться там.

Хьорвард и все остальные могущественные вожди, давшие клятву на предшествующем Йолю жертвоприношении в Дампстадире, не забыли о них; они вели самые масштабные приготовления к войне и завоеваниям. Хьорвард был главным виновником великих потрясений. Военский призыв был разослан по всем населенным пунктам земли, и каждый юноша хотел быть среди тех, кто отправлялся в путь.

Каждый, кто по закону должен был предоставить военный корабль или более, был призван к этому всеми херсирами. Хьорвард собрал флот из нескольких сотен судов. Среди тех, кто должен был последовать за ним, царил величайший энтузиазм. Многие отважные чемпионы Севера пришли, чтобы присоединиться к его штандарту, ибо знали, что за ним последует победа. Они пришли с берегов нынешней Норвегии, из Каттегата, с островов Балтики и с

южных берегов этого моря. Все они знали, что являются избранниками богов и должны победить.

Повсюду проходили оружейные торжества, или собрания. На них все воины обязаны были явиться и показать меч, копье, топор, щит, все в полном порядке. Каждый бонди должен был быть готов в том месте, куда его вызывал военный стрелок, и должен был показать по одному луку и две дюжины стрел на каждую лавку корабля или кораблей, которые он обязан был предоставить.

Хьяльмар прибыл в Дампстадир из Энгеля с сотней кораблей; на следующий день к нему присоединились флоты нескольких его сородичей с еще двумя сотнями кораблей. Среди них были берсерк Сигвальди, пришедший с двадцатью кораблями; Трюгви с пятнадцатью, Тривидил с девятью. Старкард прибыл с одним скидом, укомплектованным только берсерками, которые постоянно испытывали ярость берсерков. Хельсинг пришел с тремя кораблями, команда которых состояла в основном из искусных лучников и пращников, или камнеметателей. Эти люди пришли к северу от нынешнего фьорда Кристиания. Сигмунд и Сигурд также прибыли, к великой радости Ивара и Хьялмара, с пятьюдесятью прекрасными кораблями каждый. На каждом из них была команда из двухсот двадцати человек. Море перед Дампстадиром казалось похожим на лес мачт.

В мире не было ничего, о чем бы викинги думали больше, чем о своих кораблях. На них они тратили все свое богатство и мастерство. Они соревновались друг с другом в том, кому достанется самое лучшее судно. Дракониий корабль Хьорварда был самым мощным из всех военных кораблей, собравшихся перед Дампстадиром, а вымпел, развевавшийся на его мачте, был расшит золотом, и в центре его были изображены Хугин и Мунир, вороны Одина.

Накануне отъезда Ивар и Хьяльмар отправились к сибилле по имени Хельге, которая, растирая руками тела мужчин, отправляющихся на войну, могла найти уязвимое место, которое будет ранено, если она не защитит его своими заклинаниями. Сами приемные братья носили зачарованные цепные доспехи, которые не могло пробить никакое оружие. Во время отсутствия Хьорварда Сигрлин должна была управлять поместьями.

Прозвучал сигнал к отплытию; вскоре корабли двинулись на юг и через некоторое время скрылись из виду у берегов Готланда. В пути постоянно появлялись новые корабли, и после двухдневного плавания флот достиг Хлейдры, главного бурга Хальфдана, могущественного правителя Зеландии. Этот город находился на рукаве моря, который сегодня известен под названием Роскильд-фьорд.

Там они встретили не менее мощный флот, который создал Хальфдан. Кораблей было так много, что между нынешним Хельсинором и Хельсингборгом на шведском побережье был лес мачт, а моря не было видно.

Хальфдан принял Хьорварда, своего родственника, и высокородных людей, прибывших с ним, с большим почетом. В течение нескольких дней шел большой пир и пьянство.

Тут к кораблям присоединился внушительный флот из Свитиода, насчитывавший более тысячи парусов и укомплектованный самыми доблестными людьми. Затем прибывали флот за флотом; некоторые пришли с прекрасного и могущественного острова Фюнэн, с нынешнего острова Борнхольм - словом, со всех островов Балтики и Каттегата, а также множество судов с полуострова Ютландия. У Лайм-фьорда, большого рукава моря в северной части Ютландии, флоты всех херсиров нынешней Норвегии и тех, кто жил на Каттегате, ждали прихода флотов Балтики. Когда все суда достигли Лайм-фьорда, они

обнаружили там флот, состоящий из более чем двух тысяч судов. Суда, составлявшие экспедицию, были всех размеров, от огромных драконовых кораблей до небольших скутасов; многие из них предназначались для мелководья. Кроме того, было очень много кораблей с провизией, а также судов для перевозки лошадей. Лошади всегда использовались викингами для разведки местности после высадки.

На совете всех военачальников было решено разделить это огромное количество судов на несколько флотов, а те - на несколько эскадр, и напасть на Римскую империю во многих местах; также несколько эскадр должны отправиться в Средиземное море, и было определено время и места, где суда должны встретиться до наступления зимы.

После того как план кампании был утвержден, прозвучали сигнальные трубы, чтобы отдать приказ об отплытии флотов. Они разделились, как было условлено, красные щиты водрузили на мачты, и с каждого корабля, далеко-далеко, поднялся могучий боевой клич, подобный грому в небе или звуку могучего потока, сокрушающего все сущее. Это был вызов римскому миру и империи.

Каждому флоту было нелегко отплыть среди этого огромного леса мачт, но хорошее мореходство викингов справилось с трудностями, и жертв было немного.

ГЛАВА IX

ПОРАЖЕНИЕ ИВАРА ОТ РИМЛЯН

Если бы кто-нибудь оказался на самой северной оконечности Ютландского полуострова после отплытия флотов, он увидел бы, как несколько дней корабль за кораблем бороздит море, огибает мыс Скаген, а затем исчезает за горизонтом. Одни из них шли на юг, другие - на запад.

Одним предстояло вести войну во Фрисландии, другим - в Галлии, Британии и Средиземноморье. Некоторые направлялись в Шотландию, откуда должны были обрушиться на Британию.

Менее чем через два месяца после этого во всех римских провинциях, омываемых морем, раздался вопль скорби и страдания. Из каждой из них в Рим отправились гонцы с просьбой о помощи, но Рим был бессилен помочь им, так как норманны были хозяевами моря и могли высадить армию там, где им заблагорассудится. "Страна, владеющая морем, владеет и силой", - говорили они. Вся Римская империя была в ужасе и страхе перед этими викингами, которые постоянно прибывали несметными полчищами; их число казалось неисчерпаемым, когда они выходили из бассейна Балтики и берегов Норвегии, год за годом, и так продолжалось на протяжении двух столетий. Это последнее вторжение в провинции Рима было одним из самых, если не самым, грозным из всех, что когда-либо происходили. Повсюду норманны несли огонь и меч.

Хьорвард отправился воевать в Британию, а его сын Ивар с тремя молочными братьями и большим войском высадился на северных берегах Галлии, где сейчас находится Булонь. Там римляне построили мощные укрепления, но не раз их центурионы с ужасом наблюдали, как

флоты викингов проходят перед ними, поднимаются по Сене и овладевают многими островами.

Перед высадкой каждый воин умывался, расчесывал волосы и принимал хорошую пищу, чтобы быть сильным для дневной битвы, и облачался в лучшие боевые одежды, чтобы, если ему суждено умереть, он мог войти в Валгаллу, как подобает его званию. Красные щиты были подняты в знак войны.

После того как Ивар высадил свои войска и отправил конных людей на разведку, Деций и Курций, центурионы, командовавшие крепостью в Бононии (современная Булонь), увидев, что силы викингов намного меньше их собственных, решили напасть на них, и превосходящие силы римлян покинули свою крепость с надеждой уничтожить норманнов, осмелившихся высадиться у них на глазах.

Увидев это, Ивар сказал своим людям: "Часто более многочисленное войско не одерживает победы, если против него есть бесстрашные люди. Многие тупым мечом одерживали победу в битве. Поскольку мы слабее всех, давайте расположим наше войско клином, как учил наших предков сам Один; кроме того, у нас будет еще один отряд, чтобы напасть на римлян или защитить нас, в зависимости от необходимости".

Когда Деций увидел, как осуществляется эта стратегия, он очень изумился; ведь римляне думали, что этот особый боевой строй, который они называли *сипеус*, известен только им. Он слышал от разных римских командиров, что викинги обладают такими знаниями, но не верил им; и хотя за мгновение до этого он с гордостью говорил своим солдатам, что Рим скоро узнает об их победе, ему стало не по себе, когда он увидел сверкающие щиты и шлемы викингов в их боевом строю, а также тела лучников и всадников с блестящими мечами, которые были готовы идти, куда бы их ни послали.

Тогда он приказал выстроить своих людей в клинообразный строй. Когда Ивар и его люди увидели это, они, в свою очередь, удивились, откуда римляне знают этот строй, а Хьялмар воскликнул: "Должно быть, они научились этому у наших людей; как может быть иначе?"

Перед битвой Ивар отдал приказ: "Наши всадники должны быть начеку и готовы поддержать нас или атаковать врага; наши лучники должны осыпать римлян непрерывным градом стрел, а пращники - камнями. Щит-бур должен находиться в вершине треугольника, и его должны охранять самые искусные воины; ведь если он будет разбит или открыт, особенно в начале битвы, это будет самым фатальным для победы. Две другие точки треугольника также должны очень сильно охраняться. Необходимо тщательно следить за тем, чтобы наши замки не были сломаны или даже открыты, ибо за этим последует беспорядок в нашей среде, который может привести к большой беде".

Братья договорились, что, поскольку Ивар был среди них главным чемпионом, он должен находиться в вершине треугольника с самыми доблестными воинами, ибо эта часть треугольника всегда была самым слабым местом в строю.

Тогда Ивар сказал: "Пусть мой штандарт "Победа" будет выдвинут вперед, а Альрек, мой знаменосец, будет окружен берсерками. Мои скальды должны стоять посреди щитоносцев и располагаться так, чтобы можно было наблюдать за ходом сражения и восхвалять подвиги сражающихся или тех, кто падет в бою".

Услышав это, Алрек сказал: "Я давно боялся, что за годы, пока длится этот долгий мир, я умру от старости на своей скамье, и я хотел бы скорее пасть в бою, если уж так суждено мне Норниром".

Сигмунд и Сигурд с двумя штандартами и доблестными людьми находились в двух других точках массива. Хьяльмар с большим отрядом людей находился перед штандартами Ивара, чтобы защищать вершину треугольника или при необходимости атаковать римлян, если те не выйдут вперед.

Со стороны норманнов прозвучали боевые рога, лучники и пращники выдвинулись навстречу римлянам и обрушили на них шквал снарядов, от которых многие из них полегли; затем произошла общая атака, и после ожесточенного столкновения копий и мечей и отчаянных попыток римлян защитить себя щитами их строй был нарушен после большой резни, и они бежали во все стороны перед победителями. Куртий, один из центурионов, был убит, но Деций и несколько его людей спаслись под прикрытием своих укреплений. С крепостных стен римский центурион посмотрел на своих павших воинов и победоносных норманнов и воскликнул полным отчаяния голосом: "Рим, что стало с твоим могуществом, что ты не можешь победить этих людей моря? Они бросают вызов твоей силе и смеются над твоими легионами, посланными против них! Сегодня они здесь, завтра - в другом месте. Ни одна провинция не свободна от их нападений. Даже если страна сильна своими легионами на суше, она не сможет удержать власть над миром, если не будет могущественна и на море".

Сигмунд и Хьяльмар были ранены, но ни слова боли не вырвалось из их уст, когда они получили свои раны, и они не сморщились, когда их перевязывали, ибо приемные братья дали обет, что они, подобно чемпионам Хьорварда, не будут морщиться или издавать крики боли, когда их ранят или когда их раны будут перевязывать.

После битвы убитых норвежцев хоронили вместе с оружием, а курганы окрашивали кровью римских пленников, принесенных в жертву Одину за победу. После того как добычу, согласно древнему обычаю, обнесли вокруг поднятого столба и разделили на четыре части, ее распределили между мужчинами, а многих римских и галльских пленников отвели на корабли, чтобы отправить домой.

Пока происходили только что описанные события, многочисленные флоты и эскадры норманнов не бездействовали; их колонии пополнялись большими отрядами, а те, кто участвовал в войне, собрали большую добычу, в том числе множество римских монет, так как знали их полную стоимость для обмена; кроме того, многие из них должны были быть переплавлены для последующего использования в различных целях, например, для изготовления тарелок, кубков, блюд и т. д.

Пока флоты находились в Лайм-фьорде, некоторые вожди викингов договорились, что их корабли встретятся с кораблями Ивара и трех его приемных братьев в устье реки Соммы, в Валланде - так называли норманны эту часть Северной Галлии - и осенью они встретились в назначенное время.

После военного совета между командирами было решено провести зиму в Средиземноморье. Перед тем как отправиться в поход, они принесли великую жертву Одину, а затем отплыли. Едва они миновали Гибралтарский пролив, как напали на страны, граничащие с берегами Средиземного моря. Они навели ужас до берегов Греции, взяли штурмом Сиракузы и устроили там большую резню.

По возвращении, достигнув северной части побережья Португалии, флоты снова разделились на несколько мощных эскадр под началом разных предводителей и

возобновили нападения на приморские районы Британии, Галлии и Фрисландии. Другие отплывали на родину, нагруженные римскими и греческими трофеями, а также большим количеством римских монет из золота и серебра. Кроме того, у них было много рабов, среди которых было много выходцев из Британии, Галлии, Фрисландии и Средиземноморья. Среди них было много красивых молодых женщин.

Хьорвард, пока его сын находился в Средиземноморье, напал на страну, лежащую к западу от Валланда, которая сегодня называется Бретань, победил римлян в нескольких схватках и взял много пленных. Все они выполнили клятву, данную в предыдущий Йоль. Хромунд Смелый сражался на его стороне; Ингальд Черноглазый поступил так же; но он решил поселиться в Британии, на берегах Темзы, а один из сыновей Хамунда Доблестного остался с Ингальдом.

После своих побед Хьорвард послал к Ивару, снискавшему славу в своих походах, очень быстроходное парусное судно, чтобы сообщить ему, что он намерен вернуться в Дампстадир.

ГЛАВА X

ВИЗИТ ИВАРА В БРИТАНИЮ

Сам Ивар решил, что вместо возвращения на Готланд он отправится в гости к своим сородичам, чьи предки поселились в Британии в первом веке. Поэтому он покинул реку Луару и поплыл на восток, вдоль берегов Галлии, посетил нескольких готландцев, мирно поселившихся у моря и на берегах некоторых рек, и спросил их, не нужна ли им помощь людьми и кораблями. Римляне оставили их в мирном владении своими землями, решив, однако, что благоразумнее оставить их в покое, чем навлекать на себя вражду их сородичей, которые, как они знали, были неумолимы в своей ненависти.

Миновав устье Темзы, на берегах которой было несколько поселений, самые крупные из которых находились там, где сейчас стоят Гринвич и Чатем, они продолжили свое путешествие, плывя вдоль восточного побережья Британии, которое было таким же плоским, как и сегодня, и прибыли к берегам графства Норфолк (населенного северными народами) и бросили якорь в устье реки, или заливе, который сегодня называется Уош.

Цель визита Ивара в эту часть Британии заключалась в том, чтобы повидать своего родственника, Грамматика Херсира, приемного брата его отца, который правил большим херадом, чья граница выходила к Уошу. Почти за двести лет до этого прапрадед Ивара женился на дочери одного из норвежских Херсиров. Этот прапрадед был молод и смел, и поселился несколько вглубь залива, в стране, которая сегодня называется Кембриджшир; за ним последовало множество людей с побережья Норвегии, и эмиграция шла в основном оттуда.

В те ранние времена эта часть Британии была мало заселена аборигенами. Большая часть "литорали" вдоль Северного моря была плоской и болотистой, страна была покрыта дубовыми лесами, и благодаря этому хорошо подходила для кораблестроения; именно по

этой причине и было создано это поселение. Бедные аборигены приняли новоприбывших доброжелательно, а обширные леса закрыли их от римлян, которые завоевали часть острова. Со стороны моря поселенцы чувствовали себя в безопасности, ведь они и норманны были хозяевами на море.

Граммарс бай, или бург, стоял у берегов реки, которая сейчас называется Кэм, недалеко от нынешней деревушки Уилбрахам. Первопроходцы и первые норвежские поселенцы выбрали это своеобразное место, расположенное так высоко над рекой, чтобы чувствовать себя в безопасности от внезапных нападений врагов. Иногда между норвежскими семьями в Британии и их родственниками на Балтике вспыхивала вражда; те приходили и требовали наследства тех, кто умер, и за этим следовала война. Берега реки то тут, то там были укреплены; там, где у высокородных людей были свои поместья, возводились высокие башни; с их вершины велось хорошее наблюдение, а через реку, когда опасались вражеских набегов, ставили цепи, чтобы корабли не могли подняться по течению.

На следующий день после прибытия были отобраны корабли с самой малой осадкой, специально построенные для использования на мелководье, и Ивар со своими приемными братьями отправился к Грамматике. Им пришлось взяться за весла, так как ветер был очень слабый, а течение - против них. На каждом судне было пятнадцать или шестнадцать скамей, и, соответственно, гребли тридцать или тридцать два гребца, по три человека на каждом весле, а остальные стояли на носу и корме. Были подняты мирные щиты. Когда наступила ночь, они спустили якоря и разбили палатки. Рано утром следующего дня они отправились в путь и продолжили подъем по течению; всю дорогу им приходилось грести. То тут, то там они видели поселения норманнов с возделанными землями вокруг, а их корабли стояли у причалов неподалеку.

Наконец они увидели жилище Грамматика и возвышающийся над рекой храм, где поклонялись Одину, Фрею, Ньорду, Тору и другим богам. Строения были похожи на домашние, все из дерева, и новоприбывшим могло показаться, что они находятся в своей стране за морем.

Когда Грамматик, до которого дошла слава о юном родственнике, узнал о прибытии Ивара, он послал гонцов на его корабль и пригласил его приехать и остановиться у него со всеми своими людьми.

Высадившись на берег, Ивар, его приемные братья и все высокородные люди его флота отправились в пиршественный зал, где их приняли с большим почетом. Грамматик предложил Ивару сесть на высокое сиденье напротив него, а его людей рассадил по рангу. По обе стороны от Ивара сидели высокородные люди Грамматика, а по ту - люди Ивара; Хьялмар сидел справа от Грамматика, а Сигмунд - слева от него; следующим шел Сигурд, а остальным достались места по жребию, ибо многие были равного происхождения.

Зал представлял собой прекрасный образец северной архитектуры и был несколько похож на зал Гудбранда в Храфнисте на Энгеле. Резьба изображала высадку на берег людей в военном облачении, прибывших, чтобы завладеть землей в Британии. По стенам висели гобелены, а длинный ряд изящных щитов над сиденьями опоясывал зал.

Грамматик был благородного вида мужчиной и, по обычаю герсиров, достигших зрелого возраста, носил длинную, ниспадающую бороду красивого серебристо-серого цвета. Он был высок и величественен, у него были глубокие голубые глаза, свойственные его роду. Его подбородок и рот свидетельствовали о решительности характера, а благосклонная улыбка и мягкий взгляд говорили о доброте его сердца. Он управлял своей землей в соответствии с

древними обычаями Норсэльландов. Земля была разделена и принадлежала ему, как и во всех землях викингов. Он был великим жертвователем и любил Фрея больше всех других богов, и часто приносил ему жертвы.

Он был вдовцом, его жена, дочь херсира с острова Фьен в Каттегате, умерла за несколько лет до этого. У него было несколько прекрасных дочерей. Старшую назвали Хильдигунн - это сочетание имен двух валькирий, Хильд и Гунн; обычай соединять два имени был нередким у норманнов. Остальных звали Бринхильд, Сигрун и Эрвор.

Грамматик очень обрадовался встрече со своим молодым родственником и рассказал ему, что он сражался на стороне своего деда и отца, и, указав на меч, висевший на его высоком сиденье, с мирными лентами вокруг него, сказал: "Этот меч называется "Каменщик" за остроту и качество клинка, и дал его мне, Ивару, твой дед, когда я только начал воевать юнгой и находился на борту его собственного корабля. Это превосходное оружие, и победа всегда сопутствовала ему. Это реликвия нашей семьи".

Затем он поинтересовался, как поживают Хьёрвард и его сородичи на родном Готланде, в Энгеле и в старой Норвегии, и добавил, что надеется еще раз побывать на земле своих предков, прежде чем отправиться в свой горящий путь в Валгаллу и лечь под свой курган.

Ивар рассказал ему о великих делах, которые совершились с тех пор, как все флоты рассеялись, и о том, что он сам совершил в чужих землях.

"Молодец, - сказал Грамматик, - я вижу, что ты инглинг и достоин своих умерших сородичей".

Тогда Ивар подарил ему два великолепных бархатных плаща из Греции; превосходный почтовый плащ изысканной работы, сделанный кузнецом из Готланда; несколько брошей, чтобы скреплять плащи; шлемы, саксы и мечи тонкой работы; прекрасное золотое ожерелье для Хильдигунн и браслеты для других дочерей. Ивар заметил, что одежда женщин и мужчин, оружие и украшения были того же стиля, что и у жителей земель викингов. Как и эмигранты в наши дни, они привезли с собой свои обычаи, религию и моду.

Несколько драгоценностей, пришедших с людьми, впервые высадившимися в Уилбрахаме, до сих пор хранятся как семейные реликвии, хотя большинство из них было похоронено вместе с умершими. Это были "фибулы", или броши, крестообразной и круглой формы, мозаичные и стеклянные бусы, которые носили люди в I и II веках.

Недалеко от резиденции и храма Грамматика, с видом на реку, находилось кладбище первых норвежских поселенцев, пришедших в эту часть Британии. В одних могилах тела не были сожжены, в других обгоревшие кости хранились в урнах или деревянных ведрах с бронзовыми накладками. Оружие, драгоценности, украшения из бронзы, щипцы для чистки ушей, железные копья, железные ножницы, ножи, стеклянные и мозаичные бусы были положены на костер и обожжены или уничтожены его огнем. Монеты Траяна, 96-98 гг. н.э.; Адриана, 117-138 гг. н.э.; Аврелия, 160-180 гг. н.э.; Максима, 286-305 гг. н.э., рассказывали о возрасте кладбища, которое было очень точным аналогом захоронений родной страны.

Однажды во время большого пира в зал вошла Хильдигунн со своими сестрами. Она была высокой и стройной; льняные волосы изящно спадали на плечи, опускались ниже талии; глаза были глубокого, нежно-голубого цвета, который очаровательно контрастировал с ее нежным, румяным цветом лица. Она подошла к Ивару и сказала: "Приветствую тебя, мой родственник, мы тоже из рода Одина. Приветствую всех инглингаров, сколдунгаров и высокородных, кто сегодня здесь с нами".

Затем, отпив немного эля из рога, который она держала в руке, она протянула его Ивару. Он взял рог и ее руку одновременно и сказал ей, что она должна сесть рядом с ним.

"У викингов нет обычая пить в паре с женщинами, - ответила Хильдигунн.

Ивар ответил, что это так, и что он предпочел бы изменить законы викингов, если бы это было так, чтобы он мог пить с ней. Тогда она села рядом с ним и в течение вечера говорила с ним о многом. Поэты Грамматики декламировали песни, повествующие о великих деяниях, совершенных им вместе с Хьёрвардом или их предками.

Дни для Ивара и его приемных братьев в Грамматике проходили приятно, потому что многие девы съезжались из окрестных поместий, чтобы приветствовать викингов, и их присутствие делало жизнь намного приятнее для всех.

Каждый вечер эти девы и воины собирались в большом пиршественном зале. Эти прекрасные дочери викингов, в чьих жилах текла кровь норманнов, слушали скальдов, приехавших с Иваром, и рассказывали о великих подвигах, совершенных викингами в походах, из которых они только что вернулись, и с удивлением узнавали о побегах Ивара и многих его спутников.

Ни один викинг не мог сам рассказать о своих храбрых подвигах, ибо это считалось неприличным; но они могли поведать о странах, которые видели, и о людях, которых встречали в дальних краях, и когда они это делали, девы слушали их с удивлением и восхищением, и их глаза были прикованы к тем, кто рассказывал о своих странных приключениях, а щеки покраснелись от оживления.

В конце концов восхищение переросло в любовь, сами того не зная; но ошибки быть не могло, потому что в течение дня, находясь в скемме, они не могли не думать все время о том, кем восхищались больше всего. Они желали, чтобы наступило вечернее развлечение, и тогда они могли бы войти в зал.

Сами викинги, особенно Ивар и его приемные братья, тоже желали, чтобы день прошел побыстрее.

Однажды вечером, когда братья были одни и думали о прекрасных девушках, которых они встретили, и говорили о любви в общих чертах, Ивар сказал:

"То, что люди называют любовью, происходит от разума, ибо разум - место и источник всех наших мыслей; сердце не мыслит и не может любить; оно, правда, учащенно бьется от любви, но это лишь отражение разума. У любви, как и у всего, что создали боги, есть начало: как цветок, он должен сначала родиться, вырасти, распуститься и расцвести. Бутон - это начало любви, а когда любовь молода, она непостоянна.

"Не доверяй любви слишком рано, когда она молода, ибо непостоянен ум мужчины по отношению к женщине, и если кто хорошо поищет, то найдет, что многие добрые девы непостоянны по отношению к мужчине, ибо сердца их подобны вращающемуся колесу, и непостоянство заложено в их груди".

Наконец настал день расставания. Жизнь, сформированная Норниром, должна была продолжаться; будущее было скрыто от глаз, но какие истории о зарождении любви можно было бы рассказать, ведь многие румяные девы потеряли свое сердце с храбрым воином, и многие викинги потеряли свое тоже.

ГЛАВА XI

ДОЧЕРИ РАНА

Был конец лета, когда Ивар и Хьялмар, решившие пересечь Северное море на Элиди, и их флот викингов отплыли от берегов Британии к Балтике. Все на кораблях гадали, не покажутся ли на пути домой бог и богиня моря Эгир и Ран со своими дочерьми в скверном настроении. Люди верили, что утонувшие в море попадают к Рану, погибшие от оружия - в Валгаллу, а умершие естественной смертью в постели или кресле - в Хель. Морские жители поклонялись Эгиру, ибо он управлял морем и ветром. Ран, его жена, хорошо принимала всех потерпевших кораблекрушение в своей зале на дне моря, и у нее была сеть, которой она ловила людей, вышедших в море; утопленники обязательно были приняты ею. Ветер и Огонь - братья Эгира. Ветер настолько силен, что перемещает большие океаны, и разжигает своего брата Огонь.

У Эгира и Ран есть девять прекрасных дочерей, которые живут в море, и в честь них названы волны. Эти дочери часто ходят по трое вместе, и ветры пробуждают их ото сна. Они равнодушны к мужчинам, и их всегда можно увидеть во время шторма. Все они носят имена, олицетворяющие волны. Они называются Химинглефа - Сверкающее небо; Дуфа - Голубка; Блодугадда - Кровавоволосая; Хефринг - Топорщащаяся; Уд - Любящая; Хрённ - Возвышающаяся; Быльгья - Раздувающаяся; Бара - Опутывающая; Колга - Охлаждающая.

Эгир и Ран не собирались отпускать флот Ивара домой. Едва корабли скрылись из виду, как небо потемнело и стало угрожающим, тучи нависли низко и двигались с большой скоростью, ветер все усиливался, волны поднимались все выше и выше, и Северное море стало похоже на лист белой пены. На нескольких судах паруса были спущены, но Ивар, как и его отец, дал обет никогда не спускать парус. Элиди поднималась над волнами, словно морская чайка, и так легко управлялась, что люди поверили и заявили, что она понимает человеческий голос. С юго-запада ветер внезапно переменялся на северо-западный, и порывы ветра и дождя сменяли друг друга, сменяя друг друга.

"Хорошо, - вдруг воскликнул Хьялмар, - что никто не знает своей судьбы заранее; так его разум свободен от тревог и печалей".

"День был прекрасен сегодня утром, - ответил Ивар, - но в конце концов, день следует восхвалять ночью, женщину - после того, как ее похоронили, меч - после того, как его испытали, лед - после того, как его перешли, а путешествие - после того, как оно закончилось".

"Это мудрые слова", - ответил Хьялмар; и когда "Элиди" и другие корабли быстро прокладывали себе путь сквозь волны, Ивар сказал Хьялмару: "Расскажи мне, брат, расскажи мне о тех морских девах, которые бродят по морю и тратят свою жизнь на то, чтобы причинить вред многим людям".

"Те девы - дочери Эгира и Рана, - отвечал Хьялмар, - они злопамятны и убивают людей; они редко бывают ласковы с нами, морскими людьми, и ветер пробуждает их ото сна, и они злобно смотрят на корабли, плывущие по морю. Это они - те горные волны, которые мы видим".

"А что это за девы, - снова спросил Ивар, - которые ходят по рифам и путешествуют вдоль фьордов и берегов? У этих белокожих женщин жесткая постель, и в тихую погоду они почти не шумят".

Хьялмар ответил: "Это буруны и волны, дочери Рана; они лежат на шхерах; их ложе - скалы, и спокойное море их не будоражит; но вот, когда дует сильный ветер, он будит их гнев, и они посылают мужчин, которые находятся на глубине, к Рану, своей матери".

"Боюсь, брат, - сказал Ивар, - судя по виду неба, что мы еще долго будем встречать Эгира, Ран и их дочерей в их гневе".

Ветер все усиливался. "Брат Эгира, который будоражит океан, - сказал приемный брат, - хочет посмотреть, что за люди находятся на борту Элиди и других кораблей и бесстрашны ли Ивар и его приемные братья, ибо, как ты видишь, море становится горным".

Тогда Хьялмар, смотревший на след корабля, сказал Ивару: "Кто эти девы в белых шлемах, которых я, кажется, вижу там? Они одеты в белое, у них хмурый взгляд, их груди пылают от страсти, и они быстро приближаются к Элиди".

"Это три дочери Эгира и Рана, а по росту и свирепости это, должно быть, Хрённ, Быльгья и Хефринг; остережемся их, ибо в их взглядах есть гнев; они быстро приближаются к нам, и я думаю, что они желают нам зла".

Ивар едва успел произнести эти слова, как на Элиди обрушилась волна, да такая сильная, что унесла борта. Им показалось, что это Хрённ налетел на корабль. За Хрённом последовала другая волна; она унесла часть носов "Элиди". Это была Быльгья. Сразу после Быльгьи, в мгновение ока, пришла другая волна, захлестнувшая палубу корабля и выбросившая за борт четырех человек, которые все погибли.

Тогда Хьялмар сказал: "Это Хефринг, который унес этих четырех человек в Ран, а Хрёсвелг (ветер) с большой силой хлопает крыльями на небесах, чтобы буря разразилась еще сильнее". "Вероятно, - сказал Ивар, - еще несколько наших людей посетят Ран, ибо буря усиливается; нас не сочтут достойными прийти в ее зал и в ее присутствие, если мы хорошо не подготовимся к ее приему". Затем он разрезал несколько больших золотых перстней и разделил их между своими людьми, "ибо, - сказал он, - я считаю правильным, чтобы каждый мужчина носил с собой немного золота и предстал перед Раном, как подобает высокородному человеку". Мы срезали красные кольца, которыми владел богатый отец Хьёрварда, прежде чем Эгир убьет нас - золото должно быть видно на гостях посреди зала Рана, если нам понадобится там ночлег". Затем он добавил в задумчивости: "Ран обращается с нами грубо и забрала к себе многих моих сородичей. Воистину, земля дочери Эгира не всегда безопасна".

Стало очень холодно, и Ивар сказал: "Огонь и вид солнца - лучшее, что есть у сынов человеческих, а также крепкое здоровье и непорочная жизнь, если они могут их сохранить. Лучше быть веселым, чем унылым, что бы ни приключилось. Рад и весел должен быть каждый человек, пока не встретит свою смерть".

В бурю флот вел себя великолепно; корабли носились над волнами, словно бурные птицы.

Драконьи корабли Сигмунда и Сигурда подошли к Элиди на расстояние выстрела, и Ивар крикнул им: "Братья, дочери Рана обошлись с вами грубо?"

"Да", - крикнул каждый по очереди. "Несколько наших людей отправились в зал Рана, и мы приготовились к этому путешествию, ибо мы бесстрашные люди".

Ветер переменился, и корабли понеслись к опасному побережью Норвегии и оказались у берегов большого острова с огромными странными скалами, нависшими над морем. Шторм, казалось, достиг своего апогея, судам приходилось идти наперерез ветру, каждый парус был раскрыт, чтобы они могли развивать максимальную скорость, чтобы их не захлестнуло огромное море, надвигавшееся на них сзади. "Колдовство насылает бурю, - кричал Хьялмар, - и нам лучше плыть под прикрытием острова, ибо мы не сможем противостоять ни Эгиру, ни Рану, ни их дочерям".

Элиди и другие суда подошли к острову с подветренной стороны, где было сравнительно спокойно, и там викинги стали ждать лучшей погоды. Ночью шторм утих, и ветер стал попутным. На следующий день они отплыли, и некоторое время стояла хорошая погода, но ветер становился все сильнее и сильнее, когда они оказались далеко в море, и они снова оказались посреди сильной бури; дочери Рана снова восстали, и волны стали очень высокими и угрожающими. Тогда поднялась снежная буря, и снег падал так густо, что люди на корме и на носу кораблей не могли видеть друг друга, и волны разбивались о корабли и заливали их водой, так что людям пришлось спасаться на тюках.

"Тот, кто путешествует широко и неуклонно, - сказал Ивар, - должен встретить добро и зло".

"Это точно, брат, - ответил Хьялмар. "Настало время испытать храбрецов и показать, что они не боятся смерти".

Огромные волны продолжали биться об Элиди, а Ивар разразился песнопением и запел: "Мы, прославленные воины вождей, вышли на глубину, и земля скрылась из виду, и я вижу, как все люди, защищающие Элиди, наваливаются на корабль".

Снег падал так быстро и густо, что ничего нельзя было различить; наступила ночь, и те, кто не стоял в дозоре, улеглись в свои кожаные мешки, чтобы спать и таким образом защитить себя от сырости и холода. Ивар и Хьялмар поочередно управляли "Элиди". Ближе к утру им показалось, что они видят девять валькирий в шлемах и с блестящими копьями, проносящихся в воздухе над их кораблями, и тогда буря прекратилась.

"Они пришли, чтобы защитить нас и утихомирить бурю; указ Норнира о нашей смерти еще не выполнен", - сказал Ивар.

Вскоре они увидели землю, но, поскольку все было покрыто снегом, они не смогли разглядеть место, так как мореплавателям очень трудно сделать это, когда снег покрывает землю.

Тогда флот причалил на некоторое время, а затем осторожно поплыл вдоль берега, держась подальше от волнорезов и островов, которые возвышались лишь до уровня моря; они подошли к устью фьорда, а затем узнали землю и увидели, что сбились с курса. Продолжая плавание на юг до Энгеля, они были приняты Гудбрандом и Сигрид с великой радостью; после недолгого пребывания они разошлись, каждый пошел своей дорогой, а Хьялмар остался дома на всю зиму.

ГЛАВА XII

РОМАНТИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СИГУРДА

Сигурд на своем драконьем корабле отплыл на север и высадился на большом острове, где было много жителей. Он хотел навестить свою приемную сестру по имени Ингебьёрг, которую очень любил и которая приняла его с радостью. Он очень гордился ею, ведь она была необыкновенно красива, имела темно-каштановые волосы и лесные глаза, была одарена всеми достижениями, присущими высокородным женщинам, а также обладала мягким и милым характером.

Вечером он отправился в большой зал, где проходило изысканное развлечение и присутствовало множество гостей. Его принимали с восторгом, ибо многие были наслышаны о нем. Искусный исполнитель играл на арфе, и Сигурду это очень понравилось, так давно он не слышал ничего, кроме грохота битвы и рева ветра и волн. Рядом с ним сидели три очаровательные девы, прекрасные на вид, с которыми он много разговаривал. Их звали Тордис, Рагнильд и Торана.

Тордис была красива и обладала своими очаровательными манерами. Она отличалась достойными манерами, изящной фигурой, кокетливо одевалась и обладала изысканной парой миндалевидных голубоватых глаз, которые казались воплощением любви. Она была в полной мере дочерью Херсира и очень нравилась викингам, для которых ее либеральные взгляды и доброе сердце, а также красота и достижения делали ее чрезвычайно привлекательной.

Рагнильд было двадцать лет, она была высокой и стройной; ее волосы были светлыми и шелковистыми, а цвет лица - нежным, как у цветка яблони. Голубое платье, которое она надела в этот вечер, восхитительно контрастировало с ее светлой кожей и волосами. Ее большие голубые глаза были похожи на гнезда, наполненные маленькими купидонами, готовыми посылать свои стрелы направо и налево в сердца тех, кто попадал в их поле зрения.

Торане, самой невысокой из троих, было двадцать два года, она обладала очень изящной фигурой и парой маленьких глаз, полных озорства. Ее голову украшали густые каштановые волосы насыщенного цвета, в которых то тут, то там виднелись прожилки, словно выжженное золото. Она была полна жизни, обладала большой индивидуальностью и, в общем, имела свой собственный путь, поскольку была единственной дочерью. Все три девицы любили общество скальдов и воинов.

Матери этих трех девушек были красивыми женщинами, и все они воспитывали своих дочерей с нежной любовью и заботой, обучая их всем достижениям, которые требовались от девиц высокого происхождения.

Тордис потеряла отца, и они с матерью очень горевали о его смерти. У нее был брат, самый обаятельный и красивый парень, который сразу же понравился Сигурду.

Через несколько дней после этого развлечения Тордис, Торана, Рагнильд и Сигурд стали закадычными друзьями и называли себя двоюродными братьями. Они виделись каждый день, а вечером часто встречались в пиршественном зале. Однажды Сигурд получил от друга послание, написанное мистическими рунами, в котором Тордис, чей дом находился в другом месте, вскользь упоминалась как гостя острова, а также говорилось, что она владеет большими поместьями. Последняя часть послания не понравилась Сигурду, ведь Тордис нравилась ему своей красотой и очарованием.

Однажды, когда Тордис сидела рядом с матерью, появился Сигурд и, поприветствовав их в своей обычной манере, со смехом сказал: "Кузина Тордис, я получил послание, написанное мистическими рунами, в котором упоминается твое имя. Для меня это печальная новость. Лучше бы я никогда его не получал".

При этих словах большие, прекрасные глаза Тордис стали вдвое больше прежнего, и она с пытливым и изумленным видом сказала: "Кузен Сигурд, я настаиваю на том, чтобы узнать, что написал твой друг и кто он такой".

"Нет, - сказал Сигурд, - ты никогда не узнаешь, кто он такой".

"Тогда что же он сказал?" - спросила Тордис. "Я настаиваю на том, чтобы знать".

"Если ты хочешь знать, - ответил Сигурд, - я скажу тебе это. Он написал, что ты прекрасная дева, но обладаешь большим богатством, и это последнее было для меня печальной новостью. Лучше бы я никогда не получал этого послания. Я никогда не интересовался и не знал, богаты ли вы, и вы нравитесь мне своими очаровательными манерами и сами по себе, и..."

"Ну что ж, - ответила Тордис с явным облегчением, - твой друг тебя обманул", - и мать кивнула в знак согласия.

"Конечно, не в первой части послания, где он говорит, что ты очаровательная девушка", - сказал Сигурд.

"Там он тоже ошибся", - ответила она, смеясь. "Но не бери в голову, кузен Сигурд".

На следующий день Рагнильд, Тордис и ее брат вместе с Сигурдом поехали на Орлиную гору, откуда открывался прекрасный вид на море, на бург и на остров.

С каждым днем дружба этих трех дев с Сигурдом становилась все крепче, чем прежде.

Увы! Настал день, когда мать Рагнильд, которая тоже гостила на острове, получила руническое послание из дома, что им пора возвращаться. Бедной Рагнильд это не понравилось. Она хотела остаться, ведь на острове было так хорошо. Сигурд был доволен не больше, Тордис и Торана тоже, и они расстались с большим сожалением; они проводили ее до корабля, но не раньше, чем пообещали встретиться снова зимой. Им очень не хватало Рагнильд во всех последующих развлечениях, и Сигурд впоследствии часто думал о прекрасной Рагнильд.

Однажды Сигурд предложил Тордис и Торану покататься при луне, поскольку погода стояла прекрасная, а в то время, в начале сентября, луна была очень яркой. Было решено, что с ними поедут еще два друга. Это были приятные люди, полные жизни и веселья.

Ночь была прекрасная, на небе не было видно ни облачка. Полная луна, царица ночи, сияла во всем своем великолепии; звезды сверкали и переливались в глубокой лазури небосвода.

Перед "скеммой", или беседкой, Тордиса и Торана стояла великолепная четырехколесная карета, похожая на повозку, запряженная двумя самыми резвыми лошадьми из всех известных в стране. Лошади были очень беспокойны. Они били по крупу, били лапами по земле и беспрестанно фыркали. Двое мужчин крепко держали разгоряченных коней за уздечки, и им потребовалась вся их сила, но, несмотря на это, они с трудом удержали их от побега.

Сигурд и двое его спутников с тревогой ждали приезда дочерей викингов. Наконец Торана и Тордис появились, облаченные в теплые, изящные вечерние плащи. Их лица сияли ожиданием, ведь обе с нетерпением ждали этой поездки при лунном свете и плавания по Орлиному озеру и предвкушали великий восторг. Их сопровождала подруга средних лет, женщина, которая должна была, как принято говорить в нашем современном мире, выполнять роль сопровождающей. Она очень искусно вышивала и обладала большим талантом изображать на холсте всевозможные пейзажи, виды моря или ландшафты, как странные, так и очаровательные.

Они едва успели войти в карету и усесться, как лошади, став неуправляемыми, рванули вперед, и, когда они огибали угол дороги, ведущей к шоссе, машина, казалось, изогнулась, как лук, и вот-вот могла перевернуться. К счастью, мастерство водителя оказалось на высоте. Затем карета полетела над землей, казалось, непреодолимая сила гнала огненных скакунов вперед с бешеной скоростью.

Всех охватило сильное волнение. Сигурд воскликнул, что даже Слейпнир, восьмикопытный конь Одина, не может ехать быстрее, как не могут быстрее лететь облака, подгоняемые бурей. Лунный свет придавал пейзажу странный вид, странные тени деревьев, казалось, играли вокруг них, а тени скал и холмов появлялись и исчезали одна за другой, быстро сменяя друг друга, словно призраки или фантомы.

То тут, то там они въезжали в густой лес, куда не проникали лучи луны; затем наступала менее густая часть леса, где высокие конусообразные сосны протягивали свои призрачные тени на дорогу и над собой; потом попадались осиновые рощи, листья которых трепетали и резвились, как множество веселых девиц. Небо было их пиршественным залом, звезды - их огнями, а шелест ветра - музыкой.

Все потеряли дар речи, завороченные скоростью скакунов и неземной красотой всего, что проносилось перед ними, но время от времени с уст Тордис и Торана срывалось восклицание восторга или удивления.

Сигурду, молчавшему некоторое время, вдруг показалось, что он видит далеко в небе девять валькирий, несущихся по воздуху на огненно-белых конях. Впереди них ехала Скульд, норна, олицетворяющая будущее, и Сигурд задумался, почему Скульд с ними и что предвещает ее появление. Очевидно, она сопровождала их, чтобы проследить за тем, чтобы в определенное время исполнились указы Норниров, которые определили жизнь каждого из них при их рождении. Что это были за указы, никто из людей не знал. Тогда Сигурд сказал себе: "Хорошо было приказано, чтобы никто не знал своей судьбы заранее". Он не знал, что ему суждено было влюбиться в Торану или Тордис. Внезапно Валькирии и Скульд словно исчезли из его поля зрения.

Повозка неслась вперед, лошади бежали быстрее, чем прежде; казалось, оси вряд ли выдержат такую нагрузку. Стоял такой грохот, что казалось, все части машины вот-вот разлетятся на куски. Все кричали, что им все равно, что дикое веселье будет еще большим, чем прежде. Одним словом, от волнения все совершенно перестали бояться опасности. "Почему дочери героев-викингов должны бояться?" - воскликнула Тордис, а Торана закричала во весь голос: "Хорошо, что с нами нет наших матерей; моя мама умерла бы от испуга или упала в обморок, и тогда мы бы лишились всех наших развлечений".

Наконец сквозь листву деревьев показалось Орлиное озеро, и вскоре они остановились перед одинокой хижинкой у его берега, а их лошади уже были покрыты пеной.

Каждый из них заявил, что никогда в жизни не ехал так быстро, не видел такой великолепной езды и не был так взволнован. Через несколько мгновений две лодки выплыли на воды Орлиного озера, раскинувшегося среди лесистых холмов, а за ними возвышалась Орлиная гора. В одной лодке были Сигурд и Торана, в другой - Тордис и две ее подруги. Сигурд пожелал, чтобы Тордис тоже была в его лодке.

Сцена была очаровательной; на хрустальной воде, которую луна превратила в зеркало, не было ни малейшей ряби, в которой кокетливо смотрелись звезды, а по берегам отражались образы холмов и деревьев.

"О мать-земля, - говорил себе Сигурд, созерцая эту никогда не забываемую ночь. "Как прекрасна ты, когда вместо солнца над тобой властвует луна! Луна дарит нам ночь, а солнце - день. Некоторые говорят, что ночи были созданы для того, чтобы сыны человеческие спали, но если это так, то почему же ночи должны быть так прекрасны, когда светит луна, а звезды дрожат и сверкают в синеве неба? Разве соловьи не поют свои песни о любви ночью, когда луна - их солнце? Любовь рождена ночью; лунные ночи - это дни влюбленных, ибо луна светит им и целует их своим лучезарным и мягким светом".

Торана настояла на том, чтобы грести самой. Ее изящная фигура наклонялась вперед и назад при каждом взмахе весел, а кузен Сигурд все это время молча любовался ею. Их спутник оживлял время яркой беседой и рассказом о своих многочисленных приключениях, ведь он побывал во многих дальних странах, и его анекдоты были полны остроумия. Странное эхо повторяло их слова в глубокой тишине этой ночи, которую лишь изредка нарушало падение весел на воду.

На некоторое время обе лодки отдалились друг от друга, и их обитатели развлекались тем, что слушали эхо. Однажды Сигурду показалось, что он видит Хугина и Мунина, воронов Одина, пролетающих над его головой по пути в Валгаллу, чтобы рассказать Властителю Воинств обо всем, что происходит в мире.

Затем перед ним снова появились девять валькирий со Скульд, которая следовала за ними всю дорогу; их копья сверкали в лунном свете. Волосы Скульд посылали лучи света в ночь. Некоторое время она парила над их лодкой, а затем бросила на землю великолепный огненный шар, падающую звезду; затем вместе с валькириями она исчезла в направлении Колодца Урд. Каждый день норниры берут из колодца святую воду и, смешав ее с глиной, которая лежит вокруг него, поливают ею ясень Иггдрасиль, чтобы его ветви не засохли и не истлели.

Когда две лодки снова сблизились, Сигурд увидел две отраженные в воде тени, которые показались ему прекраснее звезд и всего того, что отражалось в воде с тех пор, как Один создал мир. Это были тени Торана и Тордис. Их прекрасные лица, изящные формы, длинные волосы были словно явлением из глубин.словно две прекрасные дочери Эгира и Рана, Дуфа - "голубка" и Уд - "любящая", пришли посмотреть на людей, которые были в лодках.

Сигурд так и застыл в оцепенении перед этим зрелищем, когда от движения лодки тень исчезла, чтобы никогда больше не появиться на прекрасных водах Орлиного озера, и через некоторое время они снова оказались на берегу.

Сигурд никому не говорил о том, что видел Валькирию со Скульд и прекрасные тени Торана и Тордис, но все эти видения произвели глубокое впечатление на его разум, и всю дорогу домой он оставался задумчивым. На следующий день он принес жертву богине Вар, которая, как мы уже говорили, прислушивается к клятвам в любви, которые дают мужчины; но никто

никогда не слышал об этой клятве. Но мы можем с уверенностью сказать, что поездка в ту прекрасную ночь и прогулка по Орлиному озеру не забылись никому из тех, кто был там, пока они жили.

Через несколько дней после событий, о которых мы только что рассказали, Торана и Тордис собрались разъехаться по своим домам. В последний вечер их пребывания в гостях в зале, где они впервые встретились, собралась та же самая компания. Ничто, кроме смерти, не могло помешать Сигурду присутствовать там. На следующее утро все собрались на борту корабля, который должен был увезти с острова двух его прекрасных кузин. Прощаться с ними пришли множество друзей, и все они были явно счастливы, ибо никто еще не понимал, как им будет не хватать друг друга и того хорошего времени, которое они провели, и что вскоре последуют сожаления, и все задавались вопросом, встретятся ли они снова.

Они расстались с многочисленными выражениями любви и дружбы, а на следующий день пришел гонец и вручил Сигурду послание, написанное мистическими рунами. Оно было от его двоюродных братьев, которые написали его по дороге домой. Эти волшебные слова гласили: "С наилучшей любовью, от твоих кузенов с разбитым сердцем!", и, когда Сигурд прочитал это любовное послание, его лицо залил румянец радости. Он тут же отправил к ним гонца с другим посланием, в котором рассказал о своем одиночестве.

Сигурд чувствовал себя совершенно несчастным после отъезда двух своих кузенов, хотя они должны были встретиться снова. Его охватило чувство глубокого одиночества; все светлое и радостное на острове исчезло; ветер стонал; волны, ударяясь о берег, казалось, заунывно пели в его ушах: "Три твоих кузена ушли, скалистые утесы больше не увидят их". Он даже боялся пройти мимо скеммы, где они остановились. Ни одна дева не могла его развеселить, ибо в его глазах ни одна из них не была столь прекрасна и совершенна, как Торана, Рагнильд и Тордис.

Он коротал время, сочиняя на бересте сагу, в которой рассказывал обо всем, что случилось на острове. Наконец он решил отплыть и, проплыв несколько дней, прибыл в город, где вместе с ним воспитывался приемный брат по имени Торкель. Но Торкель уже несколько лет как умер. Сигурд захотел увидеть его могилу и, высадившись на берег и рассказав жителям о своем поручении, направился к кургану, где молча лежали Торкель и его жена. Они были женаты совсем недолго, пока Скульд не разорвала нить, отмерявшую дни их жизни. Он поднялся на курган и пробормотал про себя: "Здесь лежат Торкель и его жена. Мысли, которые направляли и двигали их действиями при жизни, покинули их. Беспомощные, неподвижные, лишённые жизни, они спят".

Подняв глаза, он увидел бабочку ярких цветов, с крыльями золотого и радужного оттенков, полную жизни, весело порхающую от одного цветка к другому, напиваясь их нектаром.

Наблюдая за его радостным полетом, Сигурд задумчиво воскликнул: "Вся жизнь эфемерна! Мужчина и женщина, как эта бабочка и цветок, - всего лишь создания одного дня в безмерном времени и в мире, который создали боги. Как прекрасна жизнь бабочки! Он живет в воздухе; его жизнь - это любовь и бессмертие. Он проводит свои дни в ласках и поцелуях цветов, опьяняясь их сладостью. Как и любовь, он питается любовью. Как только он исполнит свое предназначение, наполнит до краев чашу любви и выпьет ее, он умрет, как блестящий метеор, вспыхнувший на мгновение, как мерцание звезды, которая никогда не вернется. Так рождается цветок, чтобы явить бабочке свою соблазнительную красоту, свою сладость и пьянящий нектар. Цветок был создан для бабочки, а бабочка - для цветка; так и

мужчина и женщина были созданы друг для друга, чтобы любить друг друга, и, как и любовь, их разум бессмертен. Жизнь бабочки и цветка коротка, но их существование в безграничном времени, очевидно, не короче, чем у человека. Если жизнь бабочки и цветка эфемерна, то и жизнь человека тоже. В безбрежности времени, прошедшего с момента "Великой пустоты", жизнь всех сотворенных вещей представляется богам одинаково продолжительной. Человек рождается, попадает в настоящее, затем в будущее и отныне принадлежит прошлому. "Нас швыряет, - сказал Сигурд, - по морю жизни, как корабль без руля, и мы изо дня в день плывем в неизвестность, называемую нами будущим, не зная, куда мы идем, и как Норнир определил нашу жизнь; всегда надеясь и уповая на то, что нам не дано постичь".

В таком задумчивом настроении Сигурд покинул курган, под которым лежали два сердца, связанные любовью на протяжении всей их жизни, и вернулся на свой корабль, размышляя о том, сколько дней Норнир предписали ему прожить при рождении, а также о том, найдет ли он когда-нибудь женщину, которую полюбит так сильно, что будет вынужден попросить ее стать его женой.

Затем он отплыл в Дампстадир, и там его ждали Ивар и два его приемных брата.

ГЛАВА XIII

ПУТЕШЕСТВИЕ К КАСПИЮ

Следующей весной Ивар и его приемные братья готовились отправиться по Волге к Каспийскому морю. Они послали весточку нескольким своим молодым сородичам, спрашивая, не присоединятся ли они к их путешествию. Предложение было принято всеми с готовностью, ибо большинство из тех, кому было послано приглашение, никогда не ездили так далеко на юг и жаждали увидеть земли, о которых так много слышали и из которых привозили так много дорогих вещей; но двое или трое из приглашенных уже бывали там для торговли и по возвращении получили большую прибыль на своих товарах, и они хотели попытать счастья снова.

Совершить путешествие к Каспию было делом не малым, ибо оно было утомительным и занимало много времени. Ивар выбрал три судна с очень малой осадкой, которые могли бы легко плыть по рекам нынешней России, ведущим к этому морю. Для таких путешествий строились специальные суда, модели которых были прекрасны, и даже сегодня их нельзя улучшить для такого плавания. Одно судно, очень похожее на судно Ивара, было найдено в Туне, в Норвегии, и сегодня его можно увидеть в Кристиании.

Были собраны припасы, среди которых было много черствого хлеба, очень похожего на тот, что сегодня используется в Скандинавии. Также были собраны различные предметы, необходимые для бартера, такие как весы и гири; большое количество золотых спиральных стержней определенного размера и веса, которые при необходимости должны были быть разрезаны на меньшие или большие куски, а затем взвешены, поскольку у норвежцев не было монет, и эти кольца или куски служили средством обмена. Их шкала ценностей соответствовала весу. Однако благодаря общению с Римом они познакомились с римскими монетами из золота и серебра, точно знали их стоимость и часто привозили их домой и

хранили до тех пор, пока снова не посещали римскую провинцию. У них также была мера, называемая эллом, длиной в два фута, для измерения красивых тканей, которые они собирались купить, а также мера для вина, так как они должны были привезти с собой вина.

С ними должен был отправиться человек по имени Ульф. Он был знаком с судоходством по Днепру, Дону и Волге и несколько раз плавал от Балтийского до Черного моря. Жил он в основном на Дону, где у него было большое торговое заведение. Он был крупным торговцем и мореплавателем, чьим делом было отправляться в торговые путешествия в разные страны. Иногда он отправлялся по морю, иногда по суше. Он был старым другом Хьорварда, который часто поручал ему покупать для него товары, и очень часто бывал на Готланде. Ульф как раз подходил для такой экспедиции, и приемные братья и их друзья поздравляли себя с тем, что он поедет с ними.

В начале июня, как только лед позволил отплыть, они покинули Дампстадир и поплыли через Финский залив; затем, после трудного плавания по озерам и рекам и тяжелой гребли, они достигли великой реки Волги и, спустившись по течению, прибыли в местечко Новград, большой купец, где летом раз в год проводилась ярмарка. Новград находился в великом королевстве Хольмгард, и они нашли там много друзей, ибо люди были одного рода. Многие викинги женились на дочерях хольмгардцев, и между ними и норманнами происходило много общения. У обоих народов были общие религиозные убеждения.

Во время ярмарки здесь можно было увидеть множество людей со своими товарами. Они приезжали с Кавказа, с Уральских гор, с берегов Каспия, из Туркестана, даже из Китая и многих других земель. В Новграде на базарных площадях продавали и рабов. На новградской ярмарке, как и на всех ярмарках норманнов, в храме или на народных собраниях, царил мир. Не было ни раздоров, ни пролития крови, и ни к кому не приставали. Ивар и его друзья ничего не покупали в Новграде, намереваясь вернуться и сделать это по возвращении. Из Новграда они поплыли вниз по Волге, используя весла, когда не было ветра. Они останавливались то в одном, то в другом месте, и везде их хорошо принимали.

Находясь на борту, каждый из команды должен был готовить, поскольку в те времена у торговцев не было обычая иметь поваров, и все члены команды тянули жребий, кто из них будет готовить каждый день. Все члены экипажа также должны были пить вместе, и для этого возле мачты стояла кадка с крышкой.

Когда, наконец, они достигли Каспия без каких-либо серьезных происшествий, на борту царило ликование. Ульф удостоился множества похвал за умелое управление кораблем. Но самая сложная часть путешествия еще не была выполнена - предстояло переправиться через Каспий к персидским берегам и подняться по реке Оксус. Прежде чем приступить ко второй части плавания, корабли вытащили на берег, вычистили, починили и покрасили, так как их днища стали грязными. В те дни викинги много времени уделяли атлетическим играм, когда находились на берегу, так как ни в коем случае нельзя было пренебрегать этими упражнениями.

Когда корабли были готовы, они пересекли Каспий, не встретив ни одного из тех штормов, которые делают воды этого мелкого моря, полного мелей, опасными для мореплавателей; высадившись на берег, они сильно удивились увиденным людям, ибо те сильно отличались от викингов. Они поклонялись солнцу и огню; некоторые носили большие тюрбаны, как современные турки, были очень трудолюбивы, а многие вели кочевой образ жизни со своими стадами. Их женщины были красивы, а мужчины вежливы и гостеприимны. Викинги купили много красивого бархата, который они называли пелл, и много богатых тканей, расшитых золотом и серебром, парчи, а также превосходные льняные скатерти и салфетки.

После этого они поднялись вверх по реке Оксус, подъем по которой был очень утомительным. Течение было сильным и против них, но никто не пытался пристать к ним, и все стремились торговать с ними. Там они купили шелковые товары и бархат и провели начало зимы на реке, а более поздние зимние месяцы - на Каспии, откуда они плыли и гребли вверх по Волге до таяния снега и льда на севере; и к тому времени, когда они растаяли, вздули поток и сделали течение очень быстрым, они были уже далеко наверху. Здесь они ждали, пока река не уменьшится до своих обычных размеров, оставаясь все это время на борту своих кораблей, проводя дни за игрой в шахматы или в кости, так как почти все викинги были большими азартными игроками. Их плавание на север было гораздо более утомительным, чем на юг. Из-за течения приходилось ставить по три человека у каждого весла, и в конце сентября они снова оказались на Балтике, а их корабли были нагружены ценными товарами.

Хьорвард и готландцы были рады возвращению Ивара и всех его спутников. За время плавания не случилось ни одной смерти. Ульф был начеку, и большая часть груза принадлежала ему. Ивар подарил отцу несколько бочек вина и множество драгоценностей, а матери - дорогие шерстяные, бархатные и шелковые вещи.

Слава об Иваре разнеслась далеко по всей земле. Скальды в залах Херсира рассказывали о его блестящих воинских подвигах. Он был очень взрослым для своего возраста и одарен большим тактом. Люди говорили, что он будет точно таким же, как его отец. Он достиг того возраста, когда родители задумываются о поиске жены для своих сыновей.

Однажды утром Хьорвард позвал Ивара и сказал ему: "Послушай, что я тебе расскажу. Нам рассказывали, что Фрей сидел на Хлидскьяльфе, высоком месте, с которого Один мог обозревать все миры. Когда он посмотрел на север, то увидел в поместье, или ферме, большой и красивый дом, к которому шла женщина. Когда она подняла руки, чтобы открыть дверь, из них на море полился свет, и воздух и все миры осветились от него. Эта женщина, как ты знаешь, была Герд, дочь Гимира от его жены Орбоды, и была она прекраснейшей из всех женщин. Так был наказан Фрей за дерзость, с которой он сел на священное сиденье, и ушел он полный печали, сильно влюбившись в нее. Когда он вернулся домой, то не разговаривал, не спал и не пил, и никто не осмеливался его расспрашивать. Тогда Ньорд позвал Скирнира, пажа Фрей, и велел ему пойти к нему и спросить Фрею, на которую он так разгневался, что ни с кем не хочет говорить. Скирнир повиновался, хотя и неохотно, и, придя к Фрею, спросил его, почему он так печален и ни с кем не разговаривает. Фрей ответил, что увидел прекрасную женщину, и из-за нее он полон печали. Теперь ты должен пойти, - сказал он, - попросить ее у меня в жены и привести ее домой, хочет ли того ее отец или нет. Я хорошо вознагражу тебя за этот поступок".

"Скирнир ответил, что пойдет и передаст это послание, если Фрей отдаст ему свой меч. Меч этот был настолько силен, что сражался сам собой. Фрей отдал ему его, и тогда Скирнир ушел и попросил женщину Гимира в жены для Фрея, и Герд обещала ему, что придет через три ночи и сыграет свадьбу с Фреем.

"Когда Скирнир рассказал Фрею о результатах своего путешествия, Фрей запел: "Долго длится одна ночь, долго длится другая. Как же я выдержу три? Часто месяц мне казался короче, чем половина этой предстоящей брачной ночи".

Хьорвард, рассказав таким образом историю Фрей, сказал: "Ивар, сын мой, когда я смотрю из Дампстадира на море, я вижу там, на западе, где мы часто наблюдаем столь великие закаты, прекрасную деву, а может быть, и трех прекрасных девушек, идущих по зеленым тропинкам, ведущим в Упсалир. Эти три девы - дочери Ингви, херсира Свитиода, и, как ты

знаешь, их красота и достижения известны по всем нашим северным землям. Ты вступил в тот возраст, когда пора искать себе жену, и я придумал для тебя подходящий вариант, если ты последуешь моему совету, и ничто не доставит мне большего удовольствия, чем женитьба на одной из дочерей Ингви. Ты можешь объехать много стран и не найти более искусных девиц, чем они, и для нашего рода и для Готланда будет благом, если ты женишься на одной из них, и еще больше сблизит нас с херсирами из Свитиода".

Ивар ответил, что знает, как сильно отец заботится о его благополучии, но сказал: "Ты не должен забывать, отец, что дочери Ингви имеют самую высокую родословную во всех северных землях, и королевство Готланд может оказаться недостаточно большим для их честолюбия. Не исключено, что эти дочери захотят выйти замуж за мужчин с большими владениями, чем у меня. Думаю, прежде чем ты и наши родственники сделают предложение, было бы разумно, чтобы я приобрел большую известность, чем имею".

"Нет никаких трудностей, сын мой, в том, что касается твоей родословной, ибо все мы из рода Одина, и вы будете одинаково подходить друг другу".

На этом разговор закончился, и Ивар оставил вопрос о своей женитьбе на усмотрение отца, хотя много думал о словах Хьёрварда и о его искреннем желании, чтобы он женился счастливо и с честью. Он знал также, что Ингви и Хьёрвард были большими друзьями, ходили друг к другу в гости и устраивали пиры, и что соединение браком этих двух семей было бы очень выгодным и приятным для его родителей.

ГЛАВА XIV

ГОРЯЧЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ХАКИ В ВАЛЬГАЛЛУ

Вернувшись с Каспия, четыре брата нашли страну в большом беспорядке; несколько викингов, пришедших из-за границы с большим количеством кораблей, грабили то тут, то там людей. Мир покинул землю, и повсюду царило великое бедствие от этих набегов. Среди самых больших грабителей были два знаменитых брата по имени Хаки и Хагбард; они были великими викингами, у них было большое войско и множество мощных и быстрых кораблей. Паруса у них были серые, а окрашены они были в такой цвет, что их корабли нельзя было разглядеть издалека. У Хаки и Хагбарда не было земель; они жили на своих кораблях, не спали под крышей и не пили у костра; у их людей не было домов, и они покинули свои страны, предпочитая жизнь в приключениях и войнах с двумя такими знаменитыми вождями. Они повсюду нападали на людей на берегу и грабили их, а потом возвращались с добычей на свои корабли; они зимовали в реках и бросали вызов власти Рима и всех герсиров в стране. Когда их корабли старели, они покупали новые или захватывали другие. В конце концов им надоели западные страны, они вернулись в Норсландию и были объявлены вне закона всеми торговыми, или собраниями, людей всех королевств.

С Хаки было двенадцать воинов, среди которых были Старкад Старый и Ульф Доблестный. Все его люди были берсерками, которыми часто овладевала ярость берсерка. Старкад и Ульф были стариками, прошедшими через множество кровавых битв, и служили под началом отца Хаки, который сам никогда не спал под крышей. Все они во время великой жертвы дали

клятву, что никогда не умрут в постели, не бросятся со скалы, чтобы попасть к Одину и в Валгаллу, но все умрут от оружия в бою. Сам Хаки был одним из величайших чемпионов, он был так ловок и силен, что представлял собой опаснейшего противника.

Однажды Хаки без предупреждения пошел со своим войском против Торкеля, великого герсира, ибо он безжалостно пренебрег законами войны, так что Торкель едва успел собрать своих воинов. У последнего было двенадцать воинов, среди которых были братья Свидпад и Гейгад, прославившиеся на Севере. Завязалась ожесточенная битва, и в тот день Валгалле суждено было принять множество людей. Когда битва была в самом разгаре, Свидпад и Гейгад совершили яростное нападение на людей Хаки, и многие из них больше никогда не увидели свет. Все чемпионы Хаки были тяжело ранены и больше не могли сражаться, так как были слишком слабы от потери крови. Тогда он пошел вперед, разбил щитоносца Торкеля и убил его, а также его знаменосца, а также Свидпада и Гейгада. Он завоевал землю и овладел ею, и стал правителем херада Торкеля. Зимой он оставался дома и управлял завоеванной землей, после чего его соратники уплывали в южные земли, в походы викингов, и зарабатывали себе большие богатства.

Среди других великих викингов, которые никогда не спали под крышей и не пили у костра, которые нарушали покой земли и были объявлены вне закона, были братья Эйрик и Йорунд. После великой битвы, в которой они убили херсира Гауталанда, они считали себя гораздо более сильными людьми, чем прежде, и хотели испытать свои силы против Хаки и Хагбарда и отомстить за позор, нанесенный Торкелю, их родственнику; поэтому, услышав, что Хаки позволил своим поборникам уйти, они собрали большое войско. Когда стало известно, что они пришли отвоевывать землю для своих сородичей, люди со всех окрестных земель стекались под их знамена в большом количестве, и великое войско выступило против Хаки. Вскоре произошла мощная битва. Долгое время победа не была определена, чемпион сражался с чемпионом. Наконец Хаки бросился вперед и сражался с такой неодолимой силой, что убил всех, кто был рядом с ним, в том числе Эйрика, и срубил знаменосцев братьев, после чего Йорунд со своими людьми бежал на корабли.

Но Хаки получил столь тяжелые раны, что предвидел, что оставшиеся ему дни будут недолгими. Он приготовил судно, которое очень ценил за быстроту, красоту и боевую мощь. Он погрузил на него тела высокородных воинов, павших в бою, вместе с их оружием, и устроил на корабле большой костер из смолистого дерева. Затем он попрощался со своими последователями, сказал им, что отправляется к Одину, и приказал людям отнести его в полном воинском облачении, с кольчугой, шлемом, мечом и щитом, на борт корабля. Затем он велел соорудить большой костер у носа и положить его на него.

После того как они это сделали, он приказал отрегулировать руль, поднять и установить парус, положить на борт много золота и оружия. Затем разожгли смолистые дрова. Ветер подул с берега; горящий корабль отплыл, и воины пожелали Хаки и его людям счастливого пути в Валгаллу. Все дальше и дальше уходил погребальный костер Хаки и его людей. Пламя поднималось все выше и выше к небу, парус горел, и наконец мачта, похожая на огненную башню, упала на палубу. Люди верили, что чем выше поднимется пламя, тем большим будет прием в Валгалле. Но вот яркие отблески пламени стали все реже и реже, и вдруг корабль погрузился в глубину. Но Хаки и его воины уплыли в Валгаллу, и люди говорили, что этот великий подвиг Хаки навсегда останется в памяти людей и будет воспеваться скальдами до скончания веков.

За это время Ивар со своими братьями собрал большое войско и подготовил корабли, намереваясь начать войну с викингами-налетчиками, которые заполонили море и несли на землю беду и страх. Когда корабль Хьялмара спускали на воду, он задел одного человека и убил его. Такое происшествие случалось раз за разом при спуске кораблей на воду - операция, которая всегда была сопряжена с опасностью, тем более если она проводилась неаккуратно. Такое происшествие называлось "срывом роликов" и считалось очень плохим предзнаменованием, поэтому от намеченной экспедиции отказались. Ивар и его приемные братья решили, что какие-то неверные духи семьи желают им зла и оставили свой дозор.

На следующий день, когда Ивар и Хьялмар гуляли вместе, Ивару показалось, что он видит своего домашнего козла, который всегда имел привычку приходить во двор. Никому не разрешалось его прогонять. Вдруг он сказал: "Странно!"

"Что ты видишь, что кажется тебе странным?" - спросил Хьялмар.

"Мне кажется, - ответил Ивар, - что козел, который лежит в этом дупле, весь в крови".

Хьялмар, удивившись, ответил ему, что там нет ни козла, ни чего-либо другого.

"Что же это такое?" - спросил Ивар.

"Я боюсь, - ответил Хьялмар, - что ты, должно быть, человек, обреченный на смерть, и что ты видел духа, который следует за тобой и защищает тебя, предупреждая об опасности; и если не ты сам, то, возможно, кому-то из твоих сородичей суждено умереть. Охраняй себя хорошо, приемный брат. Я тоже буду внимательно следить за тобой, как и Сигурд с Сигмундом".

"Это не поможет, - вскричал Ивар, - если смерть суждена мне, ибо никто не может изменить свою судьбу; но я паду храбро".

Эти два предзнаменования произвели на Ивара сильное впечатление; корабли вытащили на берег, поставили под навесы и объявили, что в этом году никаких походов не будет.

Тогда Ивар принес особую жертву Фрею, ибо он любил Фрея больше всех других богов и часто приносил ему жертвы, и в тот день он принес в жертву четырех черных быков и двух самых дорогих коней. На следующий день Хьялмар сказал Ивару: "Давай узнаем, какие указы готовит нам судьба, ибо мне не нравится "качение", которое произошло при спуске наших кораблей, и видение кровавого козла. Давайте обратимся к оракулам, а также принесем жертву Фрею. Я все еще опасаясь, что с некоторыми из нас случится какое-то надвигающееся несчастье и что нас постигнет великая скорбь. Давайте приготавимся и будем остерегаться предательства. Возможно, по дороге мы встретим ведьму, полную зла; тогда лучше идти дальше, чем остановиться в ее доме, хотя ночь может быть бурной. Часто у дороги сидят злые женщины, которые затупляют и мечи, и разум. Никогда не выходим из дома без оружия, ибо трудно знать, выходя на дорогу, может ли человеку понадобится его копье. Сынам человеческим нужны прозорливые глаза".

Итак, они совершили еще одно жертвоприношение и обмакнули жертвенные щепки в кровь принесенного в жертву животного, которая хранилась в священной медной чаше, стоявшей на алтаре в храме. Жертвенные щепки были подброшены в воздух, и в ответ было сказано, что Ивар не умрет, но должен остаться дома в этом году, и что очень дорогой ему родственник будет убит в битве. Поэтому Ивар спокойно остался дома.

На следующее лето Ивар приготовил Элиди и отплыл в Норвегию; но во время плавания, находясь в Каттегате, он был вынужден остановиться на одном из островов из-за встречных ветров. Там они снова бросили жертвенные щепки, чтобы получить попутный ветер, и, когда они упали, указали, что Один должен принять одного человека из их воинства, прежде чем придет попутный ветер. Затем они поплыли к берегу, бросили якорь и высадились на берег. Недалеко от места их высадки находилось большое жертвенное кольцо, посреди которого лежал огромный камень, или алтарь. Люди имели обыкновение приходить туда из окрестных земель, чтобы принести человеческие жертвы и переломить спины людей, отданных Одину на этом алтаре. Агнар - так звали человека, которого оракулы, говорящие через жертвенные щепки, назначили, и на алтаре ему сломали спину, и он был отдан Одину, и они покрасили алтарь его кровью. После этого люди вернулись на свои корабли и отплыли с попутным ветром. Кольцо для жертвоприношения, где Агнар был отдан Одину, и по сей день можно увидеть возле Бломхольма в провинции Богуслан, где до сих пор стоит большое кольцо из одиннадцати камней с жертвенным валуном в центре.

ГЛАВА XV

СМЕРТЬ И СОЖЖЕНИЕ ХЬОРВАРДА

Предупреждение многих дурных предзнаменований оказалось верным. Во время страшной морской битвы, в которой участвовало множество кораблей, между Хьорвардом и Старкадом, могущественным херсиром, с которым он давно враждовал из-за спорного наследства, Хьорвард получил смертельную рану. Во время этого ожесточенного сражения оружие зарывалось в кровавые раны и глубоко погружалось в тела людей; реки крови текли по доспехам; вихри валькирий, как поэтично называли сражения норсмены, носились среди людей; стрелы и копья играли вокруг щитов в разгар "бури Одина". Много мечей было сломано, много щитов разорвано на части, много кольчуг разрублено на куски, и многие из воинов отправились в Валгаллу.

Вдруг Хьёрварду показалось, что во время битвы он увидел валькирию, могучую Скогуль, опирающуюся на древко своего копья, и услышал, как она сказала: "Сейчас придут избранники Одина; великое воинство войдет в Валгаллу сегодня до ночи". Затем, подняв голову, он увидел перед Скогулом и Гондулом валькирий на конях, благородно несущихся, в шлемах, со щитами, с развевающимися в воздухе волосами за спиной и с копьями, из которых вырывались лучи света.

Тогда Хьёрвард воскликнул: "Гондул и Скогул, Один послал выбрать среди вождей, кто из рода Инглингаров должен отправиться к нему и поселиться в Валгалле!" Ему показалось, что над ним нависли валькирии. Тогда он был облачен в шлем и кольчугу и стоял под своим боевым штандартом; весла были опущены, битва шла самая яростная, копья шипели, стрелы трепетали, огненное пламя вырывалось из мечей. Хьорвард призывал готландцев и своих чемпионов к бою; "игра валькирий" становилась все жарче и жарче. Меч Хьорварда рассекал "ткань Одина" - так называли норсмены цепные доспехи, - словно воду, и окрашивал корабли в человеческую кровь.

Вдруг Хьорвард увидел, как в видении, Скульд-норн во главе валькирий и собирается оборвать нить своей собственной жизни. Он оказался прав. Один направил копье в его сторону, и Хьорвард получил смертельную рану. На следующее утро он лежал на палубе своего корабля среди множества мертвых чемпионов. В бреду он пробормотал: "Почему ты решил битву так, как решил, могучий Скогул? Мы, конечно, заслужили победу у богов". И Скогул, казалось, ответил: "Мы заставили тебя удержать поле боя, а твоих врагов - бежать. Теперь мы поедem в Вальхаллу, чтобы сказать Одину, что Хьёрвард Широкоплечий и его павшее войско приближаются"; и в его ушах, казалось, прозвучал голос Одина, сказавшего: "Хермод и Браги, выходите навстречу Хьёрварду, доблестному херсиру Готланда, ибо он идет этим путем в зал; он забрызган кровью, и за ним идет могучее войско". И, мечтая войти в порталы Валгаллы, он снова услышал голос Одина, сказавшего: "Добро пожаловать, Хьёрвард! Ты обретишь мир с "избранными" и ликование от асаров; ты, воин людей и мудрый правитель, заботившийся о жертвоприношениях и храмах, ты больше, чем многие вожди, во многих землях закалял меч и нес вперед окровавленный клинок. Дважды приветствую тебя, Хьёрвард! Мои служанки, валькирии, будут носить тебе вино, и ждать тебя, и нести эль тем, кто пришел с тобой".

Однако Хьорвард частично очнулся от предсмертного обморока и прожил достаточно долго, чтобы его доставили домой на корабле; перед смертью он сказал Сигрлин: "Жена, пусть мой горящий путь будет достойным наших сородичей; пусть надо мной воздвигнут широкий и высокий курган; пусть будет вместительной погребальная камера; окружи курган шатрами, щитами, оружием всех видов, ибо хорошо иметь его для повседневной борьбы в Валгалле; пусть со мной отправятся чужеземные льняные, шелковые и дорогие одежды, а также снаряжение для верховой езды. Положите меня на костер в полном воинском облачении, в золотом шлеме, в самых дорогих цепных доспехах и опоясав одним из лучших мечей. Пусть убьют много коней и пойдут за мной, а также моих ястребов, чтобы я мог войти в Валгаллу, как подобает великому вождю и инглингару; и бросьте на костер золото и серебро, а также много оружия, чтобы сияющие золотые двери Валгаллы не закрылись от меня и моих павших воинов. Так наше путешествие не будет бедным, ибо богатство, которое мы заработали за свою жизнь и не раздали, пойдет с нами. Положи рядом со мной также острый меч, который лежал между нами до нашей свадьбы, когда я ухаживал за тобой, ибо особа твоя была свята, а этот меч защищал тебя и охранял твою честь".

Едва он произнес эти слова, как скончался, и, по священному обычаю, ему закрыли глаза и рот, зажали ноздри, тщательно вымыли тело и голову и расчесали волосы.

Люди говорили, что сам Один управлял кораблем Хьёрварда во время битвы.

Ивара не было во флоте, когда произошла битва, ставшая причиной смерти его отца, не было его и дома, но через два дня после гибели отца он вернулся в Дампстадир. Из-за встречных ветров он оставил свои корабли на другой стороне острова и пересек страну верхом. По прибытии он сразу же отправился в большой зал, как это было в его обычае после возвращения из похода, чтобы выпить со своими людьми. Он и не мечтал о том, что его ждет печальная весть, ведь никто по дороге не пожелал сообщить ему о смерти отца. Едва он уселся на высокое кресло напротив отцовского, как его взору предстало то, чего он не заметил при входе. Он увидел, что стены покрыты черными и серыми полотнищами. Это сделала его мать, так как в подобных случаях было принято украшать большой зал траурными полотнищами, и эти полотнища говорили о великой скорби и утрате, понесенной Готландом. По ним Ивар понял, что произошла смерть великого родственника, и на его лице сразу же появилось выражение глубокой тревоги.

Вскоре после этого вошла его мать и присела рядом с ним. Ивар пристально посмотрел на нее и, заметив бледность ее лица, сказал ей: "Ты, должно быть, приказала, матушка, задрапировать зал; скажи мне, для чего и для кого эти траурные знаки?"

Сигрлин отвечала: "Моего мужа, херсира Готландского, больше нет. Хьорвард, твой отец, мертв, но пал со славой в разгар победы".

"Знамения, предвещающие смерть родственника, оказались верными, - сказал Ивар с глубоким вздохом, - жертвенные щепки предсказали это". Затем он горестно добавил голосом, полным эмоций: "Обреченному на смерть человеку не спастись. Для обреченных на смерть все опасно. Тот, кто не обречен на смерть, не может получить смертельную рану, он спасется тем или иным способом; но каждый должен умереть в тот день, когда ему суждено умереть. Указы, которые Норнир издал в день рождения моего отца, должны были быть исполнены".

Сигрлин была безутешна в связи со смертью мужа, но она не плакала, не била себя по рукам и не причитала, как это часто делают женщины. Приходили очень мудрые люди, которые пытались утешить ее тяжелое сердце, но им это не удавалось, ибо, хотя она и не могла плакать, горе ее было велико, а сердце разбито.

Высокородные невесты могущественных вождей и воинов сидели возле нее, украшенные золотом, и пытались успокоить ее горе; каждая из них рассказывала о своих бедах, о самом горьком горе, которое ей пришлось пережить. Сестра Гьюки сказала: "Ни одной женщине на земле не хватает любви больше, чем мне. Я пережила потерю двух мужей, трех дочерей, восьми братьев и четырех сестер, и все же я живу". Сигрлин все еще не могла плакать.

Тогда Херборг сказала: "У меня более тяжелое горе. Семь моих сыновей и мой муж пали среди убитых в южных землях. Брат Эгира, Ветер, и девять дочерей Рана играли с моим отцом и матерью, а также с моими четырьмя братьями на глубине; они разбились о борт своего корабля и погибли. Мне самому пришлось мыть, одевать, обрабатывать и хоронить их тела. Все это я пережил за один год, и никто не оказал мне помощи. В том же году я стала бондаркой. Каждое утро я должна была одевать и завязывать шнурки жене герсира. Она угрожала мне из-за ревности и наносила сильные удары; нигде я не нашла лучшего хозяина дома, нигде - худшей хозяйки".

И все же Сигрлин не могла плакать.

Тогда Гуллронд сказал им следующее: "Мало утешения вы можете дать, говоря так, как вы сделали с Сигрлин, хоть вы и мудры". Тогда она велела им раскрыть тело Хьёрварда, сняла с него простыню и бросила ее на землю у ног Сигрлин, сказав ей: "Посмотри на своего любимого мужа; приложи свои уста к его ныне безмолвным губам, как ты делала, когда обнимала его".

Сигрлин посмотрела на своего мертвого мужа и увидела рану на его груди, губы, которые не могли говорить, уши, которые не могли слышать, глаза, которые не могли видеть, и руки, которые не могли ласкать; щеки были бледны, а разум и жизнь ушли. При виде этого она опустилась на подушку, где покоилась голова мертвого Хьорварда. Щеки ее покраснелись, и слеза упала на локоны, потом на колени; из тех источников, что зовутся глазами, обильно потекли реки печали, и она утешилась.

Через пять дней после смерти Хьёрварда состоялись его похороны, или горящее путешествие в Валгаллу, ибо по закону страны мужчины должны быть положены под курган не позднее пятого дня после кончины. Люди верили, что Один ввел в северных землях те же

законы, что прежде царили среди асаров. Так, он приказал сжигать всех умерших мужчин и класть на костер их имущество, обещая, что в Валгаллу они придут с тем же богатством, что было сожжено вместе с ними; также они должны пользоваться тем, что сами зарыли в землю, а их прах бросать в море или закапывать в землю; над великими людьми возводить курганы в память о них, а над теми, кто особенно отличился мужественностью, воздвигать памятные камни.

Ивар и его сородичи договорились, что Хьорвард будет сожжен на корабле, а сам корабль не будет отправлен в море, а будет сожжен на берегу. Для костра была выбрана прекрасная скаута с пятнадцатью скамьями, красиво украшенная, поскольку их мощные военные корабли никогда не использовались в таких случаях. Скауту подперли, чтобы она стояла как в воде; нос смотрел в сторону моря, как будто готовый к походу. Вокруг него было навалено много смолистого дерева, а в носовой части корабля было устроено место для отдыха Хьорварда. Когда все приготовления были готовы, тело Хьёрварда перенесли на ложе, на котором он лежал; он был одет в полный военный костюм, в шлеме и кольчуге, с мечом у правого бока и щитом на груди; копья лежали у его левой руки, а у ног лежали его золотые шпоры.

Затем Ивар вывел вперед своего собственного седока, великолепно запряженного и снаряженного. Затем последовала великолепная и богато украшенная четырехколесная повозка с одним сиденьем, стоящим высоко посередине, и двенадцатью лошадьми; лошадей и соколов зарезали, а повозку разбили и бросили на костер. Затем Ивар, как только факел был зажжен, велел Хьёрварду, своему родственнику, плыть, ехать или ехать в Валгаллу, как ему больше нравится; и все его поборники, воины и множество людей пожелали ему счастливого пути и выразили надежду, что он примет их там, в надлежащее время, когда постановления Норнира будут исполнены в отношении их. Чтобы его путешествие в Валгаллу было достойным, они бросили в костер много дорогих вещей, оружия и золота и серебра. Свободное имущество, которое Хьёрвард выиграл или получил при жизни и которое осталось в его владении, также было брошено в погребальную кучу. Все оружие, которое должно было последовать за ним в Валгаллу, по древнему обычаю, было приведено в негодность. Мечи и наконечники копий были погнуты, а их края изрезаны; древка сломаны, щиты разорваны на части, а щитодержатели разрублены. Римские и греческие предметы были частично разрушены, а вместе с римскими монетами брошены в корабль. Торжественное и величественное зрелище, яркие блики. Постепенно пламя становилось все менее высоким, шум трескающегося дерева все слабее и слабее, и наконец не стало видно ничего, кроме горящих углей.

Тогда в торжественной тишине были собраны обугленные кости Хьорварда. Пепел был развеян по ветру и упал в море. Обгоревшие кости положили в красивый римский бронзовый сосуд, а вместе с ними римские монеты времен Диоклетиана, острие копья, нанесшего ему смертельную рану, несколько шашек, принадлежавших его шахматной доске, и две игральные кости. Двенадцать щитов-боссов выпуклой стороной вниз стали крышкой для вазы и легли поверх костей; над урной поставили согнутый меч, который поместили в приготовленную для этого могильную камеру; над останками Хьёрварда возвели большой каирн, строительство которого заняло несколько дней, а на вершине установили большой поминальный камень с рунической надписью. Так отправился в Валгаллу Хьорвард, херсир Готланда.

"Мудро, - сказал Ивар своему приемному брату Хьялмару, когда они скорбно беседовали о печальных церемониях последних дней, - что Один повелел, чтобы богатство человека, его

золото и серебро и движимое имущество, отправилось в его горящий путь вместе с ним. Эта мысль делает его щедрым на протяжении всей жизни, и он щедро раздает приобретенные богатства, не давая сердцу ожесточиться по отношению к нуждающимся. Поэтому наследники и выдающиеся люди не должны быть скупыми. Богатство, отданное при жизни, возвращается к ним в Валгаллу".

Затем, выдержав паузу, он задумчиво добавил: "Приемный брат, я часто думал о Хельги, моем первом кузене, сыне Хальфдана, и о том, что если бы он был жив, то стал бы херсиром Готланда вместо моего отца. Тогда бы я не был сейчас правителем жертвоприношений. Как странны постановления Норнира!"

ГЛАВА XVI

ХЕЛЬГИ И ВАЛЬКИРИИ

Ивар заговорил о Хельги, потому что часто слышал, как отец упоминал его брата, но в этом повествовании он не упоминался ранее, ибо был мертв уже много лет. Хальфдан женился на Турид, прекрасной дочери Херсира Зеландского, и страстно любил ее. Она умерла примерно через год после их свадьбы, родив сына. Хальфдан был так опечален смертью жены, что приказал обнажить ребенка, ставшего причиной столь большого несчастья для него. Младенца положили в колыбель, а в рот ему положили кусок свинины; колыбель отнесли в лес на некотором расстоянии от Дампстадира и поставили у корня дерева, чтобы младенец был защищен от ветра и непогоды, и таким образом легко умер. Никакого имени на нем не было, как и воды, которую на него не лили.

Через некоторое время после того, как ребенок был выставлен на обозрение, дядя Хьорварда проходил через лес. Он услышал крики малыша и, проследив за направлением шума, был глубоко тронут увиденным, сжалился над младенцем и тайно воспитал его в своем поместье, а его сестра очень заботилась о нем, и оба нежно любили его.

Хальфдан так и не женился, ибо его любовь к Турид была слишком велика, и в его глазах ни одна женщина не могла сравниться с ней. Память о ней и любовь к ней не исчезали из его памяти до самой смерти, и последним словом, которое он произнес, было ее имя.

Когда ребенок подрос, он стал очень красивым мальчиком, но не умел говорить, и его дядя скорбел о том, что Норнир предназначил ему быть немым, и начал думать, что, возможно, было бы лучше оставить его незащищенным. Но однажды, когда мальчик сидел на кургане, он увидел вдалеке отблески света, вспыхивающие в небе и приближающиеся к нему, и ему показалось, что он видит девять валькирий, скачущих по воздуху над морем, в шлемах и кольчугах, со сверкающими копьями в руках. Одна из них была самой главной, и когда она пронеслась над ним, то назвала его по имени и пропела: "Хельги будет имя твое; ты будешь править великим богатством на равнинах Родалсвеллира, в далеких землях". И сразу же Хельги заговорил.

Когда Хельги вырос, он отправился в военные походы в чужие земли и никогда не вернулся в родные места и к своим сородичам; но никто не удивился этому, ибо в те времена воины

часто завоевывали далекие земли и селились там, и никогда не возвращались, или же погибали, и весть о них не доходила до дома.

После смерти отца Хельги во все земли были посланы люди в поисках Хельги, чтобы сказать ему, чтобы он пришел и получил свое наследство; но от него не было никаких вестей, и Хьорвард стал править Готландом, после того как состоялся праздник в честь наследства Хальфдана, его брата.

Шло время, проходили годы, и о Хельги в Норсланде стали рассказывать великие вести, а его жизнь стали воспевать скальды. Люди говорили и верили, что валькирию, давшую ему имя, звали Бодвильд, и что Скульд дала ему дар речи, поскольку норнирам было суждено лишить его дара речи лишь на время его отрочества; что Бодвильд была дочерью херсира по имени Хогни, правившего большим королевством в южных землях, недалеко от Черного моря; и что Бодвильд временами была валькирией, а когда уставала от этой жизни, приходила среди мужчин и становилась как другие женщины; потом снова исчезала и становилась валькирией.

Они верили, что Бодвильд - это Свафа, родившаяся заново. Свафа была дочерью одного из великих правителей Севера в древние времена и вела ту жизнь, которую должна была вести Бодвильд. В народе существовало поверье, что иногда мыслящий разум человека вновь приходит, чтобы жить среди мужчин и женщин; непохожим было только тело.

История, рассказанная Хельги, приехавшим на Готланд, была следующей: Орвар был могущественным правителем и жил в Сварингсхауге. У него было много сыновей; среди них были Гуннар, Гудмунд, Старкад и Хогни. Ходброд отправился на назначенное собрание херсиров и там обручился с Бодвильд с согласия Хогни, ее отца, но без ее ведома, ибо ее не было дома. Часто случалось, что отцы обручались со своими дочерьми без их согласия и ведома, когда те не владели унаследованными землями на правах собственности.

Когда Бодвильд узнала, что отец обручил ее без ее согласия, она сильно опечалилась, ибо любила Хельги и решила выйти за него замуж. Тогда она отправилась вместе с валькириями, ибо приняла их облик, и поскакала по суше и морю в поисках Хельги, чтобы поведать ему печальную весть о своей судьбе. Однажды Бодвильд увидел Хельги; он был тогда в горах Лога и сражался там с сыновьями Хундинга, могущественного херсира, правившего большим королевством. В той битве он убил Альфа, Эййольфа и Херварда; он очень устал от боя и сел в местечке под названием Иглстоун. Когда Бодвильд подошла к нему, она обняла его за шею, поцеловала и рассказала о своем поручении.

Хельги был "под шлемом" и, естественно, думал о войне, ведь у него было много врагов, но его мысли обратились к прекрасной деве, которая была рядом с ним. Она сказала, что любит его всем сердцем, ибо наслышана о его великих деяниях, и рассказала, как ее обручил с Ходбродом ее отец. "Но я хочу иметь другого вождя, и этот вождь - ты сам. Я боюсь гнева моих сородичей, ибо я нарушила брак, который задумал для меня мой отец; но дочери Хогни нужна любовь Хельги, и никого другого".

Хельги отвечал: "Не заботься ни о гневе отца твоего, ни о недоброй воле твоих сородичей. Ты будешь, юная дева, жить со мной; твоих сородичей я не боюсь. Я женюсь на тебе". Тогда она обручилась с Хельги, и на этом основании Хогни, ее отец, и все ее родственники объявили Хельги войну. Ходброд, который был вдовцом, присоединился к ним со своими сыновьями.

Хельги собрал большой флот и отплыл к Фрекастейну, месту, назначенному для битвы. Едва они потеряли из виду землю, как поднялась сильная буря; гремел гром, молнии метались и

падали среди кораблей; казалось, что флот должен был основаться посреди моря, ибо корабли стали неуправляемыми, и люди приготовились встретить Рана. Эгир и его брат Ветер были в отвратительном настроении. Дочери Рана столпились вокруг кораблей и обрушивали на них удар за ударом.

И вдруг Хельги показалось, что он видит трижды девять валькирий, скачущих по воздуху и парящих над кораблями, и сказал своим людям: "Вот девы Одина! Как прекрасны они, когда смотрят на нас со своих великолепных коней!" Среди них первой была Скульд, младшая из Норниров; за ней ехала Бодвильд, в шлеме, с длинными волосами, развевающимися в воздухе, а за ней мчался ее конь. Внезапно буря стихла, и Хельги решил, что Бодвильд пришла укрыть его. Флот продолжил свой путь, проплыл вдоль берега и подошел к Фрекастейну. На заднем плане возвышались горы Лога.

Гудмунд, один из сыновей Орвара, и защитник земель, которого звали Эгиль, молча наблюдали за кораблями Хельги. Вдруг Гудмунд крикнул: "Кто тот вождь, что управляет кораблем, на носу которого водружен вышитый золотом боевой штандарт? Те, кто в фургоне, не похожи на мирных людей. На них наброшен красный цвет войны; красный щит стоит высоко на вершине мачты".

Эгиль, защитник земли, отвечал: "Здесь Гудмунд может узнать Хельги, ненавистника бегства, стоящего посреди флота; он владеет родовой землей твоего рода, наследием Фьёрсунгов, которое он у них отнял".

Гудмунд поскакал домой с вестью о войне. Тогда все сыновья Орвара собрали войско. Многие великие вожди выступили со своими штандартами; среди них были Хогни, отец Бодвильда, и его сыновья Браги и Даг, а также Ходброд.

Враждебные войска встретились на назначенном поле битвы, которое было "замазано", или отмечено кольями. Произошла великая битва; раздался сильный звон оружия, лязг мечей и копий, многие шлемы были разорваны, многие щиты разбиты, и великое множество людей отправилось в Валгаллу. С гор Лога сверкнули огни, и над полем боя понеслись валькирии в шлемах и кольчугах. Их цепные доспехи были забрызганы кровью, а из копий вырывались лучи света. Уже близился конец дня, когда Бодвильд, дочь Хогни, со своего коня заглушила стук щитов, и сразу же наступило перемирие.

Хельги пригласил валькирий на пир, который должен был состояться в ту ночь; там должны были быть его вожди, но Бодвильд сказала: "Думаю, у нас есть другое дело, чем пить с тобой этой ночью; мы должны нести избранных в Валгаллу", - и они исчезли.

На следующий день битва продолжилась, и Хельги одержал победу. В той битве пали все сыновья Орвара и все вожди, кроме Дага, сына Хогни, жизнь которого была пощажена, ибо Хельги не хотел губить жизнь брата Бодвильда.

Бодвильд обошла всех убитых и нашла Ходброта у порога смерти, и, увидев его, запела: "Бодвильд, дочь Хогни, не упадет в твои объятия, Ходброд, и никогда не будет обручена с тобой и не выйдет за тебя замуж". Ушла жизнь Ходброта, сына Адиля; волки сегодня разорвут на куски множество трупов, а вороны получают пищу".

После этого она встретила смертельно раненного Хельги, который, увидев ее, сказал: "Не все дано тебе, прекрасная дева, не все в твоей власти; Норниры имеют великую власть над судьбами людей. Сегодня утром пали во Фрекастейне Ходброд, Хогни и все сыновья Орвара, и я был их убийцей, ибо сражался с ними один за другим. Но, в свою очередь, боюсь, что жить мне осталось недолго".

И правда, на следующий день Даг встретил Хельги у Фьортурланда и вонзил в него свое копье, и Хельги упал там мертвым. Тогда Даг поскакал к горам Сева и рассказал Бодвильд эту новость так: "Лень мне, сестра, рассказывать тебе, ибо очень не хочется заставлять тебя плакать. Сегодня утром пал Фьортурланд, земля, которую он завоевал, человек, который стоял ногой на шее многих вождей, обязанных платить ему дань".

Бодвильд обезумела от горя, услышав эту скорбную весть. Тогда, обезумев от страсти, с пылающими глазами она прокляла Дага, своего брата, и воскликнула: "У чистой воды реки Лейптир, что течет у Фьортурланда, и в море корабль, который везет тебя, не сдвинется с места, даже если подует попутный ветер. Конь не должен бежать, который должен бежать с тобой, хотя ты должен убежать от врагов твоих. Меч не укусит того, кого ты достанешь, разве только когда он пропоет о твоей собственной голове. Если бы ты был разбойником, скрывающимся в лесу, и не имел бы пищи, если бы не разрывал трупы, тогда, и не раньше, чем все эти проклятия будут исполнены, смерть Хельги будет отомщена".

На что Даг ответил "Безумна ты, сестра, и не в своем уме, раз призываешь проклятия на брата своего. Только Один вызывает все раздоры между родственниками".

Тогда Даг предложил своей сестре компенсацию, или "weregild", - храм и большие поместья, половину своих земель и большое количество золота; но она отказалась от компенсации за смерть Хельги. Она была недолговечна и рано умерла от горя по своему возлюбленному; а поскольку Хельги был мертв, власть над Готландом перешла в руки Хьорварда.

ГЛАВА XVII

НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ПИР ХЬОРВАРДА

После смерти отца Ивар стал херсиром Готланда только после того, как его херсирство утвердил Тинг, или народное собрание; ибо, хотя оно и было наследственным, никто не мог править без согласия Тингмена, который мог в случае необходимости лишить человека его достоинства и херсирства, ибо херсир должен был подчиняться законам так же, как самый скромный человек, а самой большой властью в стране был Тинг.

Прежде чем принять сан херсира и, соответственно, верховного жреца Готланда, Ивар совершил жертвоприношение перед народом и, согласно древнему обычаю, убил барана, обагив руки его кровью, а затем объявил божество Хьёрварда своим; после этой церемонии он должен был управлять жертвоприношениями в Дампстадире.

Он оставался дома и ждал, пока не наступит "арвель", или наследственный пир, его отца, потому что он не мог получить свое наследство раньше этого времени. По древнему обычаю, наследственный пир должен был состояться в тот год, когда умер человек, в честь которого был устроен наследственный пир, и тот, кто давал его, не мог занять высокое кресло того, от кого он получил наследство, пока не выпьет "арвель". Хьорвард был из рода Одина и могущественным херсиром, поэтому пир должен был быть очень пышным. Ивар и его сородичи решили, что он должен состояться через десять месяцев после горячего путешествия Хьёрварда. Ивар разослал по всем землям викингов корабли и гонцов с

просьбой к высокородным людям и родственникам приехать на пир вместе с ним и устроить так, чтобы все возможные почести были возданы Хьорварду, его отцу.

Согласно древним законам, высокое кресло Хьорварда должно было оставаться вакантным до тех пор, пока не состоится "арвель". Когда воины собирались в зале, пустое высокое кресло ушедшего хёрсира и великого вождя викингов напоминало им об ушедшем друге, который столько раз пил с ними, с которым они ходили на войну и завоевывали победы и богатства. По вечерам скальды, которые были с ним во всех его битвах, рассказывали собравшимся гостям о великих деяниях, которые он совершил и которые они видели, глядя на враждующих воинов из щитового бугра, или стены щитов, окружавшей их и штандарты. Они рассказали о многих смертельных схватках между чемпионом и чемпионом, между кораблями, которые схватились друг с другом, и о том, как Хьорвард дважды за свою жизнь очистил от воинов палубы двух кораблей.

В Дампстадире все шло своим чередом. Сигрлин продолжала управлять поместьем, как делала это во времена мужа, когда он ходил в походы на викингов. Ивар помогал ей и следил за тем, чтобы корабли содержались в идеальном порядке, были хорошо просмолены и покрашены, и чтобы строились новые. Рабы, одетые в белые шерстяные грубые вещи, с коротко стриженными волосами, были заняты различными поручениями, а свободные слуги занимались своими делами.

Сам Ивар руководил возделыванием земель, ибо был хорошим земледельцем, а иногда его видели кующим меч или руководящим постройкой корабля. В качестве развлечения он часто играл в шахматы со старыми защитниками земель своего отца или ходил на охоту, но больше всего он любил сидеть на кургане Хьорварда; оттуда он созерцал море. Пути, которые прокладывал каждый корабль, прокладывая свой путь, были невидимы, и поэтому одно из образных названий моря, которое дали ему норсмены, было "Невидимый путь".

Однажды, когда Ивар сидел с Хьялмаром на кургане Хьорварда и пребывал в одном из своих задумчивых настроений, он сказал: "В конце концов, Хьялмар, человек не совсем несчастен, даже если у него плохое здоровье; кто-то счастлив в сыновьях или дочерях, кто-то в родственниках, кто-то в большом богатстве, кто-то в добрых делах, а кто-то в друзьях. Для друга своего человек должен быть другом, для себя и для друга своего, но никто не должен быть другом друга врага своего. Если у тебя есть друг, которому ты хорошо доверяешь, и если ты хочешь получить от него добро, ты должен объединить с ним свои мысли и часто встречаться с ним. Никогда первым не покидай общество своих друзей; печаль гложет сердце того, кто не может высказать весь свой ум одному. Однажды я был молод, путешествовал и сбился с пути. Когда я встретил другого человека, я считал себя богатым. Человек - это наслаждение человека. Засыхает ель, стоящая на огороженном поле; ни кора, ни листва не укрывают ее. Так и человек, которого никто не любит. Почему он должен жить долго? Бренд разжигается от брэнда, пока не сгорит. Огонь разгорается от огня. Человек получает знания, общаясь с человеком. К тому, кто тебе не нравится, долго идти, хотя он живет рядом; но к хорошему другу путь короткий, хотя он и далеко. Во многие места я приходил слишком рано, а в некоторые - слишком поздно; эль был выпит или не заварен. Непрошенный человек редко находит эль готовым".

Затем он добавил: "Лучше всего усадьба, пусть и небольшая; ибо там человек чувствует себя как дома, хотя у него всего две козы и соломенный домик. Отсюда мы видим множество скромных жилищ; во многих из них можно найти счастье и радость - больше, почти всегда, чем в залах богачей. Огонь и вид солнца - лучшее, что есть у сынов человеческих; затем здоровье и непорочная жизнь, если он сможет их сохранить".

Ивар очень старался, чтобы "арвель" его отца был более знаменит, чем все, что происходило в Норсланде на памяти людей. Он построил два больших праздничных зала для огромного количества гостей. Ничего не жалели, чтобы придать широкую известность арвелу, который должен был продлиться две недели.

Несколько великих херсиров прислали ему весточку, что приедут на арвель вместе с ним и устроят так, чтобы как можно больше почестей было оказано Хьорварду, его отцу. Среди гостей должны были быть херсиры из Свитиода, Гардарики, Хольмгарда, Фьена и Зеландии.

За две недели до назначенного для арвеля времени начали съезжаться те, кто жил дальше всех, ибо они хотели быть уверенны, что никакие встречные ветры или другие препятствия не станут причиной их отсутствия. В день, назначенный для начала пира, все гости были в сборе.

По древнему обычаю, когда устраивался "арвель" после смерти наследников и высокородных, тот, кто давал и должен был получить наследство, должен был сидеть на ступеньке перед высоким креслом покойного, пока не внесут рог, называемый рогом Браги, тогда он должен был подняться, взять рог, произнести клятву и осушить его до дна. После этого его должны были привести на высокое место умершего родственника, и тогда он становился обладателем наследства.

Перед тем как принять наследство, Ивар в присутствии всех собравшихся гостей сел на ступени, ведущие к высокому креслу Хьёрварда, его отца. В первый вечер было наполнено множество рогов и выпито в память об ушедшем родственнике. На вторую ночь выпили рога Одина, Ньорда и Фрея, после чего наполнили рог Браги и произнесли над ним клятвы. Сцена была очень впечатляющей. Клятву за клятвой давали выдающиеся люди, чтобы совершить великие деяния, о которых узнают во всех северных землях.

Затем поднялся Ивар и дал клятву, что в течение двух лет он отомстит за смерть своего отца или погибнет в попытке, закончив ее словами: "Да помогут мне Один, Ньорд и Фрей". После этой клятвы его родственники ввели его на высокий трон Хьёрварда, его отца, и с этого момента он получил право на наследство отца.

После окончания пира Ивар раздал дорогие подарки всем знатым людям, которые пришли помочь ему своим присутствием, и мелкие - тем, кто пришел с ними менее знатыми, и все удалились с многочисленными признаниями в дружбе, заявив, что это был самый великий наследственный пир, который они когда-либо видели.

Через некоторое время после того, как Ивар дал свой наследственный пир, в семье произошла еще одна смерть. Когда он пировал со своими людьми, к нему прибыл гонец с известием, что Ингимунд, один из его дядей, живший в восточной части острова, на берегу залива, который сегодня называется Тангвиде, внезапно умер в своем высоком кресле. Смерть Ингимунда вызвала великую скорбь среди всех людей, ибо он был очень любим, и многие шли к нему за советом, так как он прекрасно знал законы. Горе по поводу его смерти было тем сильнее, что он не бросился вниз с высокой скалы, откуда отправился бы в Вальхаллу, поскольку Норнир не суждено было ему умереть на поле боя и от оружия. Он намеревался сделать это и часто говорил, что не хочет умирать в постели, так как у воинов, которых одолевала старость, был обычай умирать, бросаясь со скалы и отправляясь к Одину, показывая тем самым, что они не боятся смерти.

Ивар и многие жители Дампстадира приготовились отправиться на похороны Ингимунда. Когда они добрались до его дома, была сделана большая погребальная камера из цельного дерева, и над ней возвели кирху, оставив вход в камеру свободным.

Были сделаны большие приготовления к путешествию Ингимунда в Хель, мир мертвых, которые не погибли с оружием в руках и не искали Вальгаллу сами. После прибытия Ивара к нему пришли сыновья Ингимунда и сказали: "Ты - глава наших сородичей, и ты знаешь, что с незапамятных времен, когда человек умирает не от оружия, принято готовить его к путешествию в Хель. Мы просим тебя надеть на ноги нашего умершего отца хельские башмаки, ибо, как ты знаешь, древняя вера, дошедшая до нас, говорит, что такая обувь должна отправиться в Хель вместе с тем, кто отправляется в это путешествие. Поэтому мы оденем Ингимунда великолепно, ибо, когда человек хорошо одет, выходя из нашего мира, и долго одевается, говорят, что он готовится к Хель".

Ивар ответил: "Я надену и завяжу хельские башмаки на ноги Ингимунда, как ты просишь".

Обувь была надета. Завязав их, Ивар сказал: "Я не знаю, как завязать башмаки Хель, если они не застегнуты во время путешествия в Хель".

Затем он попросил людей посмотреть, хорошо ли они завязаны. Посмотрев на них, присутствовавшие сказали: "Молодец, Ивар; эти башмаки невозможно развязать, и путешествие Ингимунда в Хель пройдет без происшествий".

Тело Ингимунда было великолепно одето. Он был облачен в воинское одеяние: на нем были золотые цепные доспехи и шлем; украшенный щит лежал на его груди, а меч - рядом; на руках и кистях были золотые кольца и браслеты, и так его положили на ложе в горнице. У его ног и у головы поставили несколько прекрасных римских и греческих бронзовых ваз; несколько изысканно красивых греческих кубков из стекла, украшенных тонкой росписью; саамскую вазу; римское сито из бронзы; золотой пинцет; прекрасный костяной гребень и другие предметы, среди которых было несколько монет Диоклетиана, который в то время был римским императором. Затем, когда палата была закрыта, все присутствующие пожелали Ингимунду счастливого пути в Хель; и по сей день, проплывая вдоль восточных берегов Готланда, среди больших каирнов, возвышающихся над морем, чужестранец видит Ингимунда.

ГЛАВА XVIII

ИВАР ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ВОЗМЕЩЕНИЯ СТАРКАДА

Старкад, нанеся смертельную рану Хьорварду, опасался вражды Ивара и его родных и приемных братьев и хотел заплатить "вагильд", или компенсацию, за его смерть. Он слышал о клятве Ивара и знал, что рано или поздно отомстит за смерть отца, ибо, как гласит поговорка, в сыне есть волчий ум. Поэтому он послал человека по имени Нидуд, великого воина, в Дампстадир, чтобы тот предложил Ивару возмещение ущерба.

Когда Нидуд пришел в пиршественный зал, мужчины сидели на скамьях вокруг костров и пили свои любимые пиво, медовуху и эль. При его появлении все замолчали, ибо воины

знали, что предстоит сообщить великую новость. Ивар велел Нидуду сесть на второе высокое сиденье, и вскоре тишина была прервана появлением Нидуда, который ледяным голосом произнес: "Старкад прислал меня к тебе, Ивар, с дорогими подарками, и я проехал через весь Готланд, чтобы пригласить тебя и твоих братьев-приемышей в его зал и к скамьям, стоящим перед столами. Приходите все в своих орлиных шлемах, чтобы получить почет и большие дары, шлемы и щиты, мечи и саксы, кольчуги, коней и дорогие одежды, золото и серебро и большие поместья. Ты, Ивар, получишь возмещение за смерть отца и примиришься со Старкадом".

Ивар подумал, не обладает ли Старкад волчьим умом и не намеревается ли хитростью и коварством напасть на него с огромным войском, если он придет с малым числом людей. Он ответил: "Я и мои братья владеем семью залами, полными мечей; рукояти у них из золота, и ножны тоже украшены золотом. Наши мечи и саксы самые острые, наши "брыньи" самые белые и яркие, наши стрелы самые быстрые, наши копья самые меткие, наши кони самые лучшие; у нас нет недостатка в золоте и серебре, ибо наши сокровища одни из самых больших в северных землях."

Нидуд ответил: "Вот послание и приглашение в письменном виде, которое Старкад шлет тебе, Ивар. Оно написано на мистических рунах"; и он протянул палку, на которой было написано приглашение.

Ивар прочитал послание и, повернув голову к своим братьям, сказал им низким голосом: "Я не приму его приглашение и компенсацию, которую он мне предлагает".

"Я удивлен его предложением", - ответил Хьялмар. "Он редко делал это раньше, ибо он скуп. Давайте посоветуемся наедине". И Ивар сказал Нидуду, что даст ему ответ на следующий день, и, велев своим поборникам развлекать Нидуда и его людей до его возвращения, покинул зал вместе со своим приемным братом.

"Я удивлен дорогими вещами, которые прислал тебе Старкад", - сказал Сигурд. "Но среди них я заметил кольцо с волчьей шерстью. Я думаю, кто-то предупреждает тебя и нас, что он настроен по-волчьи по отношению к нам и имеет в виду предательство".

"Должно быть, это какая-то женщина, которая любит нас", - ответил Ивар. "Кого мы знаем среди женщин в царстве Старкада? Давайте попробуем вспомнить".

После молчания, которое длилось некоторое время и в течение которого оба приемных брата оставались погруженными в раздумья, Хьялмар сказал: "Должно быть, Херборг Прекрасная привязала эту волчью шерсть вот сюда", - указывая на кольцо. "Она его сестра и хорошо думает о нас".

"Я уверен, что она любит тебя, Хьялмар", - сказал Ивар.

"Думаю, нет, - ответил его приемный брат, - но я верю, что мы ей очень нравимся, и она питает к нам самую большую дружбу. Она такая же, как женщина - добросердечная, благородная в дружбе и верная до конца жизни".

Затем они внимательно рассмотрели "келфи", или палку, на которой были вырезаны или написаны рунические послания, и вдруг обнаружили, что некоторые буквы были изменены с большим мастерством. Тогда они самым тщательным образом осмотрели каждую букву и обнаружили, что вместе с приглашением было и предупреждение, чтобы Ивар не приходил, а если придет, то привел с собой много воинов и чемпионов.

Тем временем Нидуд, люди, пришедшие с ним, и чемпионы Ивара весело пили, и Нидуд высоко оценивал подарки, которые должны были получить чемпионы, когда приедут в Старкад.

Сигрлин не заставила себя долго ждать, узнав о приглашении Старкада, и на следующее утро она пришла к Ивару, когда он готовился отправиться в пиршественный зал, и сказала ему: "Ивар, прошлой ночью мне приснился сон, который я собираюсь тебе рассказать. Это предупреждение богов, и ты не должен идти".

"Что это был за сон, мама?" спросил Ивар.

"Мне показалось, что твои простыни горят в огне и что сильное пламя пронеслось по твоему дому".

"Здесь лежит льняная одежда, о которой ты мало заботишься; она скоро сгорит", - ответил Ивар. "Вот здесь ты видел, как горели простыни".

"Но, - продолжала Сигрлин, - мне показалось, что сюда забрался белый медведь. Он проломил стены; он тряс лапами так, что мы испугались; он схватил многих из нас, так что мы были беспомощны, и мы очень боролись, чтобы освободиться от него".

"Это, - сказал Ивар, - буря, которая поднимется и скоро станет сильной, и твой белый медведь докажет, что с востока идет дождь".

"Мне показалось, что здесь пролетел орел, - продолжала Сигрлин, - через весь дом; он забрызгал нас кровью. Это предвещало, как мне показалось, тяжелую битву. Это был Старкад".

"Мы быстро убиваем скот, когда видим кровь; когда нам снятся орлы, это часто означает быков", - успокаивающе ответил Ивар.

"Мне привиделось, что я вижу виселицу, сделанную для тебя, и что ты собираешься на ней висеть. Мне казалось, что я похоронил тебя заживо. Я видел также окровавленный меч, вытасченный из твоего тела; копье, как мне показалось, пронзило твой бок; волки выли на обоих его концах. Грустно рассказывать о таком сне такому сыну, как ты; но ты - все, что у меня есть на свете, и я думаю, что наши Дисиры, или семейные духи, предупреждают нас об опасности, Ивар".

"Это были собаки, которые бежали, а не волки; они громко лаяли".

"Мне показалось, что через весь дом протекала река, которая ревела в гневе, металась по скамьям, сшибая ноги приемных братьев твоих; вода не щадила ничего. Это предвещало что-то, я уверен. Мне также показалось, что этой ночью сюда приходили мертвые женщины; они просили тебя поскорее подойти к ним и их скамьям. Это должно что-то предвещать. Я еще раз говорю, что боюсь, что духи-хранители нашей семьи покинули тебя, и что они будут неверны нам".

"Матушка, не бойся, - искренне ответил Ивар. "Сны не всегда являются предупреждением от богов, хотя я должен сказать, что то, что ты мне рассказываешь, странно; но ты хорошо знаешь, что никто не может избежать своей судьбы, и то, что предписано Норниром, должно произойти".

Затем они расстались, и Ивар отправился в зал, а вскоре за ним последовала и его мать, и застал там гонцов, ожидавших его ответа на приглашение Старкада.

Зал был полон гостей, и эль передавался по кругу. Когда Ивар вошел в зал, в толпе воцарилась тишина, и среди ожидающего внимания, тревожных взглядов и глубокого молчания он сказал громким, но полным эмоций голосом: "Нидуд и те, кто пришел с ним, пойдите и скажите Старкаду, вашему господину, что я поклялся в арвеле моего отца, в присутствии моих родственников и родственников, и высокородных жителей земли, и людей с большой славой, которые пришли из Галлии, Британии и самых отдаленных стран, где поселились норсмены, что в течение двух лет я отомщу за смерть Хьорварда, моего отца, или погибну в попытке. Скажи ему также, что мои приемные братья и сородичи отомстят за его и мою смерть, если я паду. Скажи Старкаду, что нет такого большого вагильда, чтобы возместить мне смерть моего отца, и что, когда он убил его, он убил одного из самых храбрых и высокодуховных людей. Скажи ему, что скоро наступит время мести".

"Хорошо сказано, сын мой, - вскричала Сигрлин во весь голос, - родственники Хьорварда еще не все мертвы, и Старкад узнает об этом".

Эти слова были встречены шумным одобрением со стороны присутствующих последователей Ивара и с досадой и огорчением со стороны посланцев Старкада, которые немедленно отправились в путь.

ГЛАВА XIX

УБИЙСТВО СТАРКАДА

После отъезда посланцев Старкада Ивар созвал собрание, на котором было решено объявить войну Старкаду следующей весной. Тогда Ивар разослал весть о своем намерении далеко и широко, всем своим сородичам, и призвал всех вождей своих данников быть готовыми присоединиться к нему в походе. Боевые стрелы были отправлены гонцами, которые везли их на полностью снаряженных кораблях, ночью и днем, или по большим дорогам. Закон гласил, что если мужчина пренебрегал обязанностью нести стрелу, он становился вне закона; если гонец приходил туда, где женщина жила одна, она должна была, если могла, достать корабли, еду и мужчин, если нет - стрела должна была нестись дальше; если мужчина после получения стрелы спокойно сидел и не обращал на нее внимания, он объявлялся вне закона.

К Старкаду были отправлены посланцы, которые были самыми высокородными людьми в стране, чтобы сообщить ему, что следующей весной Ивар с большим войском выступит против него, и чтобы он выбрал, так как он, согласно древнему обычаю, был самым старшим, поле битвы, на котором должен состояться конфликт, и "энгазель", или колышек с орешником, на котором должно быть поле.

Старкад прислал весточку, что выбрал поле боя неподалеку от своего бурга, который находился в южной части полуострова Ютландия. Тогда Старкад сам послал боевую стрелу и созвал людей со всего своего королевства и всех вождей, которые платили ему дань. Каждый мужчина от пятнадцати лет обязан был прийти, а каждый конь трех лет должен был быть призван.

С обеих сторон все время уходило на приготовления, и весной Ивар отплыл с большим флотом к месту, назначенному для битвы. В день отплытия из Дампстадира он сказал: "Темные вороны проснулись сегодня рано утром; так в старину кричали ястребы Гуна Валькирии перед смертной казнью вождей; тогда птицы Одина, Хугин и Мунин, прилетели сообщить ему о битве, чтобы он приготовил Валгаллу".

Многие чемпионы пришли, чтобы присоединиться к штандартам Старкада. Среди первых был Атли Доблестный, который пришел с большим войском - Свейном, Гнепи Старым, Гардом, Брандом, Тейтом, Хьялти, Сторкудом. В его телохранителях были чемпионы Боргар, Барри и Токи. Уби Фризский был одним из самых выдающихся и прославленных воинов, и многие другие, кому суждено было совершить великие подвиги на поле брани, также прибыли сюда.

Среди герсиров, также прибывших с большим войском, были Трюгви и Алрек, оба очень искусные в обращении с мечом, и Стейн, и Стир Сильный.

Среди амазонок, прибывших в Старкад, были Хейд и Висма, каждая из которых пришла с многочисленным войском. Висма несла штандарт Старкада. С ней были чемпионы Кари и Мильва. За ней шли многие венды, народ, живущий на юго-восточных берегах Балтики. Их легко было узнать, ведь у них были длинные мечи и вытянутые узкие щиты. Сама она была прекрасной женщиной двадцати пяти лет, с длинными светлыми волосами, выбивающимися из-под золотого шлема, доходившими до пояса и лежавшими на спине ее коня. Ее меч был самым лучшим и острым. Она с детства так хорошо приучила себя к использованию щита, меча и кольчуги, что была одной из передовых в верховой езде и обращении с оружием, и чемпионов, которые могли бы успешно соперничать с ней, было очень мало. Она всегда ездила на великолепном белом скакуне.

Хейд тоже приехала со многими прославленными чемпионами. Ей было двадцать восемь лет, она была выше среднего роста, полногрудая, с великолепными конечностями. Ее волосы были цвета спелой пшеницы, блестящие и, как у Висмы, спадали ниже пояса. Она ездила на превосходном черном коне и, когда была в шлеме и кольчуге, со щитом и мечом, являла собой идеал щитоносной девы.

Многие великие вожди присоединились к дружине Ивара. Он собрал людей со многих земель - со всего Свитйода, с Готланда, с берегов Каттегата, из Гауталанда, из многих херадов нынешней Норвегии, и даже людей норвежского происхождения из Британии и Галлии.

Среди главных поборников Ивара были Херсир Али Храбрый и Сторкуд Старый, которые прошли долгий путь и за свою жизнь сражались под началом многих Херсиров; Рогнвальд Высокий; Рагнар, который был величайшим из всех его поборников и всегда был первым на острие клина; Тронд и Торир; Хельги Белый; Хальф; Эрлинг Змеиный Глаз; Хольмстейн и Эйнар.

Великими чемпионами Свитиода были Аки, Эйвинд и Эгиль.

Среди герсиров, приехавших со своими дружинами, были Храни, Свейн Жнец, Сокнарсоти, Хрольф Женолюбивый, Даг Крепкий, Гердар Радостный, Глум Бесстрашный, Сакси Грабитель и многие другие чемпионы, которым не терпелось показать свое мастерство.

Среди щитоносных дев, или амазонок, была Вейборг. За ней следовало огромное войско и множество вождей и чемпионов. Вейборг была олицетворением ярости; она была необычайно красива, имела изящную фигуру, светло-голубые глаза, льняные волосы. Ее

глаза в боевом азарте, казалось, метали огонь, а в шлеме и кольчуге она выглядела превосходно. Ее лошадь была темно-каштанового цвета.

Воинов с обеих сторон собралось великое множество. На стороне Ивара было тридцать три "фюлькинга", или легиона, и в каждом фюлькинге было по пять тысяч человек.

На стороне Старкада выступили двадцать шесть фюльков, причем в каждом фюльке было меньше людей, чем у Ивара.

Когда они достигли окрестностей выбранного поля битвы, то разбили свои военные шатры и спали всю ночь.

Воины Старкада тоже легли в своих шатрах неподалеку, а Старкад отправился один, чтобы посоветоваться со своей матерью, которая была женщиной очень опытной и мудрой. Он сказал ей, что против него будет не меньше двух против одного.

Она ответила: "Я бы вырастила тебя в своем шерстяном сундуке, если бы была уверена, что ты будешь жить вечно. Лучше умереть с честью, чем жить в позоре. Возьми этот штандарт, который я сделала с наилучшим мастерством и который, я верю, будет победным для тех, перед кем он будет нестись".

Штандарт, покрытый изящной ручной работой, был в форме ворона, и когда ветер дул на него, казалось, что ворон расправляет крылья. Старкад очень рассердился на слова матери, покинул ее и не взял штандарт.

Воюющие стороны выстроили своих воинов в боевой порядок, и для этого требовалось много размышлений и умения. Часть войск с каждой стороны располагалась клином.

Бруни считался очень мудрым и выстроил воинство Старкада. На вершине клина, или массива, он поставил щитоносную деву Хейд с ее штандартом. С ней было сто чемпионов, все они были берсерками. Они составляли щит-бург; среди них были скальды Эйвинд и Амунд. На одном из других остриев клина он поставил Висму с ее штандартом и мощной дружиной; на другом крыле был Токи. Штандарты несли перед ним. С ним было много великих воинов; среди них были Альфар и Альфарин, сыновья Гэндальфа Герсира, которые были в телохранителях отца Старкада.

Херлиф считался самым мудрым в войске Ивара, и Ивар велел ему расставить своих воинов в боевом порядке и назначить каждому штандарт, под которым он должен был сражаться.

На острие клина он поставил щитоносную деву Вейборг со ста берсерками, которые охраняли ее штандарт и составляли щитовой бугор, и среди них были самые доблестные люди земли.

Перед штандартами войска Ивара стоял Адильс Гей, из Упсалира; его не было в рядах фюльков. С ним были чемпионы Сигвальди, пришедший с одиннадцатью кораблями; Трюгви и Твидивиль, каждый из которых пришел с двенадцатью кораблями-драконами; Лесир, у которого был только один скид, красивейшее и грозное судно, полностью укомплектованное берсерками; Эйрик из Хельсинга, пришедший с большим кораблем-драконом, также укомплектованным берсерками. Кроме этих великих чемпионов, были и другие, не менее доблестные. Среди них были Торкель Упрямый, Торлиф Властный, Хадд Суровый.

Когда все приготовления к битве были готовы, Ивар послал Херлифа посмотреть, как Старкад расставил своих воинов и сколько у него людей, и помериться с ним силами на поле боя. Херлиф сообщил, что Старкад тоже выстроил большую часть своих людей клином.

Старкад, в свою очередь, послал Бруни посмотреть, как Ивар расставил своих людей.

Когда хозяева были готовы к битве, Висма сказала своим чемпионам: "Приготовьте оружие, а ты, Эйвинд, выезжай к войску Ивара Готландца и вызови его на бой".

Эйвинд так и сделал, и, согласно обычаю, послал стрелу над войском и крикнул им: "Все вы принадлежите Одину".

Тогда Ивар послал Альрека навстречу воинству Старкада, и тот метнул в него копье, и тоже крикнул: "Вы все принадлежите Одину".

С обеих сторон зазвучал боевой рог, поднялись красные щиты, и раздались боевые клички. Тогда Ивар сказал: "Если Один не хочет даровать мне победу, как он всегда делал это раньше, пусть он позволит мне пасть в битве со всем моим войском, и всех людей, которые падут на этом поле боя, я отдам Одину".

Арды встретились, и битва с самого начала разгорелась неистовая. Вскоре фризский чемпион Уби выступил вперед перед войском Ивара и атаковал вершину массива Вейборга, и прежде всего чемпиона Рогнвальда. Единоборство закончилось падением Рогнвальда, а затем Уби бросился на Трюгви и нанес ему смертельную рану. Когда сыновья Альрека увидели, как Уби яростно бросился на них, они стали искать его, но он убил их обоих, и тогда все отступили перед ним.

Тем временем Хьялти, чемпион Старкада, напал на Ивара, и долго длился поединок, но в конце концов Ивар ударом меча нанес ему смертельную рану. Затем с Иваром встретился чемпион Гнепи Старый, и они яростно атаковали друг друга; но в конце концов Гнепи тоже пал, пронзенный множеством ран, но проявивший до конца великое мужество.

Тогда Ивар, видя, какой хаос учинил Уби, и опасаясь, что его воинство будет деморализовано таким натиском, сказал Сигмунду, своему приемному брату: "Тебе лучше поехать к Вейборгу и рассказать ей, как обстоят дела". Вейборг, узнав о грозящей Ивару опасности, предприняла страшный натиск на войско Старкада. Сначала она напала на чемпиона Барри, нанося ему удар за ударом, да так быстро, что он смог защититься только щитом, да и то ненадолго, потому что один из ее молниеносных ударов вскоре пробил его щит, и, нанеся ему рану, которая сделала его инвалидом, она оставила его. Тогда ей навстречу вышел Стир Сильный. Они напали друг на друга с великим ожесточением, но толпа воинов была так велика, что их разлучили против их воли. Наконец, убив Токи и нескольких других чемпионов, которых тяжелая судьба поставила на ее пути, и проявив величайшую доблесть, она сама пала под мечом чемпиона Хьялти. После ее падения за короткое время произошли великие события: сначала одна армия, потом другая одерживали верх. Сотни мужчин с обеих сторон были обречены никогда не вернуться домой, и велика была та рать, которой предстояло войти в Валгаллу.

Когда наступил вечер, белые щиты были подняты, и было объявлено перемирие. Воины разошлись по своим палаткам и перевязали раны.

Рано утром следующего дня противостояние возобновилось. После того как битва ожесточилась на целый сезон, Ивар атаковал вершину массива Старкада. Меч его отца Хротти сверкал, как огонь, и он срубил воинство Старкада, как саженцы. Ни шлем, ни

кольчуга, ни щит не могли выдержать его ударов. Вместе со своими приемными братьями он прошел через все войско и убил всех, кто стоял на его пути. Щитonosец Хейд, видя ужасающую гибель людей в рядах Старкада, бросился к Ивару. Многие мужчины, участвовавшие в одиночном бою, по общему согласию остановились, чтобы посмотреть на происходящее. Ее огненный конь, белый от пены, казалось, наслаждался схваткой. Волосы Хейд были распущены и растрепаны, они раскачивались, следуя за движениями ее тела; глаза ее, казалось, посылали огненные вспышки; молнии, казалось, вылетали из ее меча, когда он поражал меч Ивара. Никогда в жизни Ивар не был так напряжен, но наконец натиск других бойцов разделил их.

Перед войском Ивара выступил фризский Уби, и все попятились перед ним, так смертоносны были его удары. Когда лучники узнали его, они сказали: "Мы не будем стрелять в других, но давайте все направим свои стрелы на этого человека на время, ибо мы никогда не одержим победу, пока он не будет мертв". Самые искусные лучники стали стрелять в Уби, и наконец он пал, но не раньше, чем в его тело было пущено двадцать пять стрел, и не раньше, чем он зарубил шестерых чемпионов, тяжело ранил одиннадцать других и убил шестнадцать свиарцев и готландцев, которые стояли перед строем.

После смерти Уби войско Ивара предприняло яростное нападение на войско Старкада, и ничто не могло противостоять им. Когда Старкад увидел эту великую резню своих людей, он призвал своих воинов не позволить одному человеку победить всех, таких доблестных и гордых людей, какими они были. Он воскликнул: "Где Сторкуд, который до сих пор всегда держал щит победы?"

Сторкуд, который был рядом, ответил: "Мы постараемся одержать победу; хотя там, где находится Ивар, человек может быть полностью испытан".

Он бросился вперед, навстречу Ивару; завязалась ожесточенная схватка, и Сторкуд пал. Велика, поистине, была людская резня.

Когда Хейд, дева щита, увидела, что пало столько доблестных воинов, она бросилась вперед, и как бы ни был доблестен и искусен человек в обращении с мечом, он почти наверняка встретил бы свою смерть, сражаясь с ней.

Ивар уговаривал своих людей взять ее живой, но она не поддавалась и падала, яростно сражаясь. Когда она падала, Ивар пел: "Погружилась в землю Хейд, щитonosная дева. Свиары убили ее, а вместе с ней и многих ее воинов. В бою ей было лучше, чем в беседе с женихом или на брачной скамье с подружками невесты".

Когда Старкад окинул взглядом крыло, которым командовала Хейд, и увидел, как оно уменьшилось, он запел: "Много нас было, когда мы пили медовуху; теперь нас меньше, когда должно быть больше. Я не вижу среди своих людей ни одного, кто мог бы нести щит и встретить войско Ивара; тем не менее я возьму щит с тем, что осталось от моих людей, и пойду сражаться с готландцами и их последователями".

Затем он двинулся навстречу войску Ивара, и наконец произошла решающая схватка. Обе стороны сражались с величайшей яростью. Поле битвы, где сходились мечи, было похоже на яркий огненный лист, и после самой героической борьбы Старкад упал вместе со своим штандартом.

Когда Ивар увидел, что штандарт Старкада упал, он понял, что тот погиб; он затрубил в рога, поднял щит мира и прокричал приказ прекратить битву. Когда воины Старкада узнали, что он убит, бой прекратился, и Ивар предложил им всем перемирие, которое было принято.

Несколько вождей стали его вассалами, пообещав ежегодно платить ему дань и посылать людей в его дружины, когда это будет необходимо, а Ивар ставил им ногу на шею в знак того, что он стал их правителем.

После битвы Старкада стали искать, и его тело нашли под грудой убитых. Его похоронили вместе с его мечом Тирфингом и возвели над ним курган.

Ивар взял корабли, принадлежавшие Старкаду, вытащил их на берег и соорудил на их палубах большие костры. На них он положил тела павших чемпионов, а сам и присутствующие бросили в пламя золото, серебро и дорогое оружие, чтобы оказать им честь.

Хервор была единственной дочерью Старкада от Хельги, дочери Агнара Берсерка. Когда пал ее отец, ей было всего десять лет. Когда Хельга родила Хервор, большинство людей считали, что ее следует выдать, и говорили, что у нее не будет женского характера, если она будет похожа на родственников своего отца, которые все были людьми с дурной репутацией. Она постоянно упражнялась в верховой езде, стрельбе из лука, обращении с мечом и щитом, а также во всех видах атлетических игр. Когда она подросла, то стала щитницей, и ей нравилось быть в шлеме и кольчуге куда больше, чем заниматься шитьем или вышиванием. С пятнадцати лет она стала говорить, что род Старкада погиб не весь, и задумала отомстить за смерть отца. Она была высокой и сильной, со светлым цветом лица; ее длинные шелковистые волосы были цвета красного золота, и люди говорили, что они похожи на волосы Сиф, жены бога Тора.

Когда Хервор исполнилось двадцать лет, она захотела заполучить Тирфинг, меч своего отца, который был положен в курган вместе с ним. Тирфинг был острее любого другого меча, а когда его вынимали из ножен, из лезвия вырывались лучи света; это был самый знаменитый меч, которым владел род Старкада и хранил как реликвию на протяжении многих поколений.

Однажды весной Эрвор покинула свой дом в одиночестве, переделалась мужчиной и отправилась на борт корабля викингов, у командира и команды которого не было другого дома, кроме их судна. После этого они плавали и грабили во многих местах, пока, наконец, их вождь не умер, и мужчины назначили Хервор править ими.

Они поплыли к месту, где был похоронен ее отец и его павшие воины, и достигли его ближе к вечеру, поставили корабль на якорь в бухте и оставались на борту весь день. После захода солнца они увидели большие костры, двигавшиеся туда-сюда над курганами, поскольку остров был большим местом погребения. Эти костры были похожи на фантики, но люди верили, что это сверхъестественные костры. Экипаж был полон страха и заявил, что никогда не сойдет на берег вечером.

На следующий день, поздно вечером, "Эрвор" высадился на берег. На закате экипажу показалось, что они слышат полые звуки на острове. После тщательных поисков Эрвор узнала курган своего отца, так как он возвышался среди других, а также по надписи на памятном камне. Подойдя к нему, она запела: "Проснись, Старкад! Эрвор, дочь твоя, хочет разбудить тебя. Отдай мне острый меч Тирфинг, который Двергар выковал в давние времена для Викара, твоего родственника". Затем она сказала более громким голосом: "Эйнар, Храни, Хервард и все воины, убитые вместе с моим отцом, я пробуждаю вас всех из-под курганов, под которыми вы покоитесь, - вас, облаченных в шлемы и кольчуги, со щитами,

острыми мечами и покрасневшими копьями. Вы сильно увеличили форму, под которой лежите. Я призываю вас всех дать мне острый меч Тирфинг".

Тогда она вскрыла курган своего отца и, войдя в погребальную камеру, взяла Тирфинга и отплыла домой. После этого единственной целью ее жизни стала месть за смерть Старкада. В следующем году она собрала большое войско и выступила против Ивара, но погибла в бою, проявив чудеса доблести и отваги.

Вскоре после этих событий Ивар и все высокородные люди Готланда получили от Ингви, херсира Свитиода, приглашение посетить и принять участие в больших атлетических играх, "idrottir", которые должны были состояться следующей весной на первенство Норсельланда; ибо, подобно спартамцам, норманны высоко ценили все игры и упражнения, придающие силу и гибкость телу.

Ивар послал гонцам весть о своем приезде и о том, что он и готландцы будут состязаться в разных играх с теми, кто стремится к первенству, а также попытаются вырвать его у тех, кто им владеет. Затем он разослал по всему острову известия, предписывая своим людям с большим усердием и энергией заниматься играми.

ГЛАВА XX

ЗАСЕДАНИЕ

После отъезда посланцев херсира Свитиода, как обычно бывало в это время года, состоялся большой Вещь, или собрание народа. Когда приблизился срок, Ивар послал стрелу Вещего ко всем Тингменам острова, чтобы созвать их на место Вещего, чтобы наказать тех, кто нарушил законы, и решить другие дела и споры.

Соответственно, Тонкие люди отправились в Дампстадир, либо верхом, либо на кораблях, каждый хаулд или бонди взял с собой большую свиту последователей, в соответствии с его богатством и рангом. Личность каждого тонкого человека была свята. Если кто-либо пытался потревожить их по пути на Вещь или с Вещи, его объявляли преступником.

Все приходили без оружия, потому что на равнине Чертога должен царить совершенный мир, и любой, кто нарушал его оскорблением или иным способом, считался вне закона. Это было то же самое, как если бы он нарушил мир в храме. Он считался волком в святилище, преступником, или "нитингом", во всех святых и обитаемых местах, пока не искупал свое преступление.

Равнина Вещей, где собирался народ, находилась недалеко от храма и была настолько святой, что ее не могло омрачить кровопролитие, вызванное кровной местью или какой-либо нечистотой. С момента своего открытия и до распада Вещь находилась под защитой богов.

В центре Чертога находился двор - большой круг, который окружали ореховые столбы, поддерживающие веревки. Эти веревки назывались "вебондами", или священными лентами. Внутри круга сидели те, кто должен был судить дело, вынесенное на суд Тинга. Ни

один судья, оказавшись в этих священных стенах, не мог покинуть их, равно как и посторонний не мог войти в них.

Перед открытием Вещи, по древнему обычаю, Ивар принес в храме в присутствии народа в жертву большого быка и наполнил его кровью священную чашу, стоявшую на алтаре. После этого он взял кольцо для клятвы, которое стояло на алтаре и над которым люди должны были приносить клятву, окунул его в освященную кровь и надел на руку, а затем вместе с херсирами и тонконогими отправился на равнину Тинга и занял свои места во дворе, который стоял на возвышении, откуда все собравшиеся могли видеть их и все, что происходило в священных пределах.

Затем Ивар объявил границы Чертога, произнеся громким голосом следующую формулу: "С законами должна быть построена наша земля, и не будет она опустошена беззаконием; но тот, кто не позволит другим пользоваться законами, сам не будет пользоваться ими".

Ропот одобрения встретил последние слова фразы, ибо норманны были прежде всего законопослушным народом. И в обязательном порядке он произнес декларацию о мире, сказав сначала: "Я устанавливаю здесь мир между всеми людьми".

Затем каждый тонкий человек, который должен был судить, или любой человек, который должен был выполнять юридические обязанности, приносил клятву на кольцо и говорил: "Я призываю присутствующих в свидетели, что даю на кольцо клятву, согласно закону, защищать или вести это дело; и даю доказательства, вердикт или приговор, которые, как мне известно, являются самыми истинными, правильными и законными; да помогут мне Фрей, Ньорд и Один".

Первым делом, которое предстало перед Вещим, было дело хаульда, ранившего человека в порыве гнева.

"Ты хорошо знаешь, - сказал Ивар, - что чем выше человек по положению, тем большую компенсацию он должен выплатить за нарушение закона; тот, кто имеет высокое происхождение, должен подавать пример. Суд постановил, что ты должен заплатить за нанесенную тобой рану шесть золотых колец, каждое из которых весит двенадцать аураров, что в шесть раз больше, чем должен заплатить свободный человек за то же преступление, или в два раза больше, чем бонди".

Следующий человек был привлечен к суду за кражу во время торгового плавания. Этот класс воров называли "ворами в перчатках". На суде присутствовала вся команда судна. "Ты знаешь закон, - сказал Ивар. "Он гласит, что твоя голова должна быть обрита и вымазана смолой, а на нее надет гагачий пух или перья. Затем команда должна проложить для тебя дорогу и встать по обе стороны, а ты должен бежать в лес, если сможешь. Каждый должен бросить за тобой палку или камень, а кто не бросит, тот должен заплатить штраф в девять ортугаров".

Вора облили дегтем и перьями; для него проложили дорогу между матросами; он бежал изо всех сил, но едва он достиг конца проложенной для него дороги, как упал без сил, тяжело раненный.

Бонди предстал перед судом и заявил, что убил двух разбойников, которые пытались защищаться. "Хорошо ты поступил, ибо эти люди были нечестивцами, и тебе нечем заплатить за их жизнь", - таков был вердикт.

Затем привели человека, который совершил кражу со взломом и был пойман с оружием в руках. "Ты знаешь законы, - снова сказал Ивар, - ты преступник и должен умереть. Такие люди, как ты, земле не нужны".

Далее было рассмотрено дело, в котором человек должен был совершить убийство. Один из чемпионов Хьорварда, по имени Асгрим, был убит, и люди, которые там были, не могли сказать, кто был убийцей; подозревали, что это сделал человек по имени Асмунд, хотя он решительно отрицал это обвинение. На одном из предыдущих вечеров было решено, что Асмунд должен принести клятву на следующем осеннем вечере, который проходил сейчас.

Тогда Ивар снял со своей руки кольцо для клятвы, и в присутствии Тонких людей и всего народа Асмунд назвал двух свидетелей, как того требовал закон, сказав: "Я выбираю Торвальда и Олафа свидетелями того, что даю клятву на храмовом кольце, что я не омолаживал острие и край меча там, где был убит Асгрим. Я знаю, что эта клятва верна, да помогут мне Один, Фрей и Ньорд".

Привели человека, которого поймали на краже еды; он доказывал, что крал, чтобы поддержать жизнь, и что он ходил в несколько домов, пытаясь найти работу, но не смог ее получить. Свидетели пришли и рассказали, что он приходил к ним в дом в поисках работы, но у них не было ничего, чтобы дать ему. "Иди своей дорогой, - сказал Ивар, - ибо, хотя закон гласит, что никто не должен красть у другого, он также гласит, что человек, который не имеет работы, чтобы жить, и крадет еду, чтобы спасти свою жизнь, не должен быть наказан".

Перед Вещим предстал человек, которого поймали на краже в третий раз. "Ты неисправим, - сказал Ивар. "Вором ты родился, и по закону страны человек, трижды пойманный на воровстве, должен быть повешен, ибо ты прирожденный вор и должен понести наказание по закону, ибо земля не может быть обременена такими людьми, как ты".

На четвертый день перед судом предстало очень важное дело, касающееся наследства. Между сторонами возникло горькое чувство. Гневные слова следовали одно за другим; в пылу страсти тяжущиеся теряли голову и, к всеобщему изумлению, прятали оружие под плащами, и вдруг земля на Суде покрылась кровью. Поднялся большой шум; народ был охвачен ужасом; такого в Дампстадире еще не случалось. Люди, совершившие это великое преступление, были объявлены вне закона и вынуждены были спасаться бегством.

Ивар объявил, что равнина осквернена кровью ненависти, а значит, не более свята, чем любая другая земля, и что никакое дело не может больше происходить на ней.

Тогда Ивар вместе с Тонкими людьми выбрал другое поле для Вещей, после чего они стали готовиться к отплытию в Упсалир.

ГЛАВА XXI

ВИЗИТ ИВАРА В ИНГВИ

Сигрлин очень хотела, чтобы Ивар появился на играх и перед дочерьми херсира Свитиода так, как подобает его званию и богатству. Несколько месяцев она готовила его наряд. Ивар и сам хотел, чтобы у него были лучшие одежды и оружие, ведь мужчины, отправляющиеся на

игры или в Чертог, носят самые лучшие одежды и оружие. Когда все было готово и еще не упаковано, мать позвала его и попросила посмотреть на свой наряд.

Сначала она показала ему плащи, или, скорее, мантии; они были сделаны из тканых материалов, привезенных с Каспия, и стоили очень дорого. Их носили через плечо, и только люди высокого происхождения; по форме они были похожи на *палудаментум*, военный плащ римлян, или *хламиду* греков; они были знаком достоинства и чести и скреплялись самыми дорогими брошами. Они были пестрых оттенков - зеленые, красные, синие, алые, пурпурные - и окаймлены широкой тесьмой разных цветов или кружевом; эти мантии были самой красивой и дорогой частью наряда Ивара. Норсмены очень гордились ими. Были также плащи от дождя и пыли.

Нижнее белье из шелка и льна - жилеты, нижние рубашки, кальсоны; шелковые, льняные и шерстяные рубашки были похожи на наши, но без воротников. Шерстяные рубашки были разнообразных узоров и расцветок. Рубашек также было много; они были длиннее рубашек, из шелка, льна и шерсти. Они надевались поверх рубашек, носились рядом с цепным доспехом и немного ниже его. Было также много пар штанов; они были из шерсти, почти в обтяжку, носки и ноги были единым целым.

Ивар поблагодарил мать за заботу, с которой она подобрала ему наряд, - более продуманного и дорогого и быть не могло. Он сам выбрал оружие, которое должен был взять с собой, ведь викинги ничем так не гордились, как своим оружием. Его оружие не имело себе равных по красоте и качеству. Цепные доспехи, или "брыни", были чудесами мастерства, а один из них был золотым; лезвия мечей и саксов были прекрасно дамастрированы, рукояти украшены золотом, ножны также украшены золотом; щиты были оправлены в золото и украшены великолепными рисунками, изображающими воинские подвиги великих викингов.

В богатом ассортименте были кожаные пояса с пряжками из золота, инкрустированными драгоценными камнями. Некоторые пряжки были покрыты эмалью красного, зеленого, синего и черного цветов. Норсмены преуспели в искусстве эмалирования. В специальном ящике хранилась большая коллекция брошей для застегивания мантии.

В его туалетной шкатулке хранились расчески, щипцы для ушей и пинцеты из золота.

Но самым драгоценным украшением были крепления его цепных доспехов. Они были из бронзы, покрытой золотым листом изысканной работы.

В центре одной из застежек находилась розетка, окруженная девятью головками, но другой круг отличался богатством рисунка, в котором художник проявил свое величайшее мастерство и вкус. В нем было четыре розетки на равном расстоянии друг от друга; между каждой из них находилась фигура человека в сидячей позе, которая, возможно, представляла Эгира, бога моря. Каждая фигура была окружена рыбами, утками разных размеров и т. д.

Его снаряжение для верховой езды не могло сравниться по красоте: стремяна были из серебра, инкрустированные золотом; шпоры - из чистого золота, украшенные изысканной филигранной работой; уздечка - цепь из позолоченной бронзы.

Все, кто должен был ехать с ним, тоже были одеты с великой пышностью, а их снаряжение и оружие должны были соперничать с оружием самых богатых людей страны.

Флот драконьих кораблей, доставивших Ивара и его дружину в Свитиод, был лучшим из кораблей Готланда, и не было более красивых в землях викингов. Их красно-золотые драконы сияли как огонь, когда на них светило солнце, а некоторые из них были так украшены, что казалось, весь их корпус был из золота. Они несли красивые полосатые паруса разных цветов, среди которых преобладали красные и синие полосы. Их вымпелы и штандарты были вышиты золотом. Щиты, которые должны были висеть снаружи, вдоль бортов, имели золотые ободки и были окрашены в желто-черный или красно-белый цвет, так что их эффект, когда они лежали рядом, перекрывая друг друга, был очень поразительным.

За флотом следовали пятнадцать провиантских кораблей. Два из них везли превосходных лошадей, которых Ивар намеревался подарить херсиру из Свитиода, ведь Готланд славился своей породой лошадей. Среди лошадей были породистые жеребцы темно-каштановой масти. Ивар должен был подарить ему также новый корабль-дракон, обшитый тонким золотом выше ватерлинии.

К Ивару присоединились Хьялмар, Сигурд и Сигмунд, каждый со своим красавцем-скидом.

После неспешного плавания флот увидел берега Свитиода и вскоре прибыл к фьорду, ведущему к озеру Малар. Самые быстрые суда спустили паруса, бросили якорь и стали ждать отстающих, а когда они оказались в поле зрения друг друга, щиты были вывешены у бортов каждого судна. Щиты мира были подняты, и было видно, как штандарты разных викингов грациозно развеваются на ветру. На ночь флот остался на якоре, а на следующее утро прозвучали сигналы, чтобы поднимать якоря и двигаться вперед. Ветер был попутным и свежим, и, пока корабли плыли, они миновали множество маленьких деревушек, приютившихся в укромных уголках живописного берега. Рабы в белых одеждах обрабатывали землю или рубили деревья, которые должны были использоваться для строительства домов или судов. Урожай был собран, и рожь, ячмень и овес все еще лежали на полях. Все было спокойно, но за этими холмами и лесами жили свиары, или суэоны римлян и их сородичей, - самые храбрые и смелые люди, с которыми когда-либо сталкивалась Римская империя.

Фьорд, ведущий к озеру Малар, в те времена имел примерно такой же вид, как и сегодня. Гранитные стены защищали их от дочерей Эгира и Рана. Остров за островом тянулись вдоль берега и входа в фьорд, а берега во многих местах были покрыты лесами и перелесками из гигантских дубов и сосен, и некоторые из них, ставшие свидетелями описанных мною сцен, до сих пор можно увидеть то тут, то там. Когда наступил вечер, прозвучали сигнальные трубы, призывающие суда бросить якорь на ночь.

На следующее утро, на рассвете, корабли снова отправились в путь. Путешествие близилось к концу, вот уже вошло в озеро Малар, показался старый город Сигтуна, и вскоре после этого они в последний раз бросили якорь.

Тогда Ивар, два его дяди, три приемных брата и высокородные люди, которые последовали за ним, сошли с кораблей и высадились на берег. Все они были великолепно одеты. Ивар накинул на плечи великолепный красный плащ, и его последователи тоже. Эти плащи были настолько длинными, что под ними не было видно мечей. Они сели на своих лошадей, которых отправили на берег. Они медленно ехали, держа ястребов на плечах или на запястьях. Ястреба Ивара звали Хаброк, и он был очень знаменит тем, что умел ловить крупных птиц и зайцев.

Каждый мужчина в этой свите выглядел воином: усы, которые могли носить только высокородные, придавали им воинственный вид, волосы изящно свисали на шею из-под блестящих шлемов. Ивар носил золотой шлем.

Дозорные на башнях в Упсалире заметили приближение Ивара и его отряда и сообщили Ингви об их приближении, сказав ему: "Там сверкают в лучах солнца шлемы, великолепные щиты и кольчуги, топоры и копья. Мужчины выглядят очень доблестно. Это, должно быть, кто-то из твоих гостей, и, судя по их повадкам, они высокого происхождения".

Люди наблюдали за ними, пока они ехали к Упсалиру. Когда они подъехали к воротам, то остановились и, открыв их, въехали на большую площадь, или город, и направились к большому пиршественному залу, сели возле дверей и вошли внутрь.

Ингви сидел на своем высоком сиденье и с великой вежливостью принял Ивара и его сородичей и воинов и велел ему в знак почета сесть на второе высокое сиденье. Ингви был среднего роста; он носил длинную, ниспадающую, белую бороду, ибо был в том возрасте, когда херсиры носили бороды, а не усы; у него были глубокие голубые глаза и благожелательное выражение лица, а одет он был в длинный, ниспадающий халат большой красоты, расшитый по всему периметру золотом. Некоторое время он пристально смотрел на Ивара. О чем он думал, никто не мог сказать; но, вероятно, он пытался разгадать характер сына Хьорварда, своего родственника. Возможно, он также считал, что одна из его дочерей могла бы стать хорошей парой, выйдя замуж за сына Хьёрварда.

Ивар был высок и силен; его телосложение, благодаря постоянным тренировкам в атлетических играх, было превосходным. Черты его лица были правильными, щеки довольно рельефными, нос - аквилонским, глаза - красивейшего темно-синего цвета, которые, когда смотрели на вас, казалось, искали ваши сокровенные мысли, а длинные волосы были светлыми и шелковистыми.

Вечером был большой пир и питье, но дочери Херсира из Свитиода не появлялись.

Чудесен был Упсалир, и не удивительно, что слава о нем распространилась далеко и широко, ибо это был самый красивый город во всех северных землях. Здания и дома, выходившие на огромный четырехугольник, который они окружали, представляли собой необыкновенное зрелище; здесь были дома с деревянными стенами, выдержавшими вековые бури, некоторые из них, как считалось, были построены самим Фреем. Какие огромные дубы и ели использовались при строительстве этих зданий! Бревна настолько затвердели от смолы, впитавшейся в волокна дерева, что казались несокрушимыми. На внутреннюю отделку многих из этих строений не жалели золота и серебра; лучшие архитекторы и художники того времени трудились над их строительством, украшением и резьбой. Многие из этих домов выглядели очень странно и фантастично, они были построены в том же стиле, что и дома в Дампстадире, но более раннего времени.

Среди этих строений было одно, прекраснее всех остальных; это был большой банкетный зал, прославившийся на весь Норселанд благодаря своему великолепию, размерам и своеобразному внешнему орнаменту из горгулий. Две двери, ведущие во внутренние помещения, представляли собой изумительные образцы резьбы. На дверных косяках были изображены различные церемонии, сопровождающие похороны Бальдра, согласно норвежским поверьям, а каждую дверь украшал тяжелый золотой стук.

Сам зал был великолепен; стены украшала резьба, изображавшая жертвоприношение Одину и множество других религиозных сюжетов. Вдоль стен висели щиты, все они были украшены золотом и красивыми узорами, многие из которых рассказывали о великих деяниях героев расы. Они были собраны каждым последующим правителем Свитхода или

подарены им самыми известными кузнецами того времени. Там, где не было резьбы, висели гобелены, вышитые в основном дочерьми и женами херсиров, правивших в Упсалире. На одном гобелене были изображены скользящие по воде корабли с драконами, украшенными золотом, а на другом - тело мужчины в военном костюме, готовое к высадке на берег. Многие гобелены изображали сцены охоты с собаками или ястребами.

Коллекция греческого стекла, собранная разными правителями, - чаши, кубки, мензурки и рожки для питья - была изысканной. Здесь были кубки с греческими надписями; красивая чаша из стекла цвета сапфира была частично окружена тонкой открытой серебряной работой, показывающей цвет стекла за ней. Все эти предметы свидетельствовали о высоком вкусе и утонченности тех, кто их собирал, и говорили о высокой цивилизации тех времен на Севере. Здесь было множество римских и греческих бронзовых сосудов самых изящных форм, демонстрирующих лучшие достижения римского и греческого искусства в этой отрасли промышленности. Некоторые из этих сосудов были рифлеными по бокам, а крепления ручек изображали крылатые женские головы, львов или другие изящные фигуры. На одной из таких ваз была латинская надпись, выполненная серебряными буквами. Тут и там были разбросаны римские и греческие статуэтки из бронзы, мужские и женские.

Но больше всего Ингви ценил коллекцию римских монет до Августа, времен республики; они были отчеканены патрицианскими семьями и свидетельствовали о том, что свиары совершали путешествия в Средиземноморье и набеги на его берега задолго до нашей эры. Показав их Ивару, Ингви сказал: "Многие из наших сородичей похоронены на Средиземном море, ибо во времена этрусков они торговали там, и их могилы и по сей день можно увидеть в той стране, и их легко узнать, ибо они в точности похожи на те, что встречаются в Норсельландах".

Среди ценных предметов с севера были два больших и превосходных рога для питья, сделанные из золотых полос, с фигурами в технике *релуссе*, со странными мифическими изображениями, среди которых были трехголовые люди, щиты, мечи, рогатые люди, люди на лошадях, звезды, свиньи, змеи, рыбы, олени и другие животные. Каждый из этих рогов весил от семи до восьми фунтов. Были и другие сосуды из серебра с красивой золотой резьбой по ободу, изображавшие оленей, птиц и животных, которые были греческого или римского происхождения.

В этом зале давались самые роскошные развлечения, но только по большим праздникам, когда приезжали с визитом могущественные вожди или когда происходила свадьба. Тогда вечером при свете тяжелых восковых свечей скальды рассказывали о деяниях предков и великих воинов рода, а старые и мудрые наставляли в мудрости тех, кто находился рядом. Высокие сиденья были из золота. Над высоким сиденьем Ингви висел его меч с мирными полосами вокруг него; под ним были его шлем и щит.

Неподалеку от Упсалира находились площадки "идроттир", или атлетические поля, - место, известное на всем Севере. Название *idrottir* применялось ко всем телесным и умственным упражнениям. Мужчины практиковали там все виды игр и гимнастических упражнений.

Самые важные игры проходили весной, перед тем как мужчины уходили в походы викингов, и осенью, когда они возвращались домой. И стар и млад с одинаковым нетерпением ждали этих состязаний. Когда корабль стоял на якоре у берега, команда всегда высаживалась на берег, чтобы поиграть в игры; ни одна возможность не была упущена, если случай позволял им попрактиковаться. Завоевать первенство в хераде считалось большой честью, но еще большей честью было завоевать первенство в нескольких херадах, когда много мужчин были поставлены друг против друга. Но состязание, которое должно было состояться за

первенство всех Норсельландов, было гораздо более масштабным и должно было стать памятным событием в жизни тех, кому предстояло стать его участниками.

ГЛАВА XXII

ПОЭТЫ И ЧЕМПИОНЫ ИНГВИ

Ингви собрал вокруг себя величайших чемпионов северных земель. Когда воин добивался большой славы и первенствовал в какой-нибудь игре на силу или ловкость, или был великим берсерком и одерживал победу над каким-нибудь прославленным воином, он отправлялся в Упсалир, ибо херсир Свитиод был гостеприимен, либерален и щедро одаривал своих людей золотом. Никто никогда не раскаивался в том, что служил ему или шел за ним в бой. Некоторые из кладовых, где хранились его богатства, были буквально забиты золотом и серебром, прекрасными мечами и красивым оружием, дорогими одеждами и плащами и другими вещами, которые должны были раздаваться тем, кто верно служил ему или приходил к нему в гости, ибо было принято никогда не отпускать гостя с пустыми руками. На него постоянно работали лучшие златокузнецы страны.

Ингви, как это было принято у великих херсиров, держал при себе двенадцать чемпионов. Каждый из них был знаменитым берсерком, и херсир Свитиод гордился тем, что его чемпионы были самыми сильными, ловкими и умелыми воинами в стране, хотя время от времени приходил новый человек и показывал, что никто не может быть лучшим во всем.

Когда берсерки бывали в Упсалире и приходили в зал, они первым делом шли и приветствовали Ингви, а затем подходили к каждому незнакомцу и спрашивали, считает ли он себя равным им; и если кто-нибудь осмеливался сказать, что да, то их гнев и желание драться возрастали.

Они начинали хмуриться и кричать, громко обращаясь к человеку: "Смеешь ли ты сражаться с нами? Тогда тебе понадобятся не только громкие слова и хвастовство. Мы испытаем, что в тебе есть".

Но если Ингви вмешался, сказав: "Эти люди - мои гости, они пришли ко мне", то драки не было. Большинство из них в мирное время разъезжали по стране и вызывали людей на поединок, если те не выполняли их волю, или отправлялись в экспедиции в дальние страны, чтобы собрать богатство.

Когда они находились только со своими людьми и на них накатывала ярость, они, как я уже говорил, уходили и боролись с деревьями или камнями, иначе в бешенстве они убивали своих друзей, ибо в таком состоянии они теряли рассудок; но в повседневной жизни с ними было не так уж плохо общаться, если их не обижали, хотя они были очень властны, если на кону стояла их гордость или слава. Все берсерки Ингви пили кровь волков и ели их сердца, чтобы стать бесстрашными, и очень преуспели в этом, потому что их боялись и страшились повсюду; но время от времени им попадался человек, равный им, и они вынуждены были принимать его в содружество с собой.

Они дали обет никогда не бегать от огня; и про них рассказывали, что однажды, когда они гостили в деревне у Ингви, веселье было таким хорошим, а выпивка такой крепкой, что они крепко уснули, а потом какой-то враг поджег зал.

Один из чемпионов проснулся первым и, увидев, что зал почти полон дыма, воскликнул: "Сейчас он задушит наших ястребов", - и снова лег спать.

Затем другой увидел, что зал горит, и сказал: "Сейчас с наших саксов упадет воск", - и снова лег.

Когда же Ингви проснулся, он встал, разбудил воинов и велел им вооружаться. Они бросились на стены с такой силой, что ломались бревна, и тут на них нахлынула ярость; но те, кто поджег дом, убежали, и сражаться было не с кем, поэтому они боролись с деревьями и камнями, пока длилась их ярость.

Ингви много думал о своих берсерках и позволял им большую свободу действий, ибо знал, что в жизни для счастья нужно не замечать многих вещей, и знал их нрав. Они, в свою очередь, очень любили его, и каждый был готов по его приказу потерять за него жизнь; но правители, у которых были хорошие чемпионы, очень стеснялись рисковать своей жизнью без необходимости. Одним из его любимых чемпионов был Свипдаг, и путь его к нему был таков: Его отец, бонди Свип, жил вдали от других людей; он был богат, был одним из величайших чемпионов и вовсе не был таким, каким казался, так как знал многое и был очень мудр. У него было три сына: Свипдаг, Гейгад и Хвитсерк, который был самым старшим; все они были умелыми, сильными и красивыми мужчинами.

Когда Свипдагу исполнилось восемнадцать зим, он сказал однажды отцу: "Скучна наша жизнь здесь, в горах, в дальних долинах и необжитых местах, где люди никогда не ходят в гости и не принимают гостей; лучше бы нам отправиться к Ингви и следовать за ним и его поборниками, если он примет нас".

Свип, который хотел отговорить его от этого, ответил "Я не думаю, что это целесообразно, ибо его люди ревнивы и сильны".

Свипдаг ответил на это: "Человек должен чем-то рисковать, если хочет добиться славы; он не может знать, прежде чем попытается, когда удача придет к нему".

В конце концов отец дал ему большой топор и сказал сыну: "Не будь жадным, не хвастайся, ибо это создает плохую репутацию; но защищайся, если на тебя нападут, ибо великий человек должен мало хвастаться и хорошо вести себя в трудностях".

Он также дал ему хорошую военную амуницию и хорошего коня.

Затем Свипдаг поскакал и ночью приехал в Упсалир; он увидел, что снаружи зала идут игры; Ингви сидел на большом золотом стуле, а рядом с ним были его берсерки. Когда Свипдаг подъехал, ворота бурга были закрыты, потому что тогда было принято просить разрешения въехать; Свипдаг не стал утруждать себя, силой открыл ворота и въехал в город.

Тогда Ингви сказал: "Этот человек едет сюда безрассудно, так как раньше такого не было. Возможно, он обладает большой силой и не испытывает страха".

Берсерки сразу же очень рассердились и решили, что он слишком самоутверждается. Свипдаг прискакал к Ингви и отсалютовал ему умелой рукой. Ингви спросил, кто он такой, и тот ответил: "Я сын бонди Свипа".

Тогда Ингви быстро узнал его, и все решили, что это великий и высокородный чемпион. Поединки продолжались, а Свипдаг сидел и смотрел на них. Берсерки сердито смотрели на него и говорили Ингви, что хотят испытать его; Ингви отвечал: "Я думаю, что силы у него не мало, но я хотел бы, чтобы вы проверили, такой ли он человек, каким себя считает".

Когда все вошли в зал после окончания игр, берсерки подошли к Свипдагу и спросили его, чемпион ли он, раз так себя выставляет. Он ответил, что он такой же великий чемпион, как и все они. При этих словах их гнев и желание сражаться возросли, но Ингви велел им замолчать в этот вечер; они стали хмуриться, громко завыли и сказали Свипдагу: "Смеешь ли ты сражаться с нами? Тогда тебе понадобится нечто большее, чем твоя хвастливость. Мы испытаем, сколько в тебе силы".

Свипдаг ответил: "Я согласен биться по одному, а там посмотрим, можно ли сделать больше".

Утром начался большой поединок, и не было недостатка в тяжелых ударах. Новоприбывший умел владеть мечом с большой силой и мастерством, и берсерки сдались. Свипдаг убил одного, а затем другой захотел отомстить за него. Ингви остановил бой и заключил между ними мир, а затем заставил их поклясться в приемном братстве, после чего сказал Свипдагу: "Великую потерю причинил ты мне, убив одного из моих берсерков, но я вижу, что ты можешь с лихвой заменить его, и отныне ты будешь одним из моих телохранителей".

Но из всех своих телохранителей и людей Ингви больше всего ценил своих скальдов; их ставили на второе высокое сиденье, когда не принимали посторонних, чтобы он мог их видеть. Одним из них был Одун, Сатирик, названный так потому, что он читал и сочинял только сатирические песни; он был самым старым бардом и был скальдом отца Ингви. Но самым большим его скальдом был Хальдор, который не отличался быстротой речи, когда говорил прозой, но поэзия давалась ему очень легко, и он всегда отвечал стихами, и песни лились из него так быстро, как только он мог думать. Все скальды Ингви были также знаменитыми воинами, и когда он отправлялся на войну, они всегда находились в его щитовом дворце, смотрели на него и пели хвалу самому доблестному из них.

ГЛАВА XXIII

Три прекрасные дочери Ингви

Три дочери Ингви славились по всем северным землям своими достижениями и красотой; старшую звали Астрид, вторую - Рандалин, а младшую - Гуннхильд. Рандалин, "Долина Рана", была названа в честь Рана, богини моря; Гуннхильд - в честь двух валькирий, Гунна и Хильд. В те времена было принято делать одно имя из двух. Астрид было двадцать два, Рандалин - двадцать, а Гуннхильд - девятнадцать лет.

Астрид была так красива, что мудрые люди страны говорили, что она - самая прекрасная дева во всех северных землях. Ее волосы были такими длинными и густыми, что ими можно было покрыть все тело; они были тонкими, как шелк, и имели цвет янтаря с оттенком золота. Она была несколько выше среднего роста и обладала изящной и стройной фигурой; на ее плечах покоилась чрезвычайно красивая голова; черты ее лица были совершенны, нос -

греческой формы, как у ее предков, а глаза - мягкие и мечтательные, глубокого синего цвета, очаровательно контрастировавшие с ее чистым и свежим цветом лица; Цвет ее щек имел тот изысканный, нежно-розовый оттенок, который переливался в ее белой коже, такой же нежный, как цветки яблони на молоке или оттенки самой прекрасной гвоздики; ее зубы были настолько ровными, что казались рядом жемчужин между двумя прекрасными вишневыми губами; ее руки были стройными, не слишком маленькими, а ее ноги были в совершенной пропорции к ее размеру, с высоким голенищем; и ноги, и руки демонстрировали характерную элегантность поколений богатства и культуры. Ее походка была достойной для девушки ее возраста, и ко всем ее прелестям добавлялся сладкий и мягкий голос, без которого ни одна женщина не совершенна.

Рендалин была среднего роста, несколько крепче Астрид, с хорошо сложенным телом, что объяснялось постоянными физическими упражнениями, так как она любила ездить верхом и гулять. Черты лица у нее были как у отца, и во многом она была похожа на него. У нее были такие же голубые глаза, но щеки более румяные, чем у старшей сестры. Она была очень развита и образованна, а говорить по-гречески ее научила одна из ее бондарей, попавшая в плен в Греции. Она любила общество мудрецов и скальдов и восхищалась, прежде всего, доблестью в мужчинах. Внешность для нее была ничем без мужества, достижений и хороших манер.

Гуннхильд, младшая дочь, была такого же роста, как и ее старшая сестра. У нее были густые каштановые волосы с темными прядями. У нее были голубые глаза, которые, по словам людей, были точно такими же, как у ее матери. Нос у нее был прямой, рот маленький, и когда она говорила или улыбалась, то показывала два ряда красивых мелких зубов; летом на солнце ее цвет лица легко подрумянивался, и розовые щеки казались еще красивее сквозь потемневшую кожу. Она была самой кокетливой из всех сестер, чрезвычайно живой и остроумной, и любила, чтобы мужчины, молодые и старые, пленялись ее ногами. Она умела заставить последнего мужчину, с которым разговаривала, поверить, что он - фаворит; но, хотя за ней много ухаживали, она не знала, что такое любовь, и не смогла бы полюбить, даже если бы попыталась.

У этих трех сестер были очень аристократические манеры. Казалось, они были рождены, чтобы править, и во всех отношениях происходили из высшего рода и были дочерьми Герсиров. Они были так красивы, что люди верили, будто Норнир при их рождении предназначил им быть самыми прекрасными среди прекрасных дочерей земли, а также наделил их всеми прелестями, очарованием и достижениями, которые делают женщин привлекательными для мужчин и приводят самых храбрых, самых высоких и самых интеллектуальных в плен к их ногам, а их самих - в добровольные рабыни. Их присутствие на играх всегда побуждало игроков к большим подвигам, скальды становились более вдохновенными, а каждый гость старался изо всех сил быть первым в их благосклонности.

Многие великие воины, сыновья могущественных герсиров и передовики во всех видах атлетических игр, предпринимали смелые и опасные походы в Римской империи и других странах, вызывали на бой величайших чемпионов страны и совершали подвиги, отличавшиеся доблестью и отвагой, чтобы их подвиги воспевали скальды перед дочерьми херсира из Свитиода, ибо они считались величайшей наградой в землях викингов, и никто, кроме тех, кто принадлежал к роду Одина, не мог претендовать на то, чтобы стать их мужем. Ни один сын вождя еще не дерзнул просить одну из них в жены, ибо все боялись, что они не совершили достаточно доблестных подвигов, чтобы надеяться завоевать их сердца, ведь в мире не было ничего, чем бы викинги восхищались больше, чем очаровательными женщинами; для всех они были душой рыцарства.

Эти три сестры жили в своем скемме, или беседке. Там они шили, вышивали и занимались другим рукоделием, прибегая к помощи своих свободных служанок или бондвумен; там же они принимали своих друзей.

У каждого из них было несколько кабальных женщин, к которым они были очень привязаны и которых считали частью семьи. Они были захвачены в плен вместе с родителями в юном возрасте; две из них были родом из Британии, две - с северных берегов Галлии, а две - из Средиземноморья. Одна из них была дочерью гражданина Рима, а другая - гречанкой.

Астрид вела хозяйство отца с тех пор, как два года назад умерла ее мать. Она занималась варкой эля и соревновалась с другими женщинами из высшего рода, кто сварит лучший эль; она гордилась тем, что тклет тончайший лен и прядет лучшую шерсть для одежды.

По какой-то причине сестры не появлялись в зале со времени приезда Ивара, и те, кто никогда не бывал в Упсалире, с большим любопытством смотрели на них; каждый день множество глаз обращалось к их беседке, пытаясь разглядеть их прекрасные формы. Мужчины одевались во все лучшее, подравнивали усы, тщательно укладывали длинные волосы и тщательно следили за своим туалетом, когда выходили на улицу, чтобы не быть замеченными, если вдруг им доведется встретить трех сестер.

Скемма, в которой жили три дочери херсира из Свитиода, была очень красивым домом, к которому примыкали другие. На нижний этаж можно было попасть через красивое остроконечное крыльцо, украшенное изящной резьбой; дверь вела в большую будничную комнату, где стояло несколько ткацких станков и прялок. Здесь также принимали пищу, и вдоль стен стояли полки, на которых красовались красивые блюда, рога для питья, кубки и столовые принадлежности. Кроме того, на этом этаже были и другие большие комнаты, одна из которых служила для шитья и вышивки. На верхний этаж можно было попасть по лестнице, ведущей на веранды, с которых можно было попасть в спальни.

У Астрид была своя спальня, а Рендалин и Гуннхильд спали в другой комнате. Их кровати стояли вдоль стен, а между ними находился большой шкаф, глубина которого равнялась ширине кроватей; чтобы скрыть кровати, были повешены тяжелые самодельные шерстяные занавески яркого цвета, которые очень украшали комнату. К каждой кровати вели две ступеньки. Столы, резные стулья, буфеты, передвижные шкафы с искусной резьбой составляли мебель этих спален.

Несколько небольших комнат на этом этаже были полностью отданы под гардероб трех сестер, в них стояло несколько больших деревянных расписных сундуков, в которых хранилось множество различных вещей.

В одной из комнат хранились их платья. Здесь висели их "slœdurs", или праздничные платья, с длинными шлейфами; их надевали только на большие праздники. Многие из них были из парчи или дорогих шерстяных тканей, расшитых золотом и серебром. Эти праздничные платья были очень широкими, а рукава доходили до запястий. Талию обычно украшал красивый пояс из золота, к которому подвешивался мешочек, часто расшитый золотом, для колец и других драгоценных украшений.

Напротив них висели киртлы, или повседневные платья, которые были намного короче праздничных и, как правило, были из льна или шерсти и с разнообразными узорами.

Мантии были разных видов. Самые тонкие из них назывались "скикья" и "моттул". Их, как и мужские плащи, могли носить только женщины высокого происхождения. Они были без рукавов, обычно застегивались на шее красивой и дорогой брошью или ценными крючками.

Они были разных цветов - красные, коричневые, пурпурные, синие - и украшались широкой тесьмой или кружевами по краям. Были и другие плащи, использовавшиеся зимой, подбитые различными видами меха. В меньшей комнате хранилось их льняное и шелковое белье.

В изысканных маленьких шкатулках с золотыми петлями хранились драгоценности; некоторые из этих шкатулок были сделаны из дерева и украшены красивой резьбой; в них хранились длинные заколки для волос, чтобы скреплять их, когда они уложены в большой узел на затылке. Некоторые из этих заколок были из золота, другие из серебра, украшенные золотыми навершиями с различными рисунками; были также диадемы из золота, некоторые с концами, заканчивающимися змеиными головами, на которых имена владельцев были написаны руническими буквами; многочисленные ожерелья из золота, некоторые из золотых стержней, украшенных полумесяцами. Золотые римские монеты с петельками прикреплялись к золотым цепочкам для ношения на шее. Были и другие подвески из золота изысканной филигранной работы. Браслетов было много, и они были выполнены в различных узорах, некоторые из них были настолько изящны, что даже сегодня ни один ювелир не смог бы превзойти их. Многие из них имели спиралевидную форму. Два таких браслета за их красоту назывались "свиагрис" и "хнитуд", и ни один ювелир не мог с ними сравниться. Они были реликвиями в семье на протяжении многих поколений. Коллекция золотых и мозаичных бусин представляла собой нечто необыкновенное. Мозаики были прекрасны и выполнены с большим мастерством. Кроме того, здесь были хрустальные шары удивительной чистоты, с греческими надписями, и янтарные бусы. Золотые пуговицы для рукавов и крючки с разнообразными узорами лежали вместе в большой чаше.

Наиболее примечательны были броши; некоторые из них были очень старыми и находились в семье на протяжении нескольких поколений. Среди них были крестообразные фибулы из бронзы, заканчивающиеся головами лошадей или других животных; круглые и другие в форме "свастики", своеобразного креста, знак, который можно увидеть среди реликвий Трои, а сегодня - на подножии образа Будды в Индии. Многие другие были круглыми, из бронзы, покрытые листом золотого *рельефа*, на котором были изображены прекрасные узоры. Были и другие броши, полностью из золота или позолоченного серебра, с различными узорами.

Но самыми прекрасными из всех украшений были золотые "прицветники". Их носили, повесив на грудь. Они были круглой формы и сильно различались по размеру - от одного дюйма в диаметре до семи и восьми дюймов, были из чистейшего золота, очень тонкие и отличались оригинальностью и своеобразием рисунка.

ГЛАВА XXIV

ГОСТИ ХЕРСИРА ИЗ СВИТИОДА

В это время к дочерям херсира Свитиода приехало много их молодых родственниц. Они приехали в летние месяцы, получив приглашение присутствовать на играх. Среди них были Тора, дочь одного из великих херсиров, правившего одним из крупнейших херадов

Гардарики; Альфхильд, дочь одного из херсиров Хольмгарда, чье королевство вместе с Гардарикой составляло большую часть того, что сейчас известно как Европейская Россия.

Хильдигунн была дочерью могущественного херсира острова Фюнэн, почти равного по силе херсиру Зеландии. Рандгрид, Гейрлауг, Ингегерд и Сигрид также были дочерьми великих херсиров.

Одной из самых красивых и умных их родственниц была Торни. Предыдущей весной ей исполнилось восемнадцать лет. Ее большие ореховые глаза были полны поэзии и огня, и когда она смотрела на человека, казалось, что она читает самые сокровенные мысли его разума. Ее широкий лоб свидетельствовал об интеллекте, а голову украшала масса светло-каштановых волос. Когда она улыбалась, то демонстрировала завораживающий набор жемчужных зубов. Она была полна жизни и не стеснялась говорить, что предпочитает мужское общество женскому.

На третий вечер, когда мужчины из высшего рода собрались в большом пиршественном зале и расселись по своим местам, в зал вошли Астрид, две ее младшие сестры и все их женские гости. Ропот восхищения встретил их, и неудивительно: ведь никогда еще на памяти старейших мужчин не случалось, чтобы в Упсалире одновременно находилось столько высокородных и прекрасных дев, дочерей вождей, правивших могущественными королевствами, и родственниц Одина. Это было, несомненно, самое большое собрание мужчин и женщин, о котором кто-либо помнит. Там был весь женский род, и все рыцарское и храброе, что было в стране, тоже приехало.

Каждая дева держала в руке золотой рог для питья, наполненный медовухой, элем или вином, и предлагала его гостям. После этого воины по жребию определили, где им сидеть, и повезло тем, кому выпал жребий, позволивший им оказаться рядом с девами. Ивару досталась в спутницы Рандалин, Хьялмару - Астрид, Сигурду - Сванхильд, Сигмунду - Сольвейг. В течение вечера они много говорили друг с другом и радовались своей удаче; все они надеялись, что им еще раз выпадет такой же шанс, настолько они были довольны друг другом.

Впоследствии случилось так, что почти всегда у четырех приемных братьев в спутницах были одни и те же девицы, что привлекло всеобщее внимание, и, поскольку они так наслаждались обществом друг друга, многие стали думать, что в течение года между ними состоится не одна свадьба.

За день до начала игр Астрид приснился сон, в котором ей явился ее Дисир. У каждой семьи в этих Норсельских землях, как и у этрусков и римлян, были свои духи-хранители. Их вера и поклонение им в чем-то схожи с верой и поклонением ларам и пенатам у римлян. Предполагалось, что Дисир следит за каждым отдельным членом семьи. Они считались представителями ушедших, и в случае опасности часто являлись во сне, чтобы вовремя предупредить. Они всегда появлялись в виде женщин.

Астрид приснилось, что, стоя у своего дома и глядя на море, она увидела женщину, которая шла по волнам и направляла свои шаги к дому. Она была так высока, что казалась высочайшими горами. Астрид пошла ей навстречу и пригласила пройти в свой дом.

Усадив гостью, она сказала: "Ты, Астрид, и две твои сестры должны быть очень осторожны на играх, чтобы не влюбиться в сыновей великого берсерка, которые едут в Упсалир".

Затем она увидела двенадцать орлов, разрывающих плоть мужчин. Тогда высокая женщина велела ей хорошо принять Ивара и его приемных братьев; сказав это, она поднялась и, собираясь уходить, сказала: "Я и впредь буду защищать тебя и твою семью. А теперь мы расстанемся на некоторое время. Счастливо оставаться".

В этот момент Астрид проснулась. Она была очень обеспокоена этим сном и отправилась к Торхалле, женщине, которая считалась очень мудрой в толковании снов. Подойдя к ее двери, она сказала: "Я хотела бы, чтобы ты объяснила сон, который мне приснился".

Торхалла сказала: "Я не буду слушать твой сон. Уходи как можно скорее в дом Брингирд; она объяснит тебе его".

Астрид удивилась, почему Торхалла не объясняет ее сон, но сделала, как ей велели; и, пройдя довольно долго, она пришла к дому Брингирд и рассказала ей свой сон.

Брингерд выслушал ее очень внимательно и сказал: "Это предвещает великие события. Женщина, которую ты видела, - это твоя Дисир, и она пришла предупредить тебя об опасности. Двенадцать орлов означают двенадцать сыновей яростного Герварда, и много доблестных людей падет на твоём счету".

Вернувшись домой, Астрид рассказала о своем сне отцу и сестрам и приготовилась к жертвоприношению своему Дисиру, или гению-покровителю. Для жертвоприношения Дисиру у сестер был специальный зал рядом с их скеммой, в котором стоял каменный алтарь. В жертву должны были принести двух красивых черных быков и очень красивого любимого коня.

Ивар и его приемные братья, не зная о приготовлениях к жертвоприношению, которые делали три сестры, направились к их беседке, как раз когда они начали приносить жертву и были готовы обогреть алтарь кровью. Когда они приближались к дому, их увидела присматривавшая за ними камеристка и вышла в зал, чтобы предупредить своих господ о приближении посторонних.

Услышав это, Астрид, охваченная тревогой, вышла из дверей и, увидев Ивара и его приемных братьев, воскликнула: "Не ходите сюда, ибо это место свято! Мы приносим жертву нашим Дисирам. Не боитесь ли вы гнева Одина, что осмелились прийти к нам?"

Ивар ответил: "Мы не боимся навлечь на себя гнев Одина, прекрасные девы из Свитиода. Мы готовы отважиться на это ради вас, но мы не станем входить в священные пределы, когда вы приносите жертву".

Сказав это, приемные братья ушли в другом направлении.

Астрид вернулась в комнату, вместе с сестрами покрасила алтарь кровью принесенных в жертву животных и попросила своих Дизиров и дальше присматривать за ними.

ГЛАВА XXV

НАЧАЛО АТЛЕТИЧЕСКИХ ИГР

Наступил день, когда начались "идроттир", или атлетические игры. Все воины и чемпионы, намеревавшиеся принять участие в этих состязаниях, прибыли по суше или по воде. За несколько дней до этого, куда ни кинь взгляд, везде были видны мужчины, тренирующиеся и готовящиеся к играм, а палатки были разбросаны во всех направлениях. В Упсалире находились самые прекрасные женщины и девы всех королевств викингов; они тоже приехали посмотреть на игры. Многие из них были очень красивы, они были дочерьми хаулдов и бондов, владевших обширными землями и соперничавших по могуществу с некоторыми херсирами. Кроме того, здесь было огромное количество простолюдинов, которые всегда собирались по такому случаю. Они брали с собой палатки и провизию и располагались в любом месте, которое могли найти. На рассвете, когда начались игры, на полях Идроттира уже собралась огромная толпа.

Среди дочерей херсиров и высокородных мужчин присутствовали Сигни, Рагнильд, Хельга, Хьордис, Сигрид, Ингебьёрг, Тора, Сигрун, Гудрун, Херборг, Брингерд, Рандгрид, Кара, Торхалла, Бергтора, Гримхильд, Бринхильд, Гудрод, Аста, Хильдирид, Торгерд, Тордис, Ингигерд, Турид, Хунгерд, Халльгерд, Хильдигунн, Асгерд, Ульфхильд, Гида, Тири, Ольрун, Сванхильд, Хрефна.

Женщины всегда были одним из самых интересных зрелищ на играх. Они приходили аплодировать и подбадривать участников, а также побуждать мужчин к максимальным усилиям. Неудивительно, что на играх многие теряли свои сердца, а в течение последующего года обязательно происходили многочисленные помолвки и свадьбы.

При виде их Ивар и все остальные мужчины преисполнялись честолюбия. "Я должен стать чемпионом, - думал каждый, - чтобы эти прекрасные создания могли восхищаться мной". Неудивительно, что такое количество красивых девушек и женщин вызывало у огромной толпы восхищение, ведь перед ними стояли представительницы всего прекрасного, грациозного и совершенного в Норселянде.

Партер из изысканных цветов не мог бы представить более прекрасного зрелища. Они были одеты в свои самые подходящие повседневные или прогулочные платья, которые доходили до щиколоток. Их лбы украшали золотые диадемы, а шеи и руки - золотые ожерелья и браслеты. Их талии опоясывали золотые пояса с разнообразными узорами и изысканной работой, свидетельствующей о вкусе и мастерстве ювелира. Каждая носила свою мантию; они изящно свисали через плечи и были разных цветов, среди которых преобладали красный, пурпурный, синий, коричневый и белый. Все они были в большей или меньшей степени расшиты серебром и золотом и скреплены художественными брошами из золота.

"Какое прекрасное зрелище!" воскликнул Зигмунд. "Посмотрите, приемные братья, на их густые и блестящие волосы!" Здесь были представлены все оттенки белокурого типа - от светло-льняного, янтарного и золотистого до темно-алого и каштанового.

Сигурд, указывая Ивару на девицу с великолепными волосами, сказал: "Посмотри, как роскошно сияют ее золотые волосы на фоне лазури неба. Посмотри на ее глаза; они как глубокая синева моря, которое мы встречаем, когда находимся далеко от суши".

"Посмотри на эту, - сказал Ивар, указывая ему на одну из прекраснейших девиц в этом сонме красавиц. "Видишь ее волосы, свисающие на спину и колышущиеся на ветру; они цвета пшеничного поля, колышущегося на ветру и позолоченного лучами солнца."

"Посмотри на другую, - снова сказал Хьялмар, - ее волосы такие же черные, как у ворона. Ее глаза, кажется, испускают огненные вспышки. Кто-то из рода, от которого она происходит, должно быть, пришел из земли гуннов; я думаю, она из Гардарики". Она была уникальна среди всех, с ее вороными волосами, и этим восхищались, так как светлые оттенки обычно преобладали над темными.

Сигурд сказал: "Братья по вере, видели ли вы когда-нибудь такие глаза, как у тех, что собрались здесь вместе? Они подобны пучку стрел в колчане, готовых метнуть их в нас, бедных смертных, и заставить нас испытать муки любви. Некоторые из них мечтательны, некоторые мерцают озорством, некоторые пронзительны, некоторые так любящи, некоторые так пламенны, что кажется, лучше не возбуждать гнев деви, которая ими владеет. Посмотрите на их цвет - от темно-синего до аметиста и зеленоватого турмалина. Посмотрите на лесные: их всего несколько, но как они прекрасны и поэтичны! Временами они, кажется, посылают вспышки гениальности, а затем мягко возвращаются к своему мечтательному настроению. Глаза можно назвать зеркалом наших мыслей, ибо они рассказывают о нашей любви, печали или гневе".

Среди великих викингов, приехавших побороться за первенство, были Хаки, Старкад, Ингвальд, Сигурд, Бодвар, Хервард, Ингимунд, Хейдрек, Торольф, Халльвард, Асмунд, Агнар, Рагнар, Ходброд, Гуннар, Волсунг, Торвальд, Сиггир, Тордис, Эйнар, Бьёрн, Ульф, Сигмунд, Огмунд, Вемунд, Тормод, Гаутрек, Торбранд, Индриди, Гаути, Викар, Фритьольф, Хрольф, Хьялмтер, Хальфдан, Эйрек Рыжий, Альрек, Оттар, Висбур, Рефиль, Адильс, Ингальд, Хавар, Рандвер, Хогни, Арнвид, Грамматик, Колбак, Йорунд, Арнкель, Скегги, Хромунд, Хорд, Гисли, Торкель, Эгиль, Кетиль, Ингольф, Лейф, Эрлинг, Глум, Огвальд, Вига.

Эти и многие другие мужчины были воплощением всего рыцарского и храброго, что было в Норсельландах. Многие из них провели большую часть своей жизни в море или в чужих землях, завоеывая и сражаясь, повсюду неся с собой победоносные штандарты. Их румяные лица говорили о том, что они - сыны моря, не раз сражавшиеся с дочерьми Эгира и Рана. Многие рассказывали о страшных штормах, с которыми они сталкивались на своих кораблях во время походов по Северному морю, Атлантическому океану или Средиземному морю, и почти каждый мог сказать, что кто-то из их сородичей заходил в зал Рана по пути домой или из дома! Им всем был неведом страх.

Какими великолепными образцами мужественности они были! Лучшие из тех, кого мог показать мир! Спартанцы по внешнему виду, ибо всем слабым при рождении не давали жить. Какие великолепные пропорции были у их тел! Какие крепкие груди и мощные каркасы! Какие мускулы! Ведь их с детства тренировали, занимались атлетическими играми, и все они много жили на свежем воздухе. Многие из них были высокими, но немало было и среднего роста. Несколько человек были низкорослыми. Они часто были самыми выносливыми и ловкими и переносили трудности гораздо лучше, чем их более высокие друзья. Большинство из них были светложими, но у некоторых были темные волосы и бороды.

Ингви с тремя прекрасными дочерьми, множеством юных дев, женами херсиров и хаулдов и другими гостями, прибыв на поле, заняли места на возвышении, откуда можно было наблюдать за игрой.

Астрид была одета в красную, украшенную орнаментом юбку, а поверх нее - алый плащ, украшенный кружевами. Ее длинные светлые волосы спускались ниже пояса. Рендалин была одета в голубую тканую мантию, а под ней - алое платье с золотым поясом. Ее волосы с обеих сторон доходили до талии, а локоны она заправляла под пояс. Гуннхильд была одета в кирту - легкое и короткое платье, облегающее талию, а поверх платья - облегающая синяя куртка.

Среди знатных женщин была и Дрифа, жена херсира острова Зеландия. Она пришла в сопровождении трех своих камеристок. На ней было красное платье, узкое внизу, длинное и облегающее в талии, с длинными рукавами, а вокруг лба она носила ленту из золотой ткани; волосы у нее были длинные и прекрасные. На плечах у нее висел белый, расшитый золотом плащ. Халльгерд, красивая женщина, вдова бывшего херсира острова Фьен, которую очень ждали из-за ее богатства, была одета с большим вкусом, и ее золотой пояс выгодно подчеркивал ее изящные формы.

Ингви, херсиры и многие знатные люди и скальды стояли сами по себе, рядом с ними, и им предстояло быть судьями. Как только Ивар и его приемные братья прибыли на поле, они отправились приветствовать дочерей херсира из Свитиода и всех прекрасных дев, которые были их гостями. Улыбки и поклоны, которые они отвечивали, говорили о том, что комплимент был оценен по достоинству, ведь многие из них покраснели.

Ивар и его приемные братья приветствовали Ингви и других херсиров. Ингви спросил Ивара, много ли он занимается спортом.

Ивар ответил: "Мой приемный отец считал, что я хорошо знаю многие вещи; но я не показывал своего мастерства другим, и думаю, что ты найдешь его незначительным по сравнению с мастерством некоторых людей".

Ивар ответил так, ибо помнил совет, который дал ему отец, что человек с мыслящим умом не должен хвастаться, а должен быть внимателен к своему настроению и остерегаться, потому что язык - бич головы.

Затем все приготовились к предстоящим состязаниям - борьбе, прыжкам, скачкам, бегу, различным играм в мяч, плаванию и воинским упражнениям с копьями, мечами, луками и стрелами.

ГЛАВА XXVI

ВЕЛИКИЕ ПОДВИГИ ИВАРА И ХЬЯЛМАРА

Состязания начинались с борьбы, которая была одной из самых популярных игр. В самом простом виде этот вид спорта заключался в том, что борцы изо всех сил хватали друг друга за руки или за талию и силой своих рук пытались сбросить друг друга с ног.

Против друг друга были выставлены свиарцы и готландцы; первые удерживали первенство уже несколько лет, и Ивар с другими готландцами намеревались вырвать его у них, если удастся. Соперники разделились по жребию на две партии, каждая из которых выстроилась в ряд во главе со своим предводителем. Они должны были разделить своих людей на пары и

бороться на арене, между двумя рядами, друг за другом. Сторона Ивара была слабее - у нее было на два человека меньше, поэтому двух человек отрядили со стороны святоруссов.

Перед началом каждый мужчина сбрасывал верхнюю одежду, чтобы быть более свободным и ловким, и оставлял лишь легкий покров. С первого взгляда можно было увидеть, как ранние гимнастические и атлетические тренировки повлияли на тело: широкая грудь, сильные и мускулистые конечности были главными характеристиками каждого мужчины.

Толпа с огромным нетерпением следила за предварительными соревнованиями. В состязании должны были принять участие по двадцать два человека с каждой стороны. Борьба была довольно равной: то падал человек со стороны свиаров, то со стороны готландцев. Временами борьба между бойцами была очень жесткой, и зрители с большим интересом наблюдали за тем, как расширяются или сокращаются мышцы соперников.

Победу одержал четвертый, а затем и последний человек со стороны свиаров, который отбросил трех последних мужчин, кроме одного из готландцев, и Ивар остался единственным борцом. Долго боролся он со своим противником, пока наконец свиар не пал. Тогда Ивару пришлось бороться с тремя остальными, и он повалил их одного за другим, когда великое ликование, подобное раскатам далекого грома, приветствовало его победу, и его приемные братья пришли поздравить его с великой радостью.

После этого Ивар и его приемные братья отправились на дневную трапезу, и по дороге в зал Сигмунд увидел среди множества молодых женщин одну, которая пристально смотрела на него. Она была светла лицом и красива на вид; на ней было красное платье, украшенное кружевами. Ее льняные и блестящие волосы ниспадали на плечи. Сигмунд спросил, кто она и какова ее семья, и ему ответили, что она сестра Торира, херсира, правившего большим херадом, и что ее зовут Тора "Хладхёнд", что значит "кружевная рука". Для Сигмунда она была самой красивой женщиной в округе. Тогда он пошел поговорить с ней и узнал, что они уже встречались на жертвоприношении в середине зимы. После трапезы они немного отдохнули, а затем вернулись к играм и стали наблюдать за происходящим.

На второй день состязание должно было состоять в более сложном виде борьбы, которая заключалась в захватах и атаках по определенным правилам, путем систематических поворотов и захватных движений руками и ногами, каждый из которых стремился повалить другого на землю. Ивар не хотел, чтобы его узнали, так как накануне он успешно победил, а погода была прохладной, и он надел плащ с капюшоном, который частично скрывал его лицо.

Среди тех, кто участвовал в игре, был очень мощный мужчина по имени Торбьёрн. Он ходил и оглядывал толпу, а любого, кто хотел принять участие в игре, хватал за руку и тянул вперед на поле; и один за другим они падали перед ним, к большому удовольствию толпы. Когда поборолись почти все, кроме самых сильных, люди стали спрашивать, кто должен сразиться с Торбьёрном. Сам Торбьёрн, оглядываясь по сторонам, раздувался от гордости, думая, что никто не может быть сильнее его, и бросил вызов чемпионам, которые боролись друг с другом накануне. Заметив среди них крупного мужчину, лица которого он не мог разглядеть из-за накинутаго капюшона, он подошел к нему и взял его за руку. Сначала он потянул сильно, а потом со всей силы, но человек сидел неподвижно, и его нельзя было сдвинуть с места. Тогда Торбьёрн сказал сердитым голосом: "Никто и никогда не сидел передо мной так твердо, как ты. Кто ты?" Затем, откинув капюшон, так что стало видно лицо, он воскликнул:

"Ивар Хьорвардсон!" и добавил: "Если ты хочешь принять участие в этом поединке со мной, то ты желанный гость".

"Я перестал заниматься борьбой, - ответил Ивар, чьих подвигов накануне Торбьёрн не видел, - но было время, когда я получал огромное удовольствие от борьбы".

Вскоре между ними начался поединок. Торбьёрн бросился на Ивара, тот устоял, не дрогнув, а затем обхватил Торбьёрна сзади руками, вцепился в его штаны, поднял его с ног над головой и швырнул за спину, так что плечи Торбьёрна с тяжелым стуком ударились о землю. Это была великолепная демонстрация силы, и толпа приветствовала ее бурными возгласами.

Тогда один из братьев Торбьёрна, по имени Ангуль, бросил вызов Ивару, который сказал: "Дай мне немного отдохнуть, и тогда я буду готов к встрече с тобой".

Этот новый соперник тоже был очень силен, и каждый из них поочередно одерживал верх над другим. Дважды они вместе падали на колени. Они так крепко вцепились друг в друга, что оба посинели от напряжения, но в конце концов Ангуль упал.

Ивар показал, что он настолько силен, что люди с нетерпением ждали, когда на него нападут сразу два чемпиона. Это противоречило правилам, но разрешалось, если участник был готов к такому противостоянию. Ивар сказал, что, по его мнению, он сможет сделать это во второй половине дня, после небольшого отдыха.

После полудня два чемпиона, считавшиеся сильнейшими борцами, напали на него одновременно; они боролись доблестно, но не могли повалить Ивара, и через некоторое время оба упали. Все люди были в восторге от этого зрелища. Когда борцы остановились, они поблагодарили их за показательные выступления, и все сошлись во мнении, что оба противника Ивара вместе взятые не были так сильны, как он, поэтому Ивара провозгласили чемпионом по борьбе.

Вечером скалды воспевали перед восхищенной толпой подвиги великих воинов, и каждый из присутствующих был одет в свой лучший наряд.

Наибольшей популярностью пользовались игры в мяч; они продолжались два дня, так как было очень много участников. Существовало три вида игр с мячом, которые назывались соответственно "Кнатлик", "Соплейк" и "Скофулейк". Последняя игра была зимней, в нее играли на льду неделю за неделей жители одного херада, и она служила источником большого веселья. Все эти игры считались более или менее опасными, так как мячи были деревянными или из обструганного рога, обтянутого кожей, и битой посылались назад с огромной силой.

Хорд, великий игрок в мяч с острова Зеландия, послал вызов мужчинам Готланда побороться за первенство. С обеих сторон были выбраны равные по силе мужчины, чтобы шансы были равны.

Игра проходила следующим образом: Один человек подбрасывал мяч в воздух, а затем ударял по нему битой, отправляя его на большое расстояние; другой ловил его руками и отправлял обратно, но противоположная сторона пыталась помешать этому, отпихивая его в сторону, или сбивая его с ног, или отбивая мяч от него. Если мяч выходил за пределы поля или падал на землю, тот, кто его отбил, должен был идти и подбирать его.

Хьялмар был отличным игроком в мяч, и везде, где он боролся за первенство в играх с мячом, он одерживал победу. По общему признанию, он был лучшим игроком в Энгеле. Хорд считался лучшим игроком в мяч в Зеландии; он был очень популярен и очень силен. Состязание началось с большим нетерпением; обе стороны имели по десять человек, очень ревновали друг друга, и игра стала очень грубой. Готландцы одержали победу, но четверо мужчин из Зеландии и трое из Готланда получили серьезные травмы.

В это же время в разных частях поля проходили и другие игры в мяч.

На четвертый день народу собралось как никогда много, и многие другие мужчины захотели поиграть. Среди них были двое незнакомых мужчин, которые подошли к Ингви и, поприветствовав его, сказали, что их зовут Храфн и Крак и они родом с острова Борнхольм; они похвастались, что никто не умеет играть лучше их. Выслушав их хвастовство, многие пригласили их поиграть; они сказали, что играют довольно грубо, но ничего не могут с этим поделать, потому что они сильные люди. Чемпионы Ингви сказали, что не возражают против этого и сами позаботятся о себе, что бы ни случилось. Братья отправились на игры и, как правило, владели мячом; играли они, как и говорили, очень жестоко, толкали людей и грубо сбивали их с ног, так что к вечеру многие были в синяках и увечьях.

На следующее утро Сигурд уговорил Сигмунда сыграть с ним против них. Храфн и Крак уже были на поле, бросая вызов. Храфн взял мяч, а Крак - битую, и они сыграли, как было заведено.

Когда они поиграли некоторое время, Сигурд выхватил мяч у Храфна, а затем выхватил битую у Крака и отправил ее Сигмунду. Мяч долго оставался у них, и Храфн с Краком никак не могли им завладеть; так Сигурд и Сигмунд одержали победу и держали первенство до конца игр, на которых постоянно присутствовали Ингви, Астрид, ее сестры и целая толпа девиц.

Игры с бегом были двух видов: люди бежали против быстрых лошадей или друг против друга. В этой игре было много соперников. Для состязаний отбирались самые быстрые лошади в Упсалире, точнее, в Свитхёде. Мужчины, участвовавшие в состязании, были одеты только в трико. Хьялмар, который был одним из самых быстрых людей, должен был бежать против самой быстрой лошади. Когда прозвучал сигнал к старту, он стартовал вместе с лошадью, и хотя животное почти все время не отставало от него, в конце концов он достиг места старта с некоторым опережением. Один из зрителей был так удивлен подвигом Хьялмара, что сказал ему: "Разве ты не держишься за ремень седельной подпруги и не позволяешь лошади тянуть тебя за собой?"

"Ничуть", - ответил Ивар, горячо возмущенный недоверием к своему приемному брату.

У Ингви была очень быстрая лошадь, которую он вывел против Хьялмара. Они стартовали вместе, и Хьялмар всю дорогу бежал впереди лошади. Когда скачка закончилась, Хьялмар сказал: "На этот раз я ухватился за подпругу седла?"

"Думаю, ты стартовал первым", - ответил судья.

Коню дали немного отдышаться, затем всадник уколол его шпорами, и он снова рванулся вперед. На этот раз Хьялмар стоял на месте, пока судья не крикнул: "Беги!". Тогда Хьялмар сам пустился в путь и вскоре обогнал коня, держась далеко впереди него до самого начала дистанции, к которой он пришел задолго до этого. Огромная толпа громко аплодировала

Хьялмару, а когда он проезжал перед дочерьми Ингви и множеством молодых женщин, они тоже приветствовали его, и он галантно кланялся им. Астрид наблюдала за ним с самого начала игр и очень им восхищалась, и когда он проходил мимо нее, она крикнула: "Молодец, Хьялмар Гудбрандсон из Энгеля!". Едва она произнесла эти слова, как ее лицо стало пунцовым, и она пожалела, что не смогла сдержаться.

Затем все мужчины, которые бежали быстрее лошадей, пришли и стали соревноваться за первенство. Хьялмар бежал так быстро, что казалось, его ноги не касаются земли. Он обошел всех своих соперников и был провозглашен чемпионом по бегу, к великой радости Астрид, которая уже любила его, хотя, как дева, осознавала это лишь наполовину.

Два последующих дня должны были быть посвящены воинским упражнениям, и на следующее утро Ингви спросил Ивара: "Искусен ли ты в воинских упражнениях?"

Ивар ответил в своей обычной скромной манере: "Мой приемный отец и моя приемная мать считали так, но я не показывал своего мастерства другим, и, думаю, ты найдешь его незначительным по сравнению со многими мужчинами. С тех пор как начались игры, я выиграл несколько чемпионатов, но не думаю, что стану лучшим в воинских играх, ибо было бы странно, если бы моя удача продолжалась. Тем не менее я буду стремиться к первенству и сделаю все, что в моих силах".

Тогда Ульф, великий викинг, о котором говорили, что он лучше всех во всей Норвегии стреляет из лука и стрел, подошел к Ивару и сказал ему: "Давай испытаем наше мастерство. Ты моложе меня, но я слышал, что ты очень искусен в обращении с луком".

Тогда Ульф взял копье и воткнул его острие в землю; затем он наложил на тетиву стрелу и выстрелил в воздух; стрела повернулась на своем пути, уперлась острием в конец древка копья и стояла там вертикально. Ивар взял стрелу и выстрелил. Она взлетела очень высоко, затем острие стрелы вонзилось в древко стрелы Ульфа, которая застряла на древке копья. Затем Ульф взял копье и метнул его с такой силой и так далеко, и при этом так метко, что все удивились. Но Ивар бросил еще дальше всех, так что его раструб лег на острие копья Ульфа. Ульф снова взял копье и выстрелил еще раз, и копье ушло дальше, чем у Ивара.

"Я больше не буду бросать, ибо вижу, что это бесполезно", - сказал Ивар.

"Бросай, - сказал Ульф, - и дальше, если сможешь".

Ивар бросил, и на этот раз далеко вперед. После этого Ульф наложил стрелу на тетиву, взял нож и воткнул его в дуб. Затем он выстрелил в заднюю часть рукояти ножа, так что стрела быстро застряла. Ивар взял свои стрелы, а Ульф встал рядом с ним и сказал: "Золотом обмотаны твои стрелы, и очень честолобив ты".

"Не я делал эти стрелы; они были даны мне, и я не снимал с них никаких украшений", - ответил Ивар, выстрелил и попал в рукоять ножа, расколов ее, а острие стрелы воткнулось в верхнее острие клинка.

"Теперь мы будем стрелять дальше, - сказал Ульф. Он наложил стрелу на тетиву и натянул лук так, что его наконечники почти согнулись вместе. Стрела пролетела очень далеко и остановилась в тонкой ветке, в которую он целился. Все сочли это отличным выстрелом; но Ивар выстрелил еще немного дальше, и, кроме того, его стрела пробила орех, который был поставлен в качестве мишени. Все присутствующие удивились этому.

"Теперь возьмите орех и положите его на голову Бьёрна, - сказал Ульф, - и попробуйте попасть в него, если, конечно, вы хотите это сделать. Ты не должен стрелять с меньшего расстояния, чем раньше. Бьёрн - мой раб, и за его смелость и готовность я дам ему свободу после испытания, если пощажу его жизнь".

Бьёрн был в восторге и готов был рискнуть жизнью ради своей свободы, ибо где тот человек, который не любит быть свободным?

"Будешь ли ты стоять на месте и не дрогнешь, если я выстрелю в орех?" - спросил Ивар.

"Конечно", - ответил Бьёрн, который был свидетелем мастерства Ивара и поэтому был очень уверен в его меткости.

"Тогда Ульф встанет рядом с тобой, - ответил Ивар, - и посмотрит, попаду ли я в орех".

Ульф согласился, а Ивар приготовился и прицелился. Стрела пролетела быстро, проскочила над макушкой головы Бьёрна и попала под орех, и Бьёрн не был ранен. Орех отлетел от его головы, но стрела пролетела гораздо дальше.

Когда Ингви спросил, попал ли он в орех, Ульф ответил: "Лучше, чем попал, потому что он выстрелил под орех, и тот покатился вниз, а Бьёрн не пострадал".

Этот необычный подвиг Ивара вызвал бурные аплодисменты, причем не только у Рендалина. Раб Бьёрн стал свободным.

После этого Ивар взял свой меч, одинаково хорошо управляясь с ним правой и левой рукой, и двигал им так стремительно, что казалось, будто в воздухе одновременно находятся три меча. Затем он подбросил меч высоко вверх, поймал его левой рукой, держа щит в правой, и нанес потрясающий удар по щиту, который держал человек, прежде чем люди успели увидеть, что он собирается сделать. Восторгу Рендалин не было предела, когда она увидела великое мастерство Ивара.

Затем начались игры с прыжками. Многие прыгали как вперед, так и назад, больше своего роста, в полном военном облачении, и первенство еще не было решено, когда Ивар вышел вперед в полном военном облачении, в шлеме, кольчуге, мече и щите, и прыгнул намного выше своего роста, который составлял почти шесть футов, а затем прыгнул назад так же высоко, как и вперед. Этот подвиг вызвал бурные аплодисменты, и все согласились, что первенство должно быть присуждено Ивару.

В последний день игр двенадцать сыновей могучего и знаменитого берсерка Херварда вышли на арену состязаний за первенство в плавании. Старшим был Торgrim, вторым - Гисли, третьим - Буй, четвертым - Семинг, пятым - Хаддинг, шестым - Торольф, седьмым - Брани, восьмым - Ангантир, девятым - Кетиль, десятым - Грим, одиннадцатым - Барри, двенадцатым - Асбьёрн. Все эти братья были равны по силе и мастерству, за исключением Торгрима, который был намного сильнее; все они были великими берсерками и унаследовали все воинственные качества своего отца и родни, и у большинства из них был такой же нрав. Все они отправились в бой еще до того, как им исполнилось пятнадцать лет, и с тех пор опустошали большие пространства, не встречая себе равных в силе и отваге. Они снискали себе великую славу, ибо никогда не вступали в бой без победы. Эти двенадцать братьев всегда отправлялись вместе на одном корабле, не имея на борту ни одного другого

чемпиона, но часто за ними следовали многочисленные корабли и люди. Их отец, который был очень великим воином, подарил им много отличных мечей, которые он добыл на войне. У Торгрима был меч Омела, у Гисли - меч Тегн, у Буи - меч Рангвид, и у всех остальных братьев были такие же хорошие и прославленные среди викингов мечи; кроме них, у них были и другие отличные дуэльные мечи. Летом они отправлялись в воинские походы, а зимой оставались дома с отцом.

Случилось так, что в предыдущий Йоль все эти братья были дома, и в тот вечер, когда мужчины должны были произносить клятвы над рогом Браги, они пришли в зал своего отца, и после того, как было дано много клятв, они произнесли свою. Буй поклялся, что женится на Астрид, старшей дочери Ингви, херсира Свитиода, и никому не позволит овладеть ею, если ее отец или она сама откажут ему. Одиннадцать его братьев поклялись, что будут поддерживать его.

Они приехали, чтобы принять участие в играх и завоевать первенство, после чего намеревались просить руки Астрид на пиру, который всегда давался по окончании игр.

Братья не без ревности замечали, что Астрид и Хьялмар, похоже, любят друг друга, но никто не знал об их поручении, потому что они держали его в тайне. Они решили попытаться утопить Хьялмара во время состязаний по плаванию.

Ингви и все высокородные женщины и мужчины земли присутствовали при начале заплыва. Среди самых выдающихся пловцов был человек по имени Ольвир, который подошел к Ивару и сказал ему: "Что ты думаешь о том, чтобы устроить нам состязание по плаванию?"

"Я думаю об этом хорошо, - ответил Ивар, - ибо мне сказали, что мы с тобой примерно равны как пловцы".

Ивар и Ольвир поплыли, и долго играли друг с другом, попеременно увлекая друг друга на дно, и в конце концов так долго пробыли под водой, что зрители не ожидали, что они когда-нибудь снова всплывут. Но наконец Ольвир поднялся и выплыл на берег. Он поднялся и лег отдохнуть, но одеваться не стал. Никто не знал и не осмеливался спросить, что стало с Иваром. Но прошло еще больше времени, и он тоже показался над поверхностью. Он поймал очень большого тюленя и сел ему на спину. Он вцепился в него обеими руками за щетину и таким образом управлял им, а когда приблизился к берегу, отпустил его.

"Почему ты не убил тюленя ножом, который носил на поясе?" - спрашивали многие.

"Потому что, - отвечал Ивар, - если бы я сделал это, Ольвир или те, кто был свидетелем нашего поединка, сказали бы, что я нашел его мертвым".

Хотя Ольвир первым вышел на берег, а Ивару понадобилось время, чтобы поймать тюленя, судьи решили, что лучший пловец из них двоих - Ивар, к большому удовольствию всех присутствующих девиц и женщин, а также всех его друзей-мужчин; но никто не был так доволен, как Рендалин.

Затем настал черед состязания в плавании в полном военном облачении. Немногие отважились на это состязание. Хьялмар взял свой шлем, кольчугу и меч, завернул их в плащ и сделал из них сверток, который завязал на спине. Затем он отломил рукоятку копья и бросил ее далеко в воду, а сам поплыл к сломанной рукоятке. Он поймал ее и поплыл дальше, к далекому острову. Никто не заплыл так далеко, как он, и в то утро он выиграл чемпионат, к большому удовольствию Астрид.

После того как закончилась дневная трапеза и питьевой час, Торgrim, старший сын Херварда, позвал своих братьев, и они спустились на берег; и Торgrim сказал Гисли: "Я верю, что ты утопишь Хьялмара, соревнуясь с ним сегодня".

Гисли ответил, что сделать это будет трудно, и тогда Торgrim попросил Буй взяться за это. Буй ответил, что сомневается в успехе, но согласился попробовать. Тогда Буй отправился бросить вызов Хьялмару, и Хьялмар согласился, сказав про себя: "Теперь мне не нужно щадить себя, так как я хотел бы лучше сразиться с ним, чем с любым другим из этих берсерков".

Буй спросил, не попробовать ли им помериться силами в длительном плавании.

"Можно и так, - ответил Хьялмар, - поскольку в других видах плавания у тебя может получиться лучше".

Когда они проплыли довольно долго, Буй захотелось вернуться, но Хьялмар продолжал плыть. Буй поплыл немного медленнее и вскоре спросил: "Ты собираешься плыть дольше?"

"Думаю, ты сможешь один доплыть до берега", - ответил Хьялмар. "Я поплыву дальше".

"Хорошо, - сказал Буй, - я рискну вернуться"; он повернул, но не успел далеко уйти, как выбился из сил. Хьялмар подплыл к нему и спросил, как у него дела, но гордость Буй не позволила ему признать свою слабость, и он сказал, что может плыть своей дорогой.

Хьялмар ответил: "Я думаю, ты заслуживаешь того, чтобы мы оба пошли вместе, ибо я не хочу, чтобы ты утонул. Положи руки мне на спину и таким образом поддерживай себя", и так они вышли на сушу.

Буй пошел по берегу, но совсем обессилел. Хьялмар сел на валун у самой воды. Торgrim спросил брата, как он себя чувствует. Буй ответил: "Я не смог бы сказать, если бы Хьялмар не был добрым и щедрым человеком".

"А теперь, Кетиль, - сказал Торgrim, ничуть не смутившись таким рыцарским поступком, - попробуй утопить Хьялмара".

"Я не буду пытаться, - ответил его брат, - ибо мне кажется, что Буй, который пробовал плавать, не снискал себе славы, а вся слава состязания досталась Хьялмару".

Тогда Торgrim сам бросил вызов Хьялмару и сбросил с себя одежду. Хьялмар поднялся со своего камня и вошел в воду вместе с Торgrimом, и как только они встретились, Торgrim бросил его в глубину. Никто на берегу не мог видеть, что они делают, потому что они оба были далеко под водой, хотя море бурлило над ними. Через некоторое время все стихло, и Торgrim выплыл на берег.

Ивар и два других его приемных брата стали очень беспокоиться, так как Хьялмара больше не было видно. Они решили, что Торgrim утопил его, и поклялись отомстить за него. Астрид упала в обморок на своем месте, и среди женщин, дев и мужчин, видевших поединок, была большая печаль, и многие друзья оплакивали смерть Хьялмара, который, как они думали, наверняка отправился в зал Рана, не подготовившись к появлению там, как подобало его званию.

В тот вечер в зале было мало веселья за пивом. Ингви был вне себя от гнева: если Торgrim утопил Хьялмара, причинив ему боль, то это было убийство; но Торgrim заявил, что если Хьялмар и утонул, то от истощения, и он готов принести клятву на храмовом кольце, что не

виновен ни в каком злодеянии. Зажгли огни, и второе высокое кресло, отведенное для Хьялмара, оказалось пустым. Внезапно дверь в зал распахнулась. Хьялмар вошел, приветствуемый радостными криками, и, подойдя к месту Торгрима, положил ему на колено нож, который Торgrim носил на поясе во время плавания; тогда все узнали, что Торgrim носил с собой нож, который Хьялмар у него отнял, и все же пощадил его жизнь.

Хьялмар некоторое время плыл под водой и высадился на другом берегу небольшого острова, где его никто не мог увидеть с берега. Через некоторое время, услышав радостную весть о том, что Хьялмар спасся, в зал вошла Астрид, за которой следовали ее сестры и подруги, с золотым рогом в руке. Она остановилась перед Хьялмаром и сказала: "Приветствую тебя, благородный Хьялмар! Трижды приветствую тебя за опасность, которой ты избежал!", а затем села рядом с ним и с хмурым видом оглядела двенадцать сыновей Херварда. Они были как никогда злы на Хьялмара и не питали к нему доброй воли, но по их лицам этого не было видно.

Зал наполнился шумом и весельем, пиво пили свободно. Все радовались, что Хьялмар не погиб; несчастными были только двенадцать братьев, которые, тем не менее, старались казаться веселыми.

ГЛАВА XXVII

ПРИЕМНЫЕ БРАТЯ ВЛЮБЛЯЮТСЯ

Встреча стольких людей на играх посеяла смуту в сердцах многих дев и многих воинов, приехавших в Упсалир. Многим доверчивым дочерям викингов шептали сказки о любви, и многие клялись любить друг друга до самой смерти. Викинги, жившие далеко или в далеких землях, обещали приплыть на своих кораблях и навестить красавиц, внушавших им восхищение и любовь. Конечно же, они приезжали к своим отцам и матерям или родственникам, с которыми успели подружиться. Эти храбрые воины и отважные чемпионы обманывали себя, как часто делают мужчины в таких случаях, думая, что люди не поймут, что их цель приезда - увидеть дочерей, а не их отцов, матерей или родственников. Правда, некоторые мужчины стали закадычными друзьями и во время игр поклялись друг другу в приемном братстве.

Близилось время, когда влюбленные должны были расстаться; бессонные ночи рассказывали о том, что многие испытывали муки при мысли о расставании, и неудивительно, ведь многие впервые почувствовали зарождение любви. Какие восхитительные дни прошли! Сколько новых друзей появилось! Сколько старых дружеских связей было возобновлено! Сколько любимых лиц вновь увиделись после долгих лет разлуки! Сколько дремавшей любви пробудилось!

Но игры оставили и множество сердечных ран. Разрушалась дружба между мужчинами и женщинами, которые прежде были закадычными друзьями; ведь если и есть на свете что-то, что не может поддерживать дружбу двух мужчин, даже если они братья, так это то, что оба они любят одну и ту же женщину; то же самое происходит и с двумя женщинами, даже если они сестры, которые любят одного и того же мужчину. Зависть и ненависть непременно последуют, ведь любовь нельзя разделить. Многие к тому же заранее давали клятву, что

женятся на такой-то или такой-то девушке или вызовут на смертный бой своего удачливого соперника; и не раз случалось, что восхищенные ими девы не всегда отвечали им взаимностью и, случалось, любили кого-то другого сильнее.

Однажды вечером приемные братья не пошли в зал, а были вместе в своем доме, и довольно долго не произносили ни слова, как вдруг молчание нарушил Сигурд, сказав Ивару: "Молодой брат, ты, похоже, пребываешь в задумчивости. О чем ты думаешь?"

"Я думал, - ответил Ивар, - о любви". И он продолжил: "Любовь родилась в начале всех вещей и пришла вместе с миром. Атомы поцеловались с атомами и стали единым целым. Пыльца цветка носится в воздухе, над морем и сушей, чтобы поцеловать другой цветок и сказать: "Я люблю тебя". Море целует берег; луна и звезды целуют ночь; бриз - воду и землю; солнце - землю; рассвет - день; сумерки - ночь; жара - холод; роса - цветы, луга и леса; дождь целует все живое. Мужчины и женщины родились от любви, и те и другие странствуют по свету, пока не встретят свою половинку, ибо любовь - часть их собственного существа. Жизнь без любви могла бы и не существовать".

"Да, - воскликнул Хьялмар, - для нас, мужчин, женщина - это воплощение любви, всего того, что есть в жизни сладкого и прекрасного. Для нас она - самое возвышенное воплощение творческой силы богов". Произнося эти слова, он думал об Астрид. "Мы забываем Одина ради любимой женщины; за нее мы готовы отдать последнюю каплю крови. Мы умрем на ее глазах, чтобы она увидела нашу мужественность и храбрость и поняла, что мы достойны ее любви".

Затем, с большим воодушевлением, он воскликнул: "О Любовь, обними меня своей исполинской силой и оставайся со мной, пока моя жизнь не угаснет! Приблизь свое живительное дыхание к моим губам, пока ты не станешь частью моего существа, ибо я не хочу жить без тебя. Когда Мать-Земля, так нежно кормившая и любившая меня, заключит меня в свои объятия и навсегда скроет от меня свет солнца и этот прекрасный мир, который я так полюбил, о Любовь, окутай меня своим бессмертием!"

"Ты, конечно, должен быть влюблен, - воскликнули три брата, - чтобы произнести те чувства, которые ты только что выразил".

"Дело в том, - сказал Сигурд, - что любовь таится в сердце каждого из вас, мои приемные братья".

"Это правда", - в один голос воскликнули они и принялись обмениваться доверием.

Ивар заговорил первым и заявил, что до безумия любит Рандалин, вторую дочь Ингви. "Когда она говорит, - добавил он, - ее голос звучит для меня как нежнейшие звуки арфы; от ее губ исходит аромат роз Каспия или цветов нашей земли".

Затем, в порыве энтузиазма, он со всей серьезностью сказал: "Братья, я говорю вам, что мед кислый по сравнению со сладостью Рандалина". Веселый одобрительный смех встретил последнюю фразу Ивара.

Затем Хьялмар сказал: "Братья, я люблю Астрид, старшую дочь херсира из Свитиода, и богиня Съёфн склонила ее и мой разум к взаимной любви, и я дал клятву, что никто не женится на ней, если я не паду от его руки".

"Мы поддержим тебя, Хьяльмар!" - снова закричали все приемные братья.

Сигмунд признался, что любит Сольвейг Прекрасную, названную так из-за ее красоты. Сольвейг была очень скромной и застенчивой, но от Сигмунда не ускользнули ее величавые манеры и очарование. Она была дочерью Бьёрна Херсира, правившего большим херадом и жившего в Гауларе, неподалеку от храма. Приемные братья встретили ее там на осеннем жертвоприношении, на котором они присутствовали, и тогда Сигмунд влюбился в нее, а теперь, когда они снова встретились в Упсалире, он был влюблен в нее сильнее, чем когда-либо.

"Я знал, - сказал Ивар, обращаясь к Хьялмару, - что ты влюблен в Астрид, и она любила тебя, ибо сотней способов, незаметных для других, я видел, что она отдавала предпочтение тебе перед всеми другими своими женихами. Древняя поговорка подтверждается, - добавил он: - "От глаз не укроется, если женщина любит мужчину, или если мужчина любит женщину".

Хьялмар ответил: "Ивар, то же самое я могу сказать и о тебе. Мы, три твоих приемных брата, видели, как сильно вы с Рендалин любили друг друга. Что же касается тебя, Сигмунд, - сказал он, смеясь, - то в отношении тебя верно следующее изречение: многие люди ведут себя странно, когда влюблены, но не вини в этом человека, а вини любовь".

"Дорогой Сигурд, - сказали все приемные братья разом, - ты еще ничего не сказал нам о деве, которую любишь; а ведь ты наш старший, и мы знаем, что никто не восхищается женщинами больше, чем ты, и не любит их общество больше, чем ты".

"Я странствовал, как вы знаете, больше, чем кто-либо из вас, - ответил Сигурд, - в наших и многих других землях, и до сих пор не встретил девы своей судьбы. Я никогда не встречал ее, на которой хотел бы жениться. Раз или два в моей жизни, если бы не случилось ничего, что помешало бы мне снова встретить девицу, которую я начал любить, я, возможно, был бы женат уже сегодня; но Норнир не так уж и определили мою жизнь, чтобы я был страстно влюблен. Мы должны ждать времени и их указов".

Выслушав его, приемные братья сказали: "Сигурд, женись, ибо ты единственный, кто остался в твоём роду. И неразумно человеку умереть и не оставить потомка, который унаследовал бы его добродетели и славу".

После этого разговора каждый из приемных братьев пошел своей дорогой, а Ивар, не обращая на это внимания, бессознательно шел к беседке Рандалин и увидел, что она идет ему навстречу, направляясь в дом своего отца. При виде ее его пронеслась волна радости. Она побледнела и покраснела при виде его; она готова была упасть на землю. Неопишуемое чувство подсказывало ей, что Ивар вот-вот сделает ей предложение. Следовавшая за ней бондарка отступила, и они с Иваром пошли дальше вместе.

После небольшой паузы Ивар сказал ей: "Ты знаешь, Рандалин, что богиня Вар прислушивается к клятвам людей, к частным обязательствам, которые мужчины и женщины заключают между собой в любви, и наказывает тех, кто их нарушает. Я хочу, чтобы она услышала меня сегодня и послушала, что ты хочешь мне сказать". Затем, пристально глядя на нее, он продолжил: "Помнишь ли ты, прекраснейшая из дев, тот день, когда мы встретились впервые?"

"Да", - ответила дочь Ингви. "Я помню его, как будто это было сегодня".

"Вспомни, - продолжал Ивар, - как мы смотрели друг на друга, как только встретились, и как наши глаза словно растаяли друг в друге? В тот момент меня охватило неопишуемое чувство; казалось, ты входишь в меня. Я чувствовал себя так, как никогда в жизни. Я любил тебя и думал, что ты тоже любишь меня; и когда ты продолжила свой путь, мой взгляд был прикован

к твоей прекрасной фигуре, и я помню, что перед тем, как исчезнуть, ты снова повернула голову ко мне, как будто какой-то волшебный импульс заставил тебя сделать это и сказал тебе, что я все еще околдован твоим взглядом. Мы бросили друг другу прощальный взгляд, как бы говоря: "Да, мы еще встретимся".

"Я все это хорошо помню", - сказала Рендалин, ибо ее честное сердце не могло этого отрицать.

"С тех пор, - сказал Ивар, - я думал о тебе днем и часто видел тебя во сне ночью; и теперь я чувствую, что прежде чем вернуться в Дампстадир, я должен сказать тебе о своей любви и спросить, отдашь ли ты мне свое сердце и выйдешь ли за меня замуж. Если ты скажешь "нет", то жизнь перестанет быть для меня прелестью; звон оружия на поле боя не будет больше приятно звучать в моих ушах; стремление к великим подвигам никогда больше не будет будоражить меня; я чувствую, что без тебя я не смогу жить".

Чувства Рандалин, услышавшей из уст Ивара эти пламенные слова, были таковы, что она не могла говорить. Взяв его руки и заглянув своими прекрасными голубыми глазами в его лицо, она сказала: "Ивар, я буду твоей женой, и никакой другой мужчина никогда не овладеет мной".

Вечером приемные братья собрались, по своему обычаю, чтобы обсудить дела, прежде чем отправиться в пиршественный зал пить с высокородными людьми и чемпионами земли. Все сошлись на том, что им следует спросить согласия родителей девушек на различные браки, ибо законы, касающиеся брака, были очень строгими, и не было на свете ничего, в чем викинги были бы более щепетильны или более мстительны, если бы честь одной из их родственниц была задета.

ГЛАВА XXVIII

ОБРУЧЕНИЕ ИВАРА И РАНДАЛИН

На следующее утро Ивар отправился к двум своим дядям, Рандвиру, брату по матери, и Висбуру, брату по отцу, которые приехали с ним в Упсалир, и сказал им: "Родственники, я хочу, чтобы вы попросили у меня в жены Рандалин, вторую дочь Ингви, херсира из Свитиода".

"Молодец, Ивар", - в один голос сказали два его дяди. "Ты мудр в своем выборе, ибо Рандалин прекрасна и искусна во всем, что касается женщины, и будет тебе достойной женой; она - одна из лучших пар в северных землях, и мы искренне надеемся, что и ее отец, и она сама дадут согласие на ваш союз".

"Я говорил Рендалин, как сильно я ее люблю, и она сказала, что никто и никогда не женится на ней, кроме меня", - ответил Ивар.

В тот же день после полудня два дяди Ивара отправились к Ингви и сказали ему: "Родственник, нам нужно поговорить с тобой по очень важному делу", - и затем объяснили свое поручение. Висбур выступил вперед и сказал: "Мы связаны с тобой кровью и родством,

и мы хотим еще теснее скрепить нашу дружбу, поэтому мы пришли просить руки второй дочери твоей, Рандалин, для Ивара. Дочь твоя высокородна, и из всех родословных семей Упсалира ее - самая высокая, ибо она происходит по прямой линии от самих богов. Мы желаем, если тебе будет угодно, чтобы Ивар стал твоим зятем".

Сделав паузу, чтобы дать Ингви возможность обдумать свои предложения, Висбур продолжил: "Ивар доблестен, участвовал во многих битвах, путешествовал далеко и много, и, как нам кажется, очень мудр для своего возраста. Более того, Ивар любит дочь твою Рандалин, и мы думаем, что это будет счастливый союз для обеих наших семей и укрепит дружбу, которая существует между Готландом и Свитиодом".

Ингви благосклонно отнесся к их просьбе и ответил: "Я знаю, что в этом браке не будет разногласий, ибо и Ивар, и Рандалин - из рода Одина; Ивар - прославленный воин и правит одним из могущественных королевств Севера. Нет никаких препятствий для их брака, ибо, хотя они и состоят в кровном родстве, оно лишь в пятой степени, а это та степень, при которой разрешены браки между родственниками и родственницами. Это один из самых мудрых наших законов, которого мы, норманны, придерживаемся с древнейших времен; таким образом мы предотвращаем вырождение нашего рода".

"Но, - продолжал Ингви, - Рандалин мудра, и я не обручу ее ни с кем без ее согласия. Кроме того, по закону она совершеннолетняя, поскольку ей уже больше пятнадцати; а поскольку она владеет унаследованными землями на правах собственности, она может обручить себя с кем пожелает, хотя было бы очень неразумно делать это без моего согласия. Но прежде чем я поговорю с ней на эту тему, мы должны убедиться, что придерживаемся единого мнения относительно условий брака, касающихся имущества. Вам известно, что Рандалин и сегодня обладает большим имуществом, ей принадлежит треть наследства ее матери, включающего множество крупных земельных владений, и что со временем к ней перейдет большое богатство. Брак - это гражданский договор, обусловленный отношениями, которые муж и жена поддерживают друг с другом в отношении собственности. Давайте посмотрим, что будет "приданным", или "приданным", и "встречным приданным"; если мы договоримся по этим пунктам, я не вижу, что должно помешать браку, если Рандалин согласна. Ее братья ведут войну в Средиземноморье, и они будут рады услышать о браке своей сестры с их товарищем и дальним родственником Иваром Хьорвардсоном".

Затем он добавил: "По законам нашей страны женщина должна быть обеспечена приданым, иначе ее дети не будут "рожденными по наследству", а без приданого брак недействителен; и это приданое, и встречное приданое, которое мы ей дадим, принадлежат ей пожизненно, а потом ее детям или кому она пожелает, и ее муж не должен их трогать. Если она умрет бездетной, ее имения переходят к ее родственникам, но приданое возвращается ее мужу; и она имеет право на третью часть имущества, как личного, так и недвижимого, заработанного ее мужем за время их супружеской жизни".

"Ты говоришь справедливо", - сказали дяди. "Ивар даст в приданое Рандалин поместья Бьельстада, Лиса и Хофа и пятьсот марок золотом".

"Это приданое меня устраивает", - ответил херсир Свитиод.

"Какое встречное приданое ты дашь Рандалин?" - спросили дяди Ивара.

"Я отдам ей, - ответил Ингви, - большое поместье Родельсвеллир и пятьсот марок золота".

"Это щедро с твоей стороны", - сказали Висбур и Рандвир. "Мы не будем обсуждать наряд, который Ивар должен дать Рандалин, ибо мы знаем, что он очень щедр и гордится своим

званием и достоинством, и что он желает, чтобы Рандалин была так одета, как подобает дочери херсира Свитиода."

За Рандалин послали, и Ингви сказал ей: "Я хочу предложить тебе, дочь моя, брак, который, как мне кажется, придется тебе по вкусу. Я не хотел обручать тебя без твоего согласия. Что ты думаешь о том, чтобы выйти замуж за Ивара Хьорвардсона, херсира Готланда? Лучшего союза ты не найдешь во всех северных землях".

Рендалин ответил: "Отец, никто не может быть мне приятнее, и богиня Вар прислушалась к клятвам, данным между нами, ибо мы с Иваром любим друг друга".

Тогда Ивара позвали на совещание, и Ингви обратился к нему так: "Я не отдал бы за тебя свою дочь, Ивар, если бы ты мне не нравился; и я предпочел бы, чтобы ты, а не кто-либо другой из мужчин наших северных земель женился на Рандалин, ибо я считаю тебя самым выдающимся по уму, смелости и отваге". Ивар поблагодарил Ингви за добрые слова и за согласие на брак с Рандалин.

После того как все условия были оговорены, каждая сторона позвала по шесть человек высокого ранга, и перед ними, как того требовал закон, было зачитано соглашение о браке, и они выступили свидетелями договора.

Было решено, что срок обручения не должен превышать двенадцати месяцев, если только не возникнут непредвиденные обстоятельства.

Ингви сказал Рендалин: "Я обручаю тебя по закону, как твой отец и опекун. Это полная помолвка".

Тогда Ивар подошел к Ингви, который объявил Ивара обрученным с Рандалин, своей дочерью, а затем они назвали свидетелей их обручения.

Затем вперед вышла Рандалин и сказала: "Ты, Ивар, в присутствии этих свидетелей обручился со мной законно; дай мне встречное приданое и скрепи мою руку в качестве исполнения и выполнения всего договора, который некоторое время назад был произнесен перед нами без обмана и хитрости. Это будет полный и законный брак".

"Согласно закону, - сказал Ивар, - мы называем свидетелей, Рандалин, что ты обручила себя со мной, Иваром Хьорвардсоном, на законных основаниях. Я даю тебе встречное приданое, скрепляя договор рукопожатием, в качестве исполнения и реализации всего договора, который только что был оглашен между нами".

Тогда, смеясь, один из дядей Ивара сказал ему: "Ты знаешь, Ивар, что нарушение обручения любой из сторон карается, и та сторона, которая его нарушит, лишается обещанного приданого".

"Не бойся этого", - воскликнули одновременно Ивар и Рендалин, стоявшие бок о бок.

Тогда Ингви сказал, обращаясь к Ивару: "У Рандалин нет на лице ни изъянов, ни пороков. Если ты найдешь в ней недостатки или пороки, о которых я тебе не сказал, то это потому, что я их не знаю. Ее мать, как ты знаешь, умерла, и только она может рассказать об этом. Сама Рендалин говорит, что у нее нет никаких изъянов. Если есть, ты можешь отказаться от женитьбы на ней, а если докажешь, что я знал об этом, то можешь потребовать приданое по закону".

Все разошлись, очень довольные, и когда Ингви остался наедине со своей дочерью, после того как ушли родственники Ивара, он сказал ей: "Дочь, ты думаешь, что Ивар совершенен. Через некоторое время после свадьбы с ним ты обнаружишь, что у него есть недостатки, и, возможно, пожалеешь, что не вышла замуж за Торстейна, который, как и Ивар, любил тебя и молча стремился к твоей руке; но я уверяю тебя, что если бы ты вышла за Торстейна, ты бы тоже нашла в нем недостатки, ибо нет человека, как бы хорош и храбр он ни был, который был бы без недостатков. Так что будь довольна, хотя ты и находишь в Иваре некоторые недостатки и хотя идеал, который ты имела о своем возлюбленном до того, как хорошо его узнала и жила с ним, разрушен. Многие мечты юности исчезают в жизни. Норниры мудры, и никто из нас не знает своей судьбы заранее".

На следующее утро Ивар в сопровождении нескольких самых высокородных людей Готланда, а за ним и родственники Хьялмара отправились к Ингви и объяснили свое поручение - просить Астрид в жены для Хьялмара.

Херсир из Свитхёда выслушал их и сказал: "Я хотел обручить свою дочь с другим человеком, ибо не знал, что Хьяльмар и Астрид любят друг друга. Я много думаю о Хьялмаре, ибо он доблестен и является одним из защитников моей земли, и я считаю этот брак удачным, поскольку его род также происходит от Одина".

Затем в присутствии свидетелей были оговорены условия брака и срок обручения. Таким же образом и на такой же срок Сигмунд был обручен с Сольвейг, и Сигурд остался единственным из четырех приемных братьев со свободным сердцем и рукой.

ГЛАВА XXIX

ПОЕДИНОК ИВАРА С КЕТИЛЕМ

Через два дня после окончания игр Ингви устроил большой пир для всех своих сородичей и всех высокородных мужчин и женщин, которые приехали в Упсалир, чтобы посмотреть на состязания. Три больших праздничных зала были заполнены гостями, и среди воинов было разыграно множество жребиев на места - так много было мужчин равного ранга и достоинства. На этом празднике Ингви, их отец, объявил о помолвке Ивара и Рандалин, Хьялмара и Астрид, а Бьёрн, ее отец, - о помолвке Сольвейг и Сигмунда.

На свадьбу Ивара и Рандалин, которая должна была состояться первой, были приглашены все херсиры и многие высокородные мужчины и женщины.

Когда Буй узнал, что Астрид обручена с Хьялмаром, он вспомнил о клятве, которую дал в предыдущий Йоль. И вот, когда пир был в самом разгаре, а Астрид сидела рядом с отцом, Буй вошел в зал и, подойдя к Ингви, рассказал о клятве, которую он дал в предыдущий Йоль в отношении Астрид, и объяснил, что его поручение в Упсалире - просить ее о замужестве. Громким голосом, вызываясь глядя на Хьялмара, он сказал, что требует немедленного ответа. Глубокая тишина сменилась гулом голосов, и все ждали ответа херсира из Свитиода; но прежде чем он успел ответить, Хьялмар вышел вперед и сказал: "Я всегда думал о том,

чтобы жениться на Астрид. Вспомни, мой господин, как я защищал твое королевство и увеличивал твои владения в дальних землях. Ты обручил свою дочь Астрид со мной, и я не знаю, зачем этому человеку приходится просить ее руки, если он знает, что она обручена со мной. Я тоже дал клятву на алтарном кольце, что женюсь на Астрид и никому не позволю обладать ею. Кроме того, - горячо добавил он, - я думаю, что земля станет лучше, если избавится от этих двенадцати братьев".

Херсир из Свитиода, выслушав этих двух мужчин, повернулся к Астрид и сказал ей: "Что скажешь ты?"

Астрид ответила: "Я обручена с Хьялмаром, и я люблю его. Я люблю Хьялмара и никогда не выйду замуж ни за кого другого, кроме него, ибо он добр и храбр. О Буи и всех его братьях я слышала только дурные отзывы. Кроме того, наша Фюлькья явилась мне во сне и велела остерегаться двенадцати сыновей Херварда".

Услышав ее слова, Буй вызвал Хьялмара на поединок и сказал в присутствии всех гостей, что каждый мужчина назовет его "нитхом", если он женится на Астрид, не приняв вызов. Поскольку не принять вызов считалось трусостью, Хьялмар презрительно заявил, что вполне готов принять его вызов; было назначено время поединка и определено место, где он должен состояться, - остров Самсей.

Едва был брошен этот вызов, как перед Ингви встал великий херсир и могучий поборник по имени Кетиль и сказал: "Я только что прибыл в Упсалир, а игры уже закончились; встречные ветры преследовали меня всю дорогу, и я не смог принять участие в состязаниях. Я очень огорчен, ведь я хотел завоевать несколько первенств, испытать силу и ловкость с Иваром на глазах у Рандалин, дочери твоей. Я дал обет, что женюсь на Рандалин и что никто другой не женится на ней, прежде чем переступит через мой труп. Тот, кто сватается к ней, должен сразиться со мной на дуэли. Я вызываю Ивара на поединок, который должен состояться в Архауге в первый день Йоля", - и он закричал так громко, что его услышали все в зале: "Ты, Ивар, станешь нитхом любого человека, если не придешь на поединок!" Ивар сразу же принял вызов, как и Хьялмар.

В Архауге Кетиль и его люди принесли жертву. Он много колдовал, и люди верили, что никакое оружие не может пробить его цепную броню и причинить ему вред. Он приносил жертвы только солнцу и своим духам-покровителям, ибо не верил ни в Одина, ни в других богов.

После окончания пира Ивар и его приемные братья покинули Свитиод вместе со всеми, кто приехал на игры, получив ценные подарки.

Сыновья Херварда уехали сразу после вызова Буи к Хьялмару не в самом лучшем настроении из-за провала их миссии в отношении Астрид. Они вернулись домой и рассказали отцу о результатах своего поручения и о вызове Буи к Хьялмару.

Эрвард ответил: "Никогда еще я так не беспокоился о тебе. Нигде я не знаю людей, столь же храбрых и столь искусных в обращении с оружием, как Ивар и его приемные братья Хьялмар, Сигурд и Сигмунд".

В тот вечер они больше не говорили об этом, но встревоженные брови Херварда говорили о его беспокойстве по поводу поединка и о том, как сильно он опасается за жизнь своих сыновей.

После отъезда Хьялмара Астрид стало очень грустно. Ее роскошный дом, казалось, не имел для нее никакого очарования, и она не могла думать ни о чем, кроме дуэли, которая должна была состояться между Хьялмаром и Буи. Однажды вечером, когда отец был в полном одиночестве, он увидел, что она вошла в зал с таким бледным лицом, что позвал ее к себе. Она ответила улыбкой, стараясь скрыть свои чувства, так как не хотела, чтобы он заметил, как она грустит.

"Сядь рядом со мной, дочка, - сказал он ласковым и сочувственным голосом.

Усевшись рядом с отцом, Астрид положила голову ему на грудь и замолчала, спрятав лицо в складках плаща. Ингви взял ее руки в свои; они были горячими и лихорадочными, и, глядя ее, он, не зная, в чем дело, спросил, не по душе ли ей брак, заключенный между ней и Хьялмаром, и не жалеет ли она о своем обручении. Единственным ответом ему были рыдания; но когда она облегчила свою переполненную грудь обильными слезами и достаточно оправилась, она ответила: "Отец, я рада, и я не хотела бы выходить замуж ни за кого, кроме Хьялмара; но, сама не знаю почему, мне кажется, что я никогда больше не увижу его живым".

"Почему?" - спросил Ингви.

"Перед играми мне приснился сон, - ответила Астрид, - в котором явилась наша Фюлькья и предупредила меня об опасности, грозящей Хьяльмару, и сказала, что двенадцать орлов, которых я видела в предыдущем сне, - это двенадцать сыновей Херварда и что они причинят мне большое горе; а потом она позвала меня к себе и сказала: "Иди за мной". Я думаю, это предвещало смерть Хьялмара и, возможно, мою. Указы Норнира должны быть исполнены, и никто из нас не знает, каковы они".

Ингви изо всех сил старался подбодрить дочь, пытался убедить ее, что ее сон не заслуживает столь зловещего толкования, но утешить ее было трудно. Рендалин тоже с тревогой ждала результата поединка между Иваром и Кетилем.

Тем не менее предотвратить эти поединки было невозможно, и время для поединка между Иваром и Кетилем вскоре пришло. Ивар приготовил два корабля и попросил многих отважных воинов следовать за ним. Он послал в Свитиод весть, чтобы люди с большой славой встретились с ним в Архауге и стали свидетелями поединка, чтобы по возвращении в Упсалир они могли рассказать о его победе или о том, что он умер с честью и доблестью. Он отплыл в Архауг, назначенное место, и прибыл туда за три дня до назначенного срока вместе со своими братьями. По прибытии Бодмод, сын Кетилия, пригласил его в свой зал, и там ему и его людям был оказан великолепный прием. В ходе беседы Ивар упомянул имя Одина. При упоминании Одина Бодмод разгневался и запел: "Одину я никогда не поклонялся, хотя и прожил много лет. Я знаю, что голова Ивара падет раньше, чем моя или моего отца".

Но Ивар в ответ запел: "Я люблю Одина и всех богов и приношу им жертвы, и я знаю, что Один любит меня".

В день, назначенный для поединка, Ивар и его приемные братья сели в лодку и поплыли к небольшому острову, где должен был состояться поединок. Кетиль уже был там и ждал Ивара.

На берегу материка собралась огромная толпа, чтобы посмотреть на поединок, или испытание, между этими двумя знаменитыми чемпионами, ибо люди верили, что таким образом решаются судьбы богов.

"Какой поединок ты хочешь устроить, - спросил Кетиль у Ивара, - хольмганга или эйнвиги? Ты - тот, кто бросил вызов, и ты вправе выбирать, какой из двух поединков ты хочешь получить".

Ивар ответил: "Я выбираю Хольмгангу, ибо в ней больше чести и славы, чем в другой; и когда я уехал с Готланда в Упсалир, чтобы участвовать в играх, я хотел завоевать больше славы, чем имел прежде. Передо мной два варианта: один - храбро одержать победу в борьбе с тобой; другой - пасть с доблестью; и это лучше, чем жить с позором и бесчестьем".

"Но, - сказал Кетиль, - почему ты выбрал Хольмганга, а не Эйнвиги? Ты молод и неопытен, а в Хольмганге есть трудные правила, а в Эйнвиги их нет".

Ивар ответил: "Я не стану сражаться лучше в Эйнвиги, а рискну в Хольмганге и во всем буду на равных с тобой. Хотя я гораздо моложе тебя и у меня меньше опыта, я не боюсь правил Хольмганга. Я много раз обращался с мечом, хотя никогда не делал этого в поединке. Мой приемный отец хорошо обучил меня владению им, а также правилам дуэли".

Затем Сигурд прочел законы Хольмганга, которые были обязательны перед поединком.

"Вот, - сказал он, - закон Хольмганга: Плащ должен быть десять футов от одного конца до другого, с петлями по углам, и в них должны быть вбиты колышки. Тот, кто делает приготовления, должен подойти к колышкам, взяться за мочки ушей и, наклонившись, стоять, расставив ноги, видя между ними небо. Вокруг плаща должны быть обозначены три квадрата шириной в один фут. За пределами квадратов должны быть установлены четыре столба, называемые орешниковыми. Место, подготовленное таким образом, называется полем с орешником. У каждого мужчины должно быть три щита, и когда они станут бесполезными, он должен встать на плащ, а затем защищаться своим оружием. Тот, кому брошен вызов, наносит удар первым. Если один из них ранен так, что кровь падает на плащ, он больше не обязан сражаться. Если кто-либо из них одной ногой ступит за границу, считается, что он отступил; если же он ступит обеими ногами, считается, что он бежал, и ему засчитывается поражение.

"Вняли ли вы, Кетиль и Ивар, закону Хольмганга, который я вам только что пересказал?" - спросил Сигурд в заключение.

"Ты хорошо и правильно изложил законы Хольмганга, Сигурд", - ответил Ивар.

По обычаю хольмганга, один человек держал щит перед каждым из сражающихся. Тот, кто получил больше ран, должен был заплатить компенсацию за то, что его выпустили из поединка, ибо по закону Хольмганга, если тот, кто бросил вызов другому, чтобы получить что-то, одержал победу, он должен получить приз, ради которого бросил вызов; если он был побежден, он должен был отпустить себя с тем количеством имущества, о котором договорились; если он пал, он должен был лишиться всего своего имущества, а тот, кто убил его, должен был взять все наследство.

У дуэлянтов был обычай не выхватывать меч на месте хольмганга, а вешать его на руку, чтобы он был готов сразу же, когда понадобится. Вначале Кетиль сказал Ивару: "Мне кажется, что меч, который ты несешь, длиннее, чем позволяют законы Хольмганга".

"Ты можешь измерить мой меч", - ответил Ивар, - "и ты увидишь, что он правильной длины и соответствует правилам".

Тогда Ивар сказал Хьялмару: "Брат, ты должен держать передо мной щит".

Хьялмар ответил: "Я еще никому не делал этого, мой возлюбленный приемный брат. Лучше попроси меня пойти в Хольмгангу против Кетиля, ибо я боюсь, что ты слишком рискуешь. Я не хочу расставаться с тобой и надеюсь, что Норнир суждено нам умереть в один день".

Ивар поблагодарил своего приемного брата, но сказал, что то, о чем он просит, не может быть исполнено.

Хьялмар ответил: "В случае твоей смерти никто из нас не вернется назад, пока ты не будешь отомщен, ибо мы, приемные братья, поклялись мстить за смерть друг друга".

Затем он подошел к Ивару и взял три щита, которые тот должен был держать перед собой, и передал два из них Сигурду и Сигмунду; затем он сказал Ивару: "Брат, будем надеяться, что победа будет за тобой; но тебе предстоит сразиться с одним из величайших чемпионов нашей земли, человеком, весьма искусным в обращении с мечом и саксой".

"Сейчас лучше держать свое слово и не просить мира первым", - сказал Кетиль.

"Ты прав", - ответил Ивар. Затем он запел: "Прекрасная дева из Свитхёда, сегодня я сражаюсь за тебя; я приду к тебе победителем, Рандалин; сегодня Кетиль умрет".

Кетиль начал яростно кричать, и его охватило безумие. Он кусал край своего щита и был похож на дикого зверя; изо рта его шла пена, но через некоторое время он снова стал самим собой.

Ивар и Кетиль, пожав друг другу руки, вошли в пределы места поединка и расположились на клетках, обозначенных на плаще.

Сначала Ивар запел: "Ты, Кетиль, сегодня с Одином поселишься".

А Кетиль в ответ пропел: "Я не уповаю на Одина, но до ночи ты, Ивар, будешь среди мертвых".

Хьяльмар держал щит Ивара, а Бодмод - щит Кетиля, его отца. У Ивара был меч Хротти, и когда он ударил по щиту Кетиля, из него словно молния вылетела. Кетиль, увидев искры, сказал: "Я не стал бы сражаться с тобой, если бы знал, что у тебя с собой Хротти. Скорее всего, как сказал мой отец, мы, братья, недолговечны, кроме того из нас, кто назван в его честь".

Не обращая внимания на эту жалобу, Ивар ударил по щиту Кетиля, нанося удар за ударом так быстро, что Кетиль не успел нанести ему удар, укрывшись за щитоносцем; тогда Ивар отступил назад, чтобы успеть взмахнуть мечом и нанести удар по Кетиллю, но Кетиль был слишком быстр для него, и щит Ивара был рассечен на части. Были поданы новые щиты, и они тоже были разрублены на куски. Теперь каждая сторона испортила по два щита, у обоих бойцов осталось по одному щиту, и бой должен был стать решающим.

Затем последовала самая ожесточенная схватка. Кетиль пел: "В Кетиле есть отвага. Мой меч Хвитинг остер; он опровергнет слово Одина. Я говорю тебе, Ивар, что доверять ему небезопасно; используй свое оружие и руки, пока мы не расстались, ибо скоро ты падешь".

Ивар ответил: "Скоро, Кетиль, ты упадешь на землю".

Тут Кетиль быстрым движением отступил назад, чтобы удобнее взмахнуть мечом и нанести Ивару смертельный удар. Но в этот момент Ивар бросился к нему и нанес удар, который почти рассек ему плечо надвое, и он, пошатнувшись, упал, смертельно раненный.

После этого Кетиль умер, доблестно сражаясь и падая. По древнему обычаю, вперед вывели большого быка, которого Ивар принес в жертву как победителя.

Затем Ивар вернулся в Дампстадир, а Свияр - в Упсалир, чтобы рассказать Рендалину о великой победе Ивара, который благодаря этому подвигу приобрел еще большую славу, чем прежде.

ГЛАВА XXX

СМЕРТЬ ХЬЯЛМАРА И АСТРИД

Через некоторое время после возвращения из Архауга и памятного поединка с Кетилем Ивар приготовился отплыть из Дампстадира вместе с тремя братьями-приемышами в Самсей, чтобы быть там в назначенное время для поединка между Хьялмаром и Бумом. Перед отплытием Хьялмар принес торжественную жертву Одину за победу. Они отплыли на двух небольших кораблях из тех, что называются "аск", к острову, и после спокойного плавания прибыли туда и бросили якорь в бухте под названием Мунарвог.

Сыновья Херварда тоже занялись приготовлениями. В ночь перед отплытием Торгриму приснился сон, который он рассказал отцу.

"Мне показалось, - сказал он, - что мы, братья, были в Самсее, нашли там много птиц и убили их всех. Потом мы отправились на другую сторону острова, и два орла полетели против нас. С одним из них я сражался с большим трудом, и в конце концов мы оба сели и были сильно ранены. Другой орел сражался с моими братьями и победил их всех".

Услышав это, Эрвард стал еще больше беспокоиться за жизнь своих сыновей, ибо в этом сне он увидел предупреждение об их гибели. Он сказал им: "Этот сон не нужно разгадывать, ибо он достаточно ясен. Я уверен, что он касается вас, и боюсь, что под упавшими мужчинами подразумеваются вы сами".

Сыновья ответили, что не боятся этого, так как раньше они всегда одерживали победу.

"Все люди уходят в тот день, когда им суждено умереть", - ответил Эрвард, и в тот день они больше не говорили на эту тему.

На следующее утро двенадцать братьев отправились на свой корабль, а отец последовал за ними на берег и раздал всем хорошие доспехи и оружие. "Думаю, - сказал он, - вам сейчас нужно самое лучшее оружие, ведь вам предстоит сразиться с самыми доблестными чемпионами", - после чего он попрощался с ними, и они отплыли. Они достигли Самсея и высадились в бухте под названием Унавог, на другой стороне острова, где находился Хьялмар со своими людьми.

После того как сыновья Херварда высадились на берег, на них нахлынула ярость, и они стали бороться с деревьями, большими камнями и валунами, как обычно делали, когда ими овладевало безумие. Через некоторое время они успокоились и отдохнули, ибо ослабли, как это всегда бывает после приступа ярости.

На следующее утро они обошли весь остров, чтобы найти следы прибытия Хьялмара и его приемных братьев. Переправившись на другой берег, они увидели два корабля и поняли, что они должны принадлежать Хьялмару. Тогда они выхватили мечи, прокусили края щитов, и ярость снова охватила их всех. Они взошли на борт кораблей в неодолимом порыве ярости, по шесть человек напали на каждый корабль в центре. Они были так храбры, что ни один человек не сошел с места, не произнес ни слова страха, не изменил цвета кожи. Шестеро братьев пошли вперед на нос, а остальные шестеро - на корму, и убили всех, кого встретили. После этого они с воем и криками отправились на берег.

Хьялмар и приемные братья тоже сошли на берег и обошли остров, чтобы узнать, не пришли ли Буй и его братья. Когда они достигли возвышенности, с которой были видны их собственные корабли, то увидели выходящих из них людей с окровавленным оружием и мечами и узнали в них сыновей Херварда.

Когда Хьялмар увидел их, он сказал своим братьям: "Наши люди убиты; а они были так храбры и так искусны в обращении с оружием, что мне кажется наиболее вероятным, что сегодня ночью мы все поселимся с Одином в Валгалле".

Это было единственное слово страха, которое Хьяльмар произнес за всю свою жизнь, и его приемные братья недоумевали, почему он так поступил. Неужели он предчувствовал, что его Дисир окажется ему неверен?

Услышав это, Ивар сказал Хьялмару: "Храбрость часто бывает лучше острого меча, а многие тупые мечи одерживали победу. Мы одержим победу над сыновьями Херварда, хотя они перебили всех храбрецов, которые были на борту наших кораблей".

"Мы никогда не бежали от наших врагов", - сказал Сигурд. "Лучше падем под их оружием и умрем с честью, ибо это лучше, чем жить с позором; и мы будем сражаться с берсерками один за другим".

Тогда Хьяльмар запел: "Мы не будем ночевать у Одина. Я должен жениться на Астрид прежде, чем умру, и к вечеру все эти люди, пришедшие сражаться против нас, будут мертвы, а мы, четверо приемных братьев, будем жить".

Сыновья берсерка Эрварда и четверо приемных братьев встретились. Поединок должен был быть эйнвиги; они могли наступать или отступать по своему усмотрению, и перед бойцами не было щитов. Буй был вооружен мечом под названием "Рангвид", а Хьялмар - "Драгвандилом", мечом, который подарил ему отец, когда он достиг совершеннолетия. Когда они встретились на арене, Буй сказал: "Если кто-то из нас спасется, он не должен брать оружие другого. Я хочу, чтобы в моем кургане, если я умру, был Рангвид; Хьялмар получит его рубашку и его оружие. Кто останется в живых, тот воздвигнет курган над другим".

Тогда бой начался всерьез и проходил с величайшей жестокостью. Оба наносили сильные и частые удары.

Когда Ивар, Сигурд и Сигмунд немного понаблюдали за происходящим, они отошли на некоторое расстояние и приготовились к бою с остальными одиннадцатью сыновьями Херварда. Ивар сказал берсеркам: "Мы будем сражаться по обычаю воинов, а не рабов. Один из вас, и не больше, будет сражаться со мной по очереди, если вас не покинет мужество".

Они согласились, и тогда Семинг вышел вперед, а Ивар - против него. Хротти, меч, который выбрал Ивар и который принадлежал его отцу, был так хорош, что резал сталь, словно ткань. Прошло немного времени, и Семинг замертво упал на землю. Затем Ольвир вышел навстречу Ивару, и после короткой схватки он тоже упал замертво. Ярость берсерков была всепоглощающей, ведь раньше они всегда побеждали. Затем вперед вышел Гисли. Он, как и Торgrim, был самым сильным и умелым из одиннадцати братьев. Он набросился на Ивара с такой яростью, что тот поначалу не мог ничего сделать, кроме как защищаться. Они сражались долгое время, в течение которого победа казалась сомнительной. Все их доспехи были разрублены, но зачарованная рубашка, которую Рендалин сделал для Ивара, защитила его тело, и он не пострадал. В конце концов Гисли пал, получив множество ран. Тогда Торgrim сразился с Иваром. Бой был очень жестоким и длился долго. Наконец Торgrim потерял так много крови, что внезапно упал и тут же умер. Один брат поднимался за другим, но Ивар убивал их всех. Он был совершенно измотан, но отказался от помощи Сигурда и Сигмунда, так как считал, что победа над сыновьями Херварда достанется ему легче, чем им, и не хотел рисковать их жизнями.

После этого приемные братья отправились на то место, где они оставили сражаться Буи и Хьялмара, и увидели, что Буи упал и неподвижно лежит на земле, а Хьялмар сидит, прислонившись спиной к скале, и бледен как труп.

Ивар подошел к нему и запел: "Что с тобой, Хьялмар? Ты изменил свой цвет. Я вижу, что глубокие раны ослабили тебя. Шлем твой рассечен, а цепной доспех пробит возле сердца. Жизнь твоя, увы, скоро закончится, и скоро ты отправишься в Валгаллу".

В ответ Хьялмар слабым голосом пропел: "У меня шестнадцать ран и цепной доспех прорван. Перед глазами темно, я не вижу, чтобы идти. Меч Буя коснулся моего сердца, острие закалилось в яде. Я владел пятью бургами, но никогда не пользовался ими, ибо ты хорошо знаешь, что я не заботился о том, чтобы жить на земле. Скоро я лишусь жизни, ее нить оборвана мечом в Самсее. Я хотел бы жениться на Астрид, прежде чем отправиться к Одину, но Норнир при моем рождении постановил, что этого не должно произойти. В тот роковой день я покинул юную Астрид, и мне суждено было больше никогда ее не увидеть. Как хорошо, что человек не знает своей судьбы заранее. Ибо горе преследовало бы меня, а вместо этого я думал только о победе".

Затем он подозвал к себе Ивара и сказал: "Возьми из моей руки, мой приемный брат, красно-золотое кольцо и отнеси его Астрид. Я знаю, что для нее будет вечным горем, что я не вернусь в Упсалир".

Затем, после очередной паузы, он продолжил: "Женщины на суше не услышат, что я укрылся от ударов. Мудрые девы в Упсалире не будут смеяться над тем, что я уступил в поединке, как и мой противник, которого я убил первым".

Затем, поднявшись, он продолжил: "Видишь ли ты, Ивар, с высокого дерева ворона, летящего с востока? За ним летит орел; это последний орел, которому я отдам добычу, и он отведаст моей крови. Я хочу, чтобы ты отнес мой шлем и кольчугу в зал Ингви. Сердце дочери херсира Свитиода будет глубоко тронuto, когда она увидит мои кольчужные доспехи, рассеченные на груди. Я вижу дочерей Ингви в Упсалире. Как прекрасны они! Хьялмар не будет больше смотреть на них, не будет веселить элем и речами воинов, что сидят в зале Ингви".

Затем наступила пауза, ибо Хьялмар сильно страдал от ран, но дал себе зарок никогда не кричать от боли. Наконец он сказал своим приемным братьям: "Двое из вас должны пойти и

вытесать для меня каменный гроб, а еще один должен сидеть рядом со мной и писать на деревянных скрижалях ту песню, которую я сочиню о своих делах при жизни".

Тогда он начал диктовать песню, а Сигмунд вырезал ее, и чем ближе поэма подходила к концу, тем больше угасала жизнь Хьялмара. Затем наступила глубокая тишина, его голос умолк. Он был мертв!

Тогда Ивар торжественно произнес: "Далеко пойдет молва, что мало кто жил благороднее и знаменитее, чем Хьялмар Гудбрандсон из Энгеля".

После этих слов Ивара приемные братья смотрели друг на друга, не произнося ни слова, но все чувствовали, какую огромную и невосполнимую потерю они понесли. Они сложили берсерков в кучу у моря и навалили на них ветки. Положили на них оружие и одежду, ничего не снимая. Они покрыли кучу дерном и забросали ее землей, возведя таким образом большой курган. Затем они отправились к своим кораблям, вытащили на берег всех павших и возвели над ними еще один курган.

После погребения берсерков три брата-воспитателя перенесли тело Хьялмара на один из своих кораблей и отплыли в Свитиод. Они высадились недалеко от Упсалира. Ивар нес Хьялмара на спине, за ним следовали Сигурд и Сигмунд, а затем они положили своего любимого мертвого приемного брата у дверей большого зала, воспевая, пока они шли туда, хвалу и великие доблестные деяния Хьялмара.

Войдя в зал, они прошли к высокому креслу, где сидел Ингви, и положили на пол и перед ним пробитые доспехи Хьяльмара, его меч, шлем и разрубленный щит. Эти знаки без слов поведали о смерти Хьялмара Храброго.

Затем Ивар и два его приемных брата отправились в шатер Астрид. Она сидела на стуле и вышивала плащ для Хьялмара, думая о нем. Тогда Ивар снова запел о великих и доблестных деяниях, которые совершил Хьяльмар за свою жизнь, и сказал: "Я должен рассказать тебе, Астрид, печальную историю"; и он отдал ей кольцо, которое она подарила Хьялмару перед тем, как они расстались, и рассказал о приветствии, которое он послал ей перед смертью.

Астрид взяла кольцо, взглянула на него и поняла, что Хьяльмар мертв. Она не проронила ни слова; ее лицо изменило цвет и стало очень бледным. Она безжизненно опустилась в кресло. Она не шевелилась так долго, что ее слуги встревожились. Склонившись над ней, они увидели, что она мертва.

"Давно ничего лучшего не случилось", - сказал Ивар. "Давайте же, братья-приемники, поприветствуем это событие, хотя оно и причиняет великую скорбь херсирам из Свитиода".

Затем он взял Астрид на руки, отнес ее к дверям зала и положил на руки мертвого Хьяльмара, а потом пошел рассказать Ингви о смерти дочери.

Когда Ингви вышел, он с глубокой скорбью увидел перед собой печальную сцену и сильно оплакивал смерть своей дочери Астрид и Хьялмара.

Для Хьяльмара и Астрид построили большую погребальную камеру; на пол постелили пуховую подстилку, а на нее положили подушку, чтобы они могли на нее опереться. Их не хотели сжигать, ибо после смерти Фрея многие не желали, чтобы в мир, куда они отправлялись, было организовано горящее путешествие. Хьялмар был одет в свои лучшие воинские одежды, облачен в пробитые доспехи, щит прислонен к груди, а меч лежит рядом.

Астрид положили рядом с ним в белом платье невесты, предназначенном для ее свадьбы, и украсили дорогими драгоценностями. Затем над ними возвели высокий курган.

Хьялмар Храбрый и Астрид Прекрасная молча лежали бок о бок в объятиях смерти. Их могила и сегодня стоит у гранитных берегов Балтики, безмолвно взирая на корабли, которые плавают туда-сюда по морю, которое они так любили; ветер и рокот волн поют по ним непрерывный реквием. Каждый год, когда возвращается июнь, его мягкий и ароматный бриз, проносясь над полями, лугами и сосновыми лесами, обдувает их. Бабочки и пчелы, радуясь солнечному свету, несущему новую жизнь, порхают над цветами, растущими на их могилах, а птицы поют им свои песни о любви, как в былые времена пели их Хьялмар и Астрид.

Мы рождаемся, мы растем, мы любим, мы умираем. Любовь - лучший из даров, которые нам даны; затем дружба, приемный брат любви. Астрид ушла жить к богине-девственнице Гефьон, которую ждут все те, кто умирает девами. Хьялмар отправился в Вальхаллу и оттуда каждый день видит свою возлюбленную.

Ивар, Сигурд и Сигмунд очень скорбели о смерти Хьялмара, и никогда на памяти человеческой не было четырех мужчин, более привязанных друг к другу. Долгое время они чувствовали свою невосполнимую утрату, но с годами время смягчило их печаль, а воспоминания о благородных качествах Хьялмара подбадривали их, и на каждом жертвоприношении и пиру, когда они пили в память об ушедших родичах, имя Хьялмара Храброго всегда вспоминалось ими. Люди и по сей день любят рассказывать историю Хьялмара и Астрид.

ГЛАВА XXXI

СВАДЬБА ИВАРА И РАНДАЛИН

Примерно через год после печальных событий, о которых мы только что рассказали, наступил день свадьбы Ивара и Рандалин. В Упсалире шли большие приготовления к их свадьбе. Из кладовых, где они свято хранились, были извлечены самые дорогие гобелены, вышитые сменявшими друг друга женами и дочерьми херсиров Свитиода, ведь ими украшали стены залов только на свадьбах. На многих из них были изображены романтические эпизоды ухаживания девиц, которые их вышивали. Вынесли и скамью невесты, украшенную золотом и серебром, богатой резьбой. Сколько прекрасных дочерей херсиров Свитиода сидело на этих скамьях с тех пор, как был основан Упсалир! Сколько прославленных девиц можно было бы назвать! Какую историю рода, произошедшего от них, можно было бы рассказать! Каким разнообразием характеров и нравов обладали эти женщины! Но, несмотря на все это великолепие жизни, многие юные сердца были разочарованы, ведь их союз оказался не таким благополучным и счастливым, как они ожидали. Многие девичьи видения и мечты, свойственные юности, не оправдались, как они надеялись. Норниры соткали густой туман перед их глазами, чтобы скрыть будущее. Многие убедились, что положение, слава, богатство и власть не дают счастья, и часто завидовали веселому смеху, доносившемуся из дома скромного человека и даже из хижины раба.

За две недели до свадьбы гости стали прибывать в большом количестве. Херсиры из Гардарики, Хольмгарда, Фьена, Зеландии и из херадов Норвегии были приняты с большим почетом; каждому высокородному гостю были предоставлены большие дома, хорошо обставленные, и слуги заботились о том, чтобы они ни в чем не испытывали недостатка. Ивар прибыл с большим количеством высокородных людей за четыре дня до свадьбы.

Наконец наступил день свадьбы. После того как все гости собрались в большом зале, Рендалин, одетая в белоснежное свадебное белье, вошла в женскую дверь, за ней последовали подружки невесты. Прекрасные черты ее лица смутно виднелись сквозь сиреневую драпировку, с большим искусством закрепленную на голове драгоценным камнем изысканной красоты. На шее сквозь прозрачное полотно виднелось ожерелье из золотых бус, на которое художник потратил все свое мастерство; с золотого пояса свисала связка ключей, показывая, что она будет править домом Ивара. Медленным и величественным шагом она направилась к скамье для новобрачных, а затем уселась посреди десяти своих подружек. Это были Альфхильд, дочь одного из херсиров Хольмгарда; Тора, дочь одного из херсиров Гардарики; Хильдегерд, дочь херсира острова Фюнэн; Сванхильд, племянница херсира острова Зеландия; Рандгрид, дочь херсира, правившего на южной стороне нынешнего фьорда Кристиания; Гейрлауг, чей отец правил большим островом во Фрисландии; Хильдигунн, дочь Грамматика Британского; Ингегерд, Сигрид и Торхалла, двоюродные сестры невесты и дочери очень могущественных хаулдов, в жилах которых текла кровь Одина.

Каждая подружка невесты сидела в соответствии с порядком старшинства. Альфхильд сидела справа от невесты, Тора - слева, затем шли Хильдигунн и Сванхильд, а за ними остальные. Было сделано все возможное, чтобы рассадить их в соответствии с их рангом, так как женщины были очень щепетильны в этом отношении, ревностно относились к своим привилегиям и, когда их не рассаживали должным образом, часто считали это личным оскорблением.

Следом вошел жених, а за ним - его подручные. Это были Сигурд и Сигмунд, два его приемных брата; Торбранд, брат Альфхильд; Торд, брат Торы; Гейр, брат Хильдигунн; Скегги, брат Сванхильд; Ингольф, двоюродный брат Гейрбауга; Али Смелый, а также Хундинг, Хроар и Бард, которые были могущественными викингками.

Ивар сел на высокое сиденье напротив Ингви. Слева от него сидел Сигурд, справа - Сигмунд; затем шли Торбранд и Торд, а остальные рассаживались по своим местам. По общему согласию они отдали первенство Сигурду и Сигмунду; не потому, что они были выше всех, но потому, что знали, какая любовь царила между Иваром и двумя его приемными братьями, которые вместе пережили столько опасностей. На стороне Ингви были высшие херсиры земли, и множество жребиев было вытянуто в тот день людьми равного ранга на почетные места.

На сцене царило великое великолепие. Женщины были великолепно одеты и соперничали друг с другом в богатстве платьев и красоте драгоценностей. Войдя в зал, они сняли свои праздничные мантии, расшитые золотом, и продемонстрировали свои прекрасные туалеты.

Все они носили "sløedur", или праздничное платье, с длинными шлейфами, уходящими в землю. Они были сделаны из самого дорогого материала, который можно было достать на Каспии или в Греции, и расшиты золотом и серебром. Лифы платьев во многих случаях не доходили до плеч, и эта часть была прикрыта гупом из бледно-голубого или снежно-белого шелка, который тускло и выгодно подчеркивал молочно-белую кожу. Некоторые носили широкий, свободный, незастегнутый воротник, почти скрывающий шею, богато расшитый

золотом. Замужние женщины носили изящные головные уборы. Обувь также была богато расшита и доходила почти до колена.

Волосы носили по-разному: у одних они были закручены в большой узел, который скреплялся длинными заколками из золота и серебра с головками изысканной работы; у других волосы были откинuty назад и завязаны в короткий свободный узел, скрепленный золотой лентой; почти у каждой женщины лоб украшала диадема из золота. Они носили ожерелья из золотых бусин или мозаики, или из золотых римских монет, отделенных друг от друга продолговатыми бусинами из золота. На руках были изящные золотые браслеты, большинство из которых имели спиралевидную форму, а на пальцах - множество колец. Пояса из золота контрастировали с их платьями и выгодно подчеркивали талии, которые они опоясывали. С них свисали кожаные или бархатные мешочки, расшитые золотом.

Женихи Ивара были одеты в самые дорогие одежды, и все они носили плащи, соответствующие их достоинству и рангу. Все гости-мужчины также были одеты в дорогие наряды.

Затем Ингви, как верховный жрец храма, освятил невесту и обручил Рандалин с Иваром, начертав над ними знак молота Тора, и призвал богиню Вар, которая выслушала их клятвы. После этого Рандалин стала святой, как жена, в глазах каждого мужчины.

Закончив церемонию, жених подходил к Рандалин и преподносил ей "лин-фи", или убранство, в которое входили красивые браслеты, ожерелья и диадемы из золота. Здесь было несколько мантий разных цветов, различные головные уборы, перчатки, туфли, нижнее белье из шелка и льна, ночные платья с длинными рукавами из самого тонкого льна, который только могла произвести земля. Некоторые из них были из шелка, материал для которого Ивар привез с берегов Каспия.

Затем последовали дары, называемые свадебными скамьями. Скамьями их называли потому, что каждый гость преподносил подарок невесте, пока она сидела на скамье невесты. Гость за гостем клал перед Рандалин прекрасные подарки, которые он или она принесли для нее.

Двоюродная бабушка с острова Фьен преподнесла ей в подарок золотую монету Тиберия, римского императора 14-37 годов нашей эры, которая попала во владение ее предков при жизни этого императора.

Другая тетя прислала ей в подарок золотую монету Клавдия, 41-54 гг. н. э., которая с тех пор находилась во владении ее родственников.

Среди многочисленных подарков Сигрлин, матери Ивара, была золотая монета Тита 79-81 годов н. э., которую предки Хьорварда получили в Средиземноморье во время взятия Титом Иерусалима.

Двоюродный брат подарил ей золотую монету Деция, 249-251 гг. н. э.; другой - золотую монету Аврелиана, 270-275 гг. н. э.

Дядя Рандалин из южного Свитхода подарил ей золотую монету Проба, 276-282 гг. н. э., которую ему подарил сын.

Было много изысканных драгоценностей: ожерелья из золотых прутьев; диадемы из золота с именем Рандалин, выбитым на них руническими буквами; спиральные браслеты из золота; пояса из золота и серебра; красивые заколки из золота и серебра с орнаментированными

верхушками; ожерелья из мозаичных бусин большой красоты и золотых бусин; прицветники с золотыми цепочками прекрасной работы.

Гурид, тетка Рандалин, прислала ей от своего сына женский головной убор, аккуратно уложенный в мешочек из бархата, весь расшитый золотом.

Сигурд подарил ей большое количество греческих тканей и множество золотых украшений. Сигмунд также подарил редчайшую стеклянную посуду, которую только можно было достать в Греции или на острове Кипр. Гудбранд, отец Хьялмара, привез ей много посуды из золота и серебра. Сигрид, его жена, прислала ей прекрасные гобелены, которые вышила сама.

Тора подарила прекрасный гобелен, который Астрид вышила перед смертью, изображающий Ивара, играющего на балу, который проходил годом ранее, когда она была в Упсалире. На заднем плане были изображены Ингви и женщины, которые за ним наблюдали.

Гуннхильд, ее младшая сестра, подарила ей вышитую золотом сумку.

Ингви подарил дочери в качестве скамейного дара приданое из золота и серебра и множество дорогих вещей, а также два земельных поместья, одно в нынешней Курляндии, а другое в Вендене в нынешней Померании. Подарки, которые Рандалин получил в тот день, представляли собой большое состояние в золоте и серебре.

Сразу же после того, как все подарки были преподнесены, начались большие приготовления к свадебному пиру, который состоялся вскоре после этого. Херсир из Свитиода не пожалел средств. Были сделаны новые чаны для пива и эля, и было сварено необычайное количество эля и пива, не было недостатка и в вине. Столы были накрыты с большим великолепием.

Три зала имели парадный вид. Столы перед сиденьем были покрыты красивыми вышитыми скатертями и украшены самыми дорогими греческими и кипрскими бокалами. Блюда с яствами были из золота и серебра. Рога для питья, или вазы, были разных видов: одни из чистого золота, другие из серебра, украшенного золотом, а греческие кубки из граненого стекла были очень многочисленны. Ночью свет давали большие восковые свечи.

Великие херсиры, присутствовавшие на празднике, согласились сидеть на высоких креслах по очереди, к большому облегчению Ингви, который опасался соперничества за первенство. На столах были разложены блюда из говядины, телятины, свинины, оленины, птицы и рыбы. Все это подавалось на золотых блюдах, а все тарелки, поставленные перед гостями, были серебряными.

Специальные слуги, называемые "наполнителями", следили за тем, чтобы рога всегда были полны, и разносили их по кругу. Толпа была так велика, что пришлось позвать рабов, которые были одеты в чистые, новые, белые "вадмалы", или шерстяные одежды, и у всех были недавно подстриженные волосы.

Среди женщин-рабынь некоторые были очень красивы, их привезли из Британии, Галлии, Греции и Рима. Они также набивали рога и несли их по кругу.

Было много выпивки и веселья, а также обращение к богам. Свадьба длилась шесть недель, что соответствует месячному периоду у нас. Скальды каждый день читали стихи перед восхищенными зрителями; и, как и во время игр, этот праздник должен был стать причиной других свадеб в ближайшем будущем, потому что во время него многие мужчины и женщины влюблялись друг в друга.

Никто и никогда не слышал о большем пире. Когда он закончился, все гости разошлись с дорогими подарками.

Наступило время, когда Рандалин должна была покинуть Упсалир, расстаться со всем, что было дорого ей в девичестве. Новая эпоха в ее жизни наступила сама собой, без ее ведома. Беспечные радости девичества ушли навсегда. В юности все было так радужно, что, казалось, так будет до конца ее жизни. Она обладала Иваром, и счастье было обеспечено ей навеки.

Скульд тщательно скрывала от своего взора будущее. Она и не мечтала о бурных волнах грядущей жизни, о горестях, которые выпадают на долю каждого смертного мужчины и женщины. Ивар был для нее всем, и ради него она готова была пожертвовать даже своей жизнью. Любовь была ее собственностью. О Скульд, как ты добра, что скрываешь от людей указы Норниров, которые определяют нашу жизнь с самого рождения! Мы пришли в мир не по своей воле, и не знаем в начале дня, что принесет нам судьба до наступления ночи.

Глаза Рандалин, полные надежды, смотрели в будущее. Надежда и будущее, эти сестры-близнецы, были в ее глазах ярче солнечных лучей. Ивар принадлежал ей, а Любовь владела ими обоими.

Драконий корабль, доставивший Ивара и Рандалин в Дампстадир, вез самую милую, самую прекрасную из жен и самого мужественного и мудрого из мужей.

ЛОНДОН:

НАПЕЧАТАНО С АМЕРИКАНСКИХ ПЛАСТИН КОМПАНИЕЙ "УИЛЬЯМ КЛОУЗ И СЫНОВЬЯ, ЛИМИТЕД",

ДЮК-СТРИТ, СТЭМФОРД-СТРИТ.

- Примечания транскриптора:
 - Пропущенные или неясные знаки препинания были исправлены.
 - Несбалансированные кавычки оставлены так, как задумал автор.
 - Типографские ошибки были беззвучно исправлены.
 - Орфография и дефисное написание приведены в соответствие только в тех случаях, когда в книге встречается преобладающая форма.